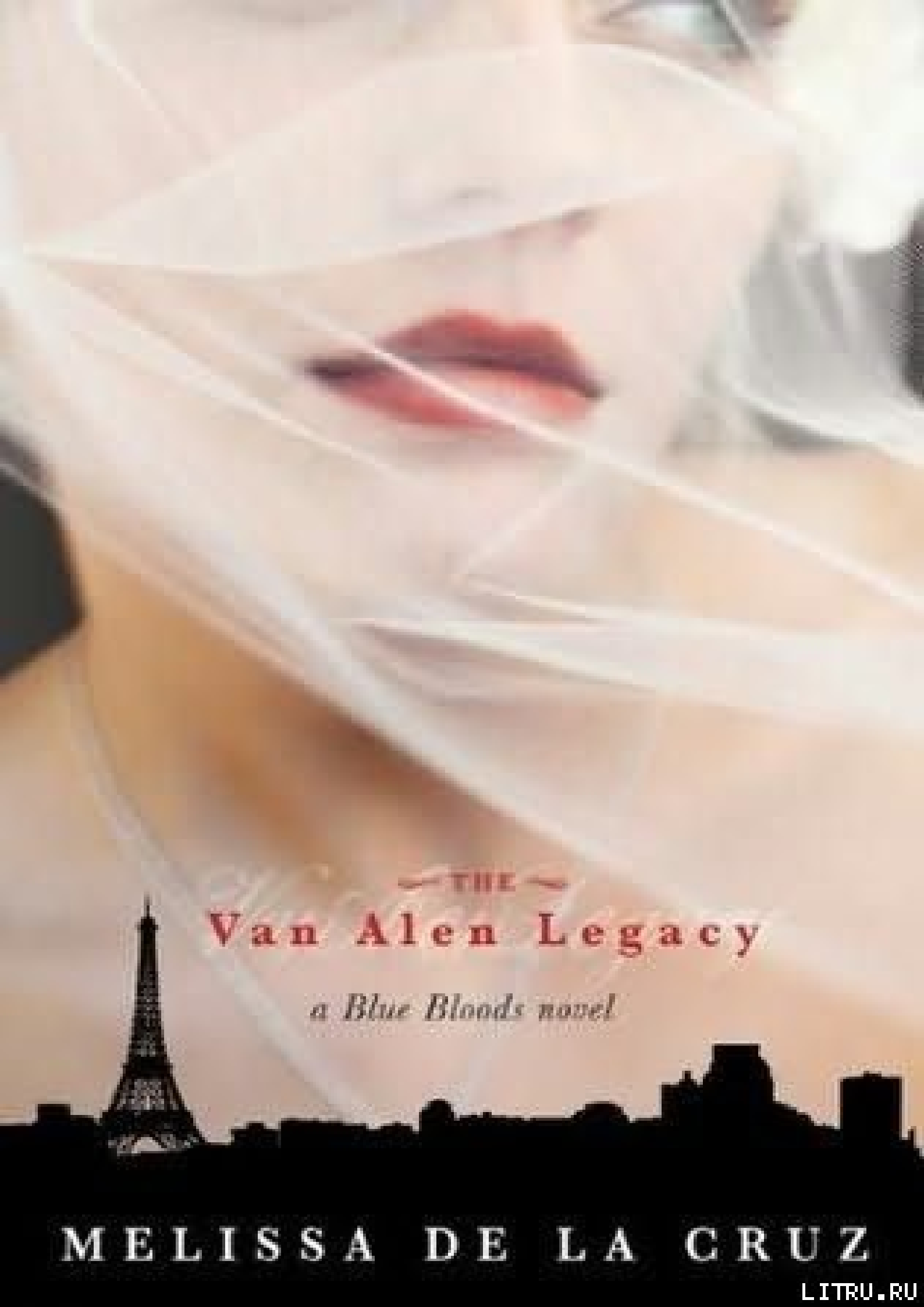

LITRU.RU

Annotation

С невероятным открытием, окружающим истинную личность Блисс, появляется растущая угроза приближения Серебряной Крови. Однажды оставленная жить гламурной жизнью в Нью-Йорке, Голубая Кровь теперь оказывается в эпическом сражении за выживание. Но не стоит волноваться, для молодых вампиров Верхнего Ист-Сайда любовь все еще витает в воздухе. Между Джеком и Шайлер все кончено. Сердце Оливера разбито. И только коварная Мими, кажется, счастлива.

- Мелисса де ла Круз
  - РАЗГОВОР
  - Некролог Нью-Йорк Таймс
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24

- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50
- Глава 51
- Глава 52
- Глава 53
- Глава 54
- Глава 55
- Глава 56
- Глава 57
- Глава 58
- Глава 59
- Глава 60
- Глава 61
- Глава 62
- Глава 63
- Глава 64

- Глава 65
- Глава 66
- Глава 67
- Глава 68
- Глава 69
- Эпилог

Мелисса де ла Круз

Наследие Ван Аленов

РАЗГОВОР

– Было предсказано, что дочь Алегры победит Серебренную Кровь. Я верю, что Шайлер принесет нам спасение, которое мы ищем. Её сила почти такая же как и у её матери. И будет день, когда она превзойдет свою мать.

– Шайлер Ван Ален… полукровка? Вы уверены, что она единственная? – спросил Чарльз.

Лоуренс кивнул.

– Просто у Аллегры две дочери, – сказал Чарльз легким, практически насмешливым тоном.

– Уверен, ты об этом не забыл.

Голос старшего Ван Алена стал холодным.

– Конечно нет. Но это ниже вас, делать игру из такого важного вопроса как первый ребенок Аллегры

Чарльз отклонил упрек Лоуренса.

– Мои извинения. Я не хотел оскорблять мертвых.

– Ее кровь на наших руках,

Лоуренс вздохнул. События сегодняшнего дня ему были утомительны, как и воспоминания о прошлом.

– Только, я думаю…

– Да ?

– Как я уже интересуюсь, все эти годы, Чарльз, разве такой человек мог быть действительно уничтожен?

Некролог Нью-Йорк Таймс

Лоуренс Ван Ален, 105, Филантроп и Философ, Скончался

Лоуренс Винслоу Ван Ален, профессор истории и лингвистики в университете Венеции, умер вчера вечером в своем доме на Ривер-сайд Драйв в Манхэттане. Ему было 105 лет. Его смерть была подтверждена доктором Патрисией Хэзард, его лечащим врачом. Причина смерти была названа как преклонный возраст.

Профессор Ван Ален был потомком Уильяма Генри Ван Алена, известного как Коммодор, американскае икона и один из самых богатых мужчин Позолоченного Возраста, богатство которого прибыло из пароходов, железных дорог и частных инвестиций и посреднических контор.

Ван Ален основал в Нью-Йорке Центральнаю Линию Железной дороги, что является теперь Великим Центральным Терминалом. Благотворительный траст семьи, Фонда Ван Алена, был краеугольным камнем в развитии Столичного Музея Искусства, Столичной Оперы, Балета Нью-Йорка и Нью-йоркского Банка крови и плазмы. Лоуренс Ван Ален переживает за его дочь, Аллегру Ван Ален Чэз, которая была в коме с 1992; и его внучку, Шайлер Ван Ален.

Глава 1

Шайлер

Было мало времени для скорби. По возвращении в Нью-Йорке после убийства Лоуренса в Рио (прикрытое Комитетом соответствующим некрологом в "Таймс"), Шайлер Ван Ален была в бегах. Нет покоя. Передышки. Год в постоянном движении, едва на один шаг впереди Venators охотелись на ее. За полетом в Буэнос-Айресе следуют другой в Дубай. Бессонные ночи в молодежном хостеле в Амстердаме, затем в другой двухъярусной кроваеь в зрительном зале в Брюгге.

Она отметила свой шестнадцатый день рождения на борту Транс-Сибирской железной дороги, празнуя чашкой водянистова кофе Nescafe и несколько рассыпчатое Русских чайных печений. Так или иначе, ее лучший друг, Оливер Хазард-Перри, нашел свечу что-бы зажечь ее на в одном из пирогов. Он принял свою работу в качестве человека Conduit довольно серьезно. Именно благодаря тщательному учету Оливера, им удалось протянуть свои деньги до сих пор. Конклав заморозил его доступ к хорошо финансируемым счетам Хазарда-Перри, как только они покинули Нью-Йорк.

Теперь в Париже был август, жаркий. Они приехали, чтобы найти наиболее города в город-призрак: пекарни, магазины, бистро и ставни, а их владельцы сбежали в трехнедельный отпуск на пляжи на севере. Единственными людьми вокруг были американские и японские туристы, которые осаждали в каждом музее, галерее, в каждом саду каждый городской площади, неизбежные и вездесущии в своих белых кроссовках и бейсболках. Но Шайлер приветствовала их присутствие. Она надеелась, что медленные толпы помогут легче для нее и Оливера обнаружить место их преследователей – Venator. Шайлер удалось замаскировать себя, изменив внешность, но выполнение мутации негативно сказывалась на ней. Она ничего не говорила Оливеру, но в последнее время она не могла даже изменить цвет глаз.

И вот, спустя почти год, скрываясь, они открылись. Это была игра, но они были в отчаянии. Проживание без защиты и мудрости

тайного общества вампиров и их избранной группы людей, которым доверяют, взяло свои потери. И хотя ни один из них никогда не признается, они оба устали бежать.

И вот Шайлер сидела на заднем сидении автобуса, одетая в жатую белую рубашку,застегнутую до самой шеи,тонкие черные брюки и черные балетки на резиновой подошве.Свои темные волосы она собрала в хвост, совсем без макияжа, за исключением блеска на губах. Она хотела смешаться с остальным обслуживающим персоналом, который был нанят на вечер. Но несомненно кто-нибудь ее заметит. Несомненно кто-нибудь заметил бы как тяжело бьется ее сердце, как быстро и поверхностно она дышит. Ей нужно успокоится. Она должна очистить ум и стать тем кем притворялась. За столько лет Шайлер отлично научилась быть невидимой. И в данный момент от этого зависела ее жизнь.

Автобус вез их через мост к Гостинице Ламберт на небольшой остров Святого Луиса, расположеный на реке Seine. Дом Ламберт было самым красивым в самом красивом городе в мире. Ну, по крайней мере, она всегда так думала. Хотя "дом" – это мягко сказано. Он был больше похож на замок, в нем было что-то сказочное, с его массивными речными стенами и серыми крышами масандр, возвышающихся над окружающей мглой. Будучи ребенком она играла в прятки в садах, где конусообразные деревья напоминали ей фигуры на шахматной доске. Она помнила как придумывала забавы внутри грандиозного двора и как кормила гусей хлебными крошками с терассы с видом на Сену. Она принимала жизнь как должное! Сегодня она не входит в список приглашенных гостей, сегодня она всего лишь прислуга.

Прям как мышь, крадущаяся в норку. По своей природе Шайлер был очень не спокойной, и ей требовалось собрать вместе все ее самообладание. В любой момент она могла сорваться и закричать, она уже была настолько взвинчена, что не могла остановить дрожь в руках.Они тряслись, как птицы, угодившие в ловушку.

Оливер сидел рядом с ней, очень красивый в униформе бармена, в смокинге с черной шеловой бабочкой и серебряными запонками. Но он был бледным, и его плечи были напряжены под немного великоватой курткой. Его карие глаза были омрачены и от этого казались более серыми чем зелеными. Лицо Оливера не было таким же пустым как у других, поэтому смотреть на него было не скучно.

Он был тревожен, готовый к битве или полету. И каждый кто присмотрелся бы к нему смог бы это увидеть.

Шайлер подумала, что им не стоило бы быть здесь. О чем мы думали? Риск слишком велик. Они найдут нас, разлучат…а потом… ну, об остальном было страшно даже думать.

Она вспотела в своей накрахмаленной рубашке. Кондиционер не работал, а автобус был переполнен. Она прижалась головой к стеклу. Уже прошло больше года как умер Лоуренс. Четыреста сорок пять дней. Шайлер продолжала вести счет, думая, что однажды она обнаружит волшебное число, когда притупится боль.

Это была не игра, хотя иногда ощущалось, что это неприятная сюрреалистичная версия в кошки-мышки. Оливер положил руки поверх ее, пытаясь унять дрожь. Дрожь (сотрясения) начались несколько месяцев назад, как легкое подергивание, но вскоре стало понятно, что она должна концентрироваться всякий раз, когда делала столь же простое, как поднятие вилки или вскрытие конверта. Она знала, что это было, и не было ничего, что она смогла бы с этим сделать. При первом посещении кабинета доктора Пат, ей сообщили: она единственная в своем роде, Димидиум Когнато, первая полукровка, и не было никаких рассказов о том, как ее человеческое тело будет реагировать на трансформации в бессмертную, ни рассказов о побочных эффектах и препятствиях специфичных ее случаю.

Тем не менее ей стало лучше, когда Оливер держал ее руку в своей. Он всегда знал что нужно делать. Она так сильно зависела от него и ее любовь к нему только увеличилась за этот год, который они провели вместе. Она сжала его руку, переплетая ихние пальцы.Его кровь бежала в ее венах, его быстрое решение обеспечило ей свободу.

Шайлер больше не задумывалась обо всем, что осталось в Нью Йорке. Все это в прошлом. Она сделала свой выбор и была им довольна. Она делала то, для чего была предназначена.Она очень остро переживала, что потеряла свою подругу Блисс и не раз у нее возникало желание связаться с ней, но об этом не могло идти даже речи. Никто не должен был знать где они. Никто. Даже Блисс.

Возможно им сегодня повезет. До сих пор удача не покидала их. О, ну было пару случаев, когда они были на волоске, например в тот вечер когда она резко убежала от женщины, которая спросила о

направлении к собору. Инквизитор послал агента. Шайлер заметила мягкий незаметный свет в сумерках прежде чем сбежать так быстро, на сколько она была способна.Маскировка только началась.В какой-то момент истинная природа проявляет себя.

Разве это не было тем, что Инквизитор обсуждал во время официального расследования о событиях в Рио? Возможно Шайлер не та, кем предполагаось должна быть?

Вне закона. Беглец. Вот что она сейчас. Конечно, не скорбящая внучка Лоуренса Ван Алена.

Нет.

Согласно Конклаву, она была его убийцей.

Глава 2

Мими

О, черт! Она наступила на что-то безобразное. Сверх безобразное. Оно хлюпало под ее ногой, что-то влажное с задыхающимся звуком. Что бы это не было, она была уверена, что это испортило ее ботинки из шкуры пони. О чем она думала, когда надевала обувь из шкуры пони для разведовательной миссии? Мими Форс приподняла свою пятку и оценила размер ущерба. Окрас зебры был испачкан чем-то коричневым и липким.

Пиво? Виски? Для чего эта комбинация алкоголя на нижней полке? Кто знал? В сотый раз в этом году она задавалась вопросом, с какой стати она давала свою подпись на все это. Это была последняя неделя августа. По всем законам она должна быть на пляже в Капри, работая над своим загаром с пятым лимонным ликером в ее руке. И не сноваться вокруг некого дешевого бара посреди страны. Где-то между районом пыли и грязи, или это действительно был район пыли и грязи? (не знаю как еще перевести) Где бы они ни были, это была сонная, унылая маленькая местность, и Мими не могла дождаться времени, когда они покинут это место.

"Что случилось?" подталкивал ее Кингсли Мартин. "снова тесные туфли?"

«Не мог бы ты оставить меня в покое?» вздохнула она, проясняя ему, что она переезжает в альков, что на четверть ближе места, где они скрывались. Она устала от его поддразнивания. Особенно с тех пор, как к ее полному и чрезвычайному ужасу она обнаружила, что это начало ей нравится. Это было просто недопустимо. Она ненавидела Кингсли Мартина. После всего, что он сделал с ней, она не могла понять, как она могла чувствовать иначе.

«Но где в этом веселье?» Он подмигнул. Наибольшая вещь, приводящая ее бешенство о Кингсли, за исключением того факта, что однажды он пытался свергнуть ее, была та, что основалась при поисках между берегов Пунта дель Эсте или где-то меж небоскребов в Гон Конге, Мими поняла что считает его… привлекательным. Этого

было достаточно для того, чтобы заставить ее желудок выворачиваться.

"Да ладно Форс, очнись. Ты же знаешь, что хочешь меня," – сказал он с самодовольной ухмылкой.

«О, боже!» раздражалась она, оборачиваясь так, чтобы ее длинные светлые волосы ниспадали по ее плечам и, ударили по его квадратному лицу. «Если бы!»

Он может быть быстрее и сильнее, чем она, главным человеком в команде Венаторов, при всех намерениях и целях ее главенствования, но в действительности она должна быть лидером среди них, так же как она принадлежала высшей иерархией в Конклаве. Если бы вы могли назвать эту жалкую группку трусов Конклавом.

У Кингсли Мартина было бы другое мнение, если был бы хоть одни шанс быть с ней. Он мог бы быть более милым в словах (черт, как те взгляды рок-звезды), но это не изменило бы значения, ни на одну йоту. Она была не заинтересована, не важно на сколько ускорялся ее пульс каждый раз, когда он был рядом. Она была связана с другим.

"Ммм. Мило. Ты не использовала гостиничный шампунь из аэропорта Хилтон, не так ли? Это неплохая вещь," – промурлыкал он. "Но действительно ли этот кондиционер делает все настолько мягким и шелковистым?"

"Заткнись… или?"

"Потерпи. Прибереги свою речь для времени после вечеринки. Я видел нашего парня. Ты готова?" перебил Кингсли, теперь его голос был под контролем и серьезен.

"Как всегда." – кивнула Мими, как обычно. (не знаю, как еще перевести). Она видела их свидетеля, первостепенно по этой причине они находились за несколько миль от Линкольна, Небраска (во что это за место! Сейчас она вспомнила). A former frat boy, probably just shy of thirty, with a baby beer gut and the beginnings of middle-age “carb face” (не знаю как перевести). Он был парнем, тип которого, был похож на то, что он играл за правого защитника в средней школе, но чьи фунты мускулатуры превратились в жирову массу по прошествии нескольких лет.

"Хорошо, потому что это будет не так легко," предупредил

Кингсли. "Ладно, парни приведут его в ту угловую кабинку, и мы последуем за ними. Смело встретьте его и идите. Никто и не заметит нас, до тех пор, пока мы не поднимемся. Официантка и не потрудиться подойти."

Было бы легче и более безболезненно войти в разум другого человека во время быстрого сна, но у них не было вермени дождаться пока их подозреваемый отойдет ко сну, это была непозволительная роскошь.

Вместо этого они запланировали втеснутся в его подсознание без предупреждения и осторожности. Это наилучший выход: ведь не существует места, где бы он смог спрятаться. Они не стали тратить время на подготовку. Они хотели знать истину, и в этот раз они собирались получить ее.

Венаторы были правдивыми счётчиками, квалифицированными в способности расшифровать воспоминания доступа и мечты. В то время как только кровопролитие позволило бы им говорить истинную память от ложного, были другие, более быстрые способы отличить факт от вымысла, не имея необходимость обращаться к Священному Целованию. Мими узнала, что Комитет только соглашался на испытание крови, когда самое печальное обвинение было наложено, как в ее случае. Иначе, практика охоты памяти, venatio, в то время как весьма склонный ошибаться, была приемлемой в их целях. Мими дали интенсивный курс в обучении Венатора перед соединением. Помогло, что она была один в предыдущих сроках службы. Как только она повторно изучила основы, это точно так же как ехало на велосипеде, ее основные втолкнутые воспоминания и целое осуществление стали второй натурой.

Мими наблюдала, как Сэм и Тэд Леннокс, братья-близнецы, которые дополнили их команду Венаторов, загнали своего свидетеля в темный угол кабины. Они продублировали его кувшин пива, после кувшина, выпитого на баре. Мистер Глори Дэйс вероятно думал, что он только что приобрел несколько новых друзей. Как только они присели, Кингсли проскользнул на противоположную скамью, а Мими последовала за ним.

"Эй, приятель, помнишь нас?" спросил он.

"Ха?" Парень очнулся, но был пьян и сонлив. Мими почувствовала приступ жалости. Он не понятия не имел, что

произойдет.

"Я уверен ты помнишь ее," – сказал Кингсли, руководствуясь свидетелем, уставившемся на Мими.

Мими поддерживала парня из братства плечом, и все в реальном мире знали, что парень был очарован симпотичной блондинкой, смотря в ее глубоко посаженные зеленые глаза.

"Сейчас", приказал Кингсли.

Без минуты сомнения четыре Венатора вступили в конгломерат,забирая свидетеля с собой. Это было столь же легко, как спуститься вниз по кроличьей норе.

Глава 3

Блисс

Когда она проснулась этим утром, первая вещь, которая пришла ей в голову, была о том, что эти яркие белые ставни выглядят знакомыми. Почему они выглядели знакомыми? Нет. Это было неправильно. Это был неверный вопрос. Она снова опередила саму себя. Это сново случилось. Но теперь ей необходимо сконцентрироваться. Каждый день она задавала себе три очень важных вопроса, и этот был не одним их них.

Первый вопрос, который она себе задавала, как меня зовут? Она не могла вспомнить.

Это было похоже на то, как пытаешься разобрать каракули на листе бумаги. Она знала, каким должен быть ответ, но она не могла разобраться в почерке. Это похоже на то, как будто у тебя есть что-то очень дорогое за запертой дверью, и она потеряла ключ от нее. Она двигалась на ощупь в темноте, пытаясь не запаниковать.

"Как меня зовут?"

Её имя. Она должны была вспомнить свое имя. Хотя… Хотя…

Она не хотела думать об этом.

Давным-давно жила была девочка по имени…"

Давным-давно жила-была девочка по имени…"

У нее было необычное имя. Она знала это наверняка. Это было не простое имя, которое вы могли бы обнаружить на керамической кофейной кружке из магазина подарков в аэропорту или на украшенной пластине минилицензии, которую можно повесить на двери своей спальни после возвращения из Диснейлэнда. Ее имя было милым и необычным и что-то значило. Что-то, что означало снег или вздох, или радость, или счастье, или…

Блисс. Да. Вот оно. Блисс Левеллин. Это было ее имя! Она вспомнила! Она обняла сам себя так сильно, как только могла. Ее имя. Она сама. Пока она могла помнить кто она, она была в порядке.

Она не сошла с ума. По крайней мере, не сегодня.

Но было сложно. Это было очень, очень сложно, потому что сейчас там был Посетитель, которого можно рассмотреть. Посетитель, который был в ней, которым была она, при всех намерениях и целях. Посетитель, который назвал ее имя. Она называла его Посетитель, потому что так было легче верить в то, что эта ситуация временная. Что посетитель делал, после всего? Они ушли.

Блисс интересовалась, что было бы, если в тебе был кто-то, кто мог бы принимать решения? Говорить твоим голосом? Ходить с помощью твоих ног? Использовать твои руки, чтобы принести смерть, тому, кого ты больше всего любишь?

Она задрожала. Одна непрошенная мысль посетила ее. Мальчик с черными волосами, мягко лежащий на ее руках. Кто это был? Ответ где-то был, но до него ей надо докопаться. Картинка исчезла. Она надеется, что вспомнит позже. Прямо сейчас ей надо двигаться в сторону второго вопроса. Где я?

Ставни. Ставни были подсказкой. Этого было достаточно для того, чтобы она заметила кое-что. Сейчас это случалось так редко. Большую часть времени она просыпалась в темноте. Она сконцентрировалась на ставнях. Они были деревянными и окрашены в белый цвет. В некотором смысле они были очаровательными, напоминая фермерский дом или коттедж в английском стиле, за исключением того, что они были слишком яркими, слишком блестящими и идеальными. Больше похожими на коттедж в английском стиле Марты Стюарт, чем на первый вариант. Ах. Неудивительно, что они выглядели так знакомо.

Блисс знала, где она находится. Если бы она все еще могла улыбаться она бы сделал это. Хэмптон. Она была в своем Хэмптонском доме. Они были в Костволде. Боби Энн дала название этому дом. Боби Энн? Блисс увидела изображение высокой, долговязой женщины с большим количеством косметики, носящей гигантские украшения. Она даже смогла почувствовать противный запах духов мачехи. Все воспоминания теперь возвращались, и возвращались быстро.

Одним летом, во время званого ужина в доме известного дизайнера, Боби Энн узнала, что у каждого большого дома в округе

есть название. Владельцы давали названия своим домам, например «Мандалай» или «Оак Валли» (долина дуба), согласно тому, насколько претенциозны они были. Блисс предложила назвать их дом «Дюн Хаус», из-за большой песчаной дюны, расположенной на побережье на их территории. Но у Боби Энн была другая идея. «Костволд». Хотя она ни разу не была в Англии.

Хорошо. Блисс поняла. Она выяснила где она находится, но это не имело никакого смысла.

Что она делала в Хэмптоне?

Она была странником собственной жизни, туристом собственного тела. Если бы кто-то спросил ее, на что это похоже, Блисс бы объяснила это так: это похоже на то, что ты за рулем авто, но сидишь на заднем сидении. Машина едет сама по себе, а ты ничего не контролируешь. Но это твоя машина, по крайней мере ты так думаешь. Она принадлежит тебе, так или иначе.

Это похоже на фильм. Этот фильм твоя жизнь, но ты больше не главный киногерой. Кто-то другой целует принца и передает драматические монологи. Ты только наблюдаешь. Блисс играла наблюдателя своей собственной жизни. Она больше не Блисс, а простая память о той Блисс, которой она была.

Иногда она даже не была уверена, что когда-либо существовала.

Глава 4

Шайлер

Автобус остановился, проехав мимо ворот, группа в тишине начала выходить один за другим. Шайлер заметила, что большинство из ее утомленных сослуживцев, например, довольно надменная группка подрабатывающих по вечерам актеров и актрис наряду с самодовольным студентом или двумя из кулинарного колледжа озирались в изумлении. Здание и его безупречные основания были столь же богатыми и запугивающими, как Лувр, за исключением того, что здесь все еще кто-то жил. Это был дом, а не национальный памятник культуры (монумент). Отель «Ламберт» был закрыт для общественности большую часть своей истории. Только немногие удостаивались чести войти в его массивные двери. Остальная часть мира могла довольствоваться картинками из книг. Или войти, как часть обслуживающего персонала. (N)

Так как они шли мимо грохочущих фонтанов, Оливер подталкивал ее. «Все хорошо?» – спросил он на французском. Еще одна причина быть благодарной школе Дачезне. Годы принудительного изучения иностранных языков значили, что они были в состоянии сойти за двух ресторанных рабочих из Марселя при приеме на работу, хотя их акцент мог бы подвести их в любой момент.

"Ты выглядишь беспокойной. Что случилось?"

"Ничего. Я просто снова думала о расследовании" – сказала Шайлер пока они пробирались к служебному входу расположенному позади дома. Она вспомнила тот ужасный день на Складе, когда она была так несправедливо обвинена. "Как они могли поверить в такое обо мне?"

!Не трать на это время в пустую. Это уже ничто не изменит." – сказал Оливер твердо. "То, что произошло в Корковадо было ужасом, и это была не твоя вина."

Шайлер кивала, мигая, чтобы не пролить слезы, которые наворачивались на глаза каждый раз, когда она думала о том дне.

Оливер был прав, как всегда. Она расстрачивала свою энергию, желаю инного результата. Что было, то прошло. Они должны сосредочиться на подарке.

"Не прекрасно ли это место?" – спросила она. Затем прошептала, чтобы никто не мог ее услышать, "Корделия привозила меня сюда несколько раз, когда она приезжала сюда для встречи с принцем Генри. Мы останавливались в гостевой комнате в западном крыле. Напомни мне показать тебе галлрею Геракла и Польскую библиотеку. У них даже есть рояль Шопена."

Она чувствовала смесь страха и печали, поскольку она следовала за беззвучной толпой через мерцающие мраморные залы. Страх был вызван красотой места, которое было построено тем же архитектором, который спроецировал дворец Версаля, и показал те же золотые молдинги, расцвет и печаль барокко, а так же он напомнил ей о Корделии. Именно тогда она могла использовать часть бесцеремонного упорства ее бабушки. Корделия Ван Ален не стала бы думать дважды о появлении на вечеринке без приглашения, чтобы получить то, что она хотела, тогда как в Шайлер было слишком много сомнений.

Вечеринка этим вечером называлась – Тысяча и одна ночь, в дань уважения к экстравагантному Восточному Балу, зародившемуся в 1969 году. Как и на первой вечеринке, сегодня будут выступать танцующие девочки – рабыни, полураздетые повелители огня (как-то так), игроки в цитру и индусские музыканты. Естественно, присутствовало и несколько современных дополнений: в полночь выступит вся музыкальная каста Болливуда, и вместо слонов, сделанных из папье-маше, на входе стояла пара настоящих индийских слонов, позаимствованных у проезжающего тайского цирка. Толстокожие несли бы наездников под золотыми навесами.

В газетах эту вечеринку прозвали Последней вечеринкой. Вечеринка, которая закроет все вечеринки. Вечеринка, которая отметила бы завершение эры. Прошлой ночью это легендарное здание предоставило лицензионный платеж на заселение.

Потому что Отель Ламберт был продан. Завтра это дом больше не будет принадлежать выжившей семь Луи-Филиппа, последнего короля Франции. Завтра данная собственность будет принадлежать иностранному конгломерату. Завтра замок попадет в руки разработчиков, которые были достаточно богаты, чтобы приобрести

его за запрашиваемую стоимость. Завтра он может быть разделен, или превращен в музей, или, во что-либо еще, в зависимости от того, что запланировал конгломерат.

Но сегодня это была сцена последнего великого бала Вампиров: сбор Парижской Голубой Крови для заключительного празднования, достойного самой Шахерезады.

«Корделия рассказывала мне, что с ней однажды проводил время Бальзак во время бала. Она была тогда дебютанткой, в более раннем цикле, до того, как она стала моей бабушкой,» – сказала она Оливеру, пока они пробирались в обширные подвальные кухни, где современные приборы из нержавеющей стали были установлены рядом со средневековыми печами.

"Она сказала он был довольно-таки пьян. Можешь себе это представить?"

«Один из величайших светил Франции приударил за 18 летней девушкой?» Он ухмыльнулся, толкая качающуюся дверь. «Да ладно».

Вечеринка начиналась через два часа, и они нашли поваров, сердито вопящих друг на друга в суетящейся огромной кухне, где все поспешно приготавливалось. Пар вздымался от чанов для приготовления гигантского размера, и все место пропахло шипящим маслом, дымом и вкусностями.

«Что вы здесь делаете?» – спросил шеф-повар, когда весь долгожданный штат прибыл. «Наверх, проходите наверх, мне что подняться с вами?»

У шеф-повара было небольшое разногласие с начальником штата (сотрудников), но, в конце концов, они согласились, что серверовщики могут помочь основной команде, и Шайлер с Оливером были разделены.

Шайлер отослали на улицу, где она нашла слоновьих тренеров, объясняющих актеру и актрисе, играющих короля и королеву Сиама, как управлять животными. Чтобы создать видимость занятости, она приступила к зажиганию свечей, выравниванию скатерти, и оформлением цветов в центральной части столов. Все крутилось вокруг нее (рядом с ней), внутренний двор был полон неблагозвучного шума, со всеми этими исполнителями и акробатами, спрыгивающими с крыш, настраивающимися музыкантами, и танцующими девочками-рабынями, хихикающих с полураздетых

мужских моделей. Наконец все свечи были зажжены. Столы накрыты. Все было готово. В одной веще была уверенность. Это было начало вечеринки.

Она нашла Оливера полирующего стеклянную посуду на его месте.

«Запомни, встреть меня в начале лестницы после твое его первого задания.» – шепнул Оливер, пытаясь не привлекать большого внимания от других серверовщиков. «Я буду присматривать за тобой.» Им было приказано отключить их мобильные телефоны, но это ничего не значило, так как сигнал связи не проходил. Никакие телефонные башни (антенны) не были установлены на этой эксклюзивной части острова.

Шайлер кивнула. У каждого из них были свои задания: она была частью команды, ответственной за встречу гостей с подносом шампанского в ту минуту, когда они сходили с лодок. Оливер должен был быть наверху, работая за баром.

"И, Скай? Всё будет в порядке. Им придется принять тебя." Он улыбнулся. " Я об этом позабочусь." Его бравада заставила её полюбить его ещё больше. Дорогой,милый, добрый Оливер, который бросил всё, что он любил в Нью-Йорке, чтобы спасти и защитить её. Она знала, что он боялся так же, как и она, но он не собирался это показывать.

Сегодняшний план был хорош в лучшем случае. Она даже не знала, сможет ли присутствующая графиня Парижа, хозяйка вечера и прежняя владелица отеля Ламберт, узнать ее. Меньшее, что она может предложить им, так это убежище, которое они так отчаянно искали. Но она должна спросить, для ее пользы и для Оливера. И, если она хочет когда-нибудь отомстить демону, убившему ее дедушку, то она должна попытаться.

Европейский Конклав был ее последней и единственной надеждой.

Глава 5

Мими

Вторжение в чье-то подсознание похоже на путешествие по новой планете. Внутренний мир каждого человека различен и уникален. Некоторые из них загромождены, наполнены темными и запутанными тайнами, которые запихнули на дальний край сознания, как непристойное нижнее белье и наручники, спрятанные за туалетным бачком. Другие же, так чисты и ясны, как весенний луг: все заполнено прыгающими зайчиками и падающими снежинками. Но это редкость. Душа этого парня выглядела довольно-таки стандартно, и поэтому Мими выбрала нейтральную территорию для его опроса, его ю

Кингсли протянул табуретку поперек парня из братсва. «Почему ты солгал нам?» – спросил он. В конгломерате Венаторы выглядели отчаянно щедрыми. Конгломерат сделал это для вампиров: создал их еще более красивыми, чем они были прежде.

"О чем вы говорите?" спросил парень, его лицо было озадаченным.

"покажи ему."

Мими нашла запоминающее устройство и стала играть им на телевизоре, расположенном на кухонной столешнице.

«Ты помнишь эту ночь?» – спросил Кингсли, поскольку они заметили, что парень из братства выходил на балкон отеля и видел высокого человека, несущего связку детского размера за пределы ворот курорта. «Ты помнишь этого человека?»

Джордан Левеллин пропала больше года назад. Одиннадцатилетняя девочка была похищена из ее гостиничного номера в тот же момент, когда членов Конклава на их вечеринке истребляла Серебряная Кровь.

Венаторы просмотрели память каждого в отеле, кто был в ту ночь, когда маленькая девочка исчезла, память каждого гостя, каждого сотрудника, от охраников до горничных, все без толку.

Левеллины были сильно травмированы, чтобы чем-то помочь. Это было понятно, но не приносило пользы. Никто ничего не знал, никто ничего не помнил. За исключением парня, сидящего напротив них.

«Ты сказал нам, что видел что-то. Той ночью ты видел этого человека, когда выходил на перекур,» – сказал Кингсли. «Этого человека не существует. Ты солгал нам.»

«Но я не курю,» – запротестовал парень из браства. «Я не помню всего этого. О чем вы? Кто вы?» Мими заметила, что за баром началось какое-то движение. У них было не так много времени.

«Почему ты солгал нам? Отвечай на вопрос?» – рявкнул Кингсли. В течение многих месяцев они разыскивали человека из отеля, соответствующего описанию, которое дал им этот парень из братства. Они упорно разыскивали маркетинговых руководителей, бизнесменов в отпуске, туристов и местных жителей. Но это не имело никакой значения. После лучшей части года они начали задаваться вопросом, возможно, они преследовали призрака, фантома, мираж. Вся команда была расстроена и находилась на пределе. Только вчера Конклав приказал им оставить эту миссию, и вернутся в Нью-Йо

"Позволь мне перефразировать это: кто сказал тебе лгать нам?" спросил Кингсли.

"Никто… Я не знаю, что вы хотите от меня услышать… Я не помню ту ночь. Я даже не помню вас, ребята. Кто вы? Что вы делаете на кухне моей мамы?"

"Почему ты был в Рио?" мягко спросил Тед Леннокс, изображая хорошего полицейского.

“Женился мой приятель…” произнес он нечленораздельно. “У нас был там мальчишник.”

“Ты проделал весь путь до Рио ради мальчишника? Ты?» насмехалась Мими, рассматривая его в реальном мире, видя, как он скрючился и растянулся на столе. Парень был похож на того, кто не путешествовал дальше, чем угол «седьмой и одиннадцатой».

«Эй, не так давно я жил в Нью-Йорке. Я был банкиром. Мы всегда выбирались куда-нибудь, когда кто-то женился. Тайланд. Вегас. Пунта Кана. Но потом я потерял работу и перебрался обратно к своим родителям. Как бы ненавистно это не звучало сейчас.»

"Отложить?" – спросил Сэм Леннокс.

«Нет… просто… Я не помню все так хорошо, как раньше. Я взял отпуск и больше не вернулся. Что-то здесь не так,» – сказал он, стуча по одной стороне своей головы с обеспокоенным выражением лица.

Стоит поразмыслить, что-то в этом свидетеле казалось странным. Мими вспомнила, что этот парень из братства был другим. Парень, которого они опрашивали год назад, был более красноречивым и предупредительным, более дерзким. Она сочла странным, что они нашли его в таком захолустье. Она понимала, что тот, кто останавливался в том фешенебельном отеле, приехал туда из какого-то фешенебельного места.

"Он не лжет," – сказал Сэм. "Взгляни на его предлобную кору. Она чиста."

"Он не помнит ту ночь", подтвердил Тед.

"Поднимете еще раз," – сказал Кингсли. – "это не имеет никакого смысла."

Мими вторглась в его память во второй раз. Четверо из них пристально наблюдали за этим. Все было таким же, как раньше: высокий человек, связка, сигарета. Но Сэм был прав, его предлобная кора показала, что парень на солгала, когда сказал, что не помнит этого.

«О мой Бог. Как мы могли упустить это? Взгляните на это. Форс! Леннокс!» – сказал Кингсли, растягивая края изображения.

Тогда она увидела то, что заметил Кингсли: небольшая слеза на границе воспоминаний парня. Она была похожа на шов, который восстановился. Это было так прекрасно, и так хорошо сделано, вы бы даже этого не заметили. Кто бы это ни сделал, его работа была хороша. Чтобы осуществить это, ты должен был быть сильным и продвинутым в проникновении (в игре с памятью). Ложные воспоминания отлично переплетались с реальными. Достаточно хорошо, чтобы дурачить Венаторов на протяжении года. Создание ложных воспоминаний у Краснокровых было очень опасным. Это могло бы нанести

"Отпустите его", устало сказал Кингсли.

Мими кивнула. Она оттолкнулась от его сознания, и четверо из них вернулись в реальный мир. Их свидетель резко упал на стол и захрапел.

Он не был подозреваемым. Он был жертвой.

Глава 6

Блисс

Каждый день с того утра на горной вершине в самом сердце Корковадо, горбатой горы, Блисс задавала себе три важных вопроса.

Кто я? Где я? Что со мной произошло?

Не так давно, после своего пробуждение, когда она не смогла вспомнить почему ей так грустно, она начала практиковаться. На следующий же день она не могла вспомнить была ли она единственным ребенком в семье. Но то, что действительно пугало ее, происходило днем, когда она смотрела в зеркало и видела незнакомку. У нее не было ни единой подсказки, чтобы понять кто эта девушка с рыжими волосами. Именно тогда у нее появилась идея – задавать самой себе три вопроса каждое утро.

Если бы она не тратила время на того, чтобы вспомнить кто она, тогда Посетитель завладел бы ею полностью. И тогда настоящая Блисс Левеллин, девушка, которая провалила экзамен по вождению на старом Кадилаке кабриолет 1950 года, больше не будет существовать. Эта полуувядшая память о ней не задерживалась даже в маленьком уголке ее памяти.

Итак. Они были в Хэмптоне. Это было утро. Она встала, чтобы позавтракать; ее прислуга позвала ее. Нет; не ее прислуга, ее отец. Прислуга – это было слово Посетителя для Форсайта, не ее слово. Иногда это происходило. Иногда она находила способ, чтобы ясно слышать Посетителя. Но потом дверь захлопывалась, и она оказывалась по другую сторону, снова в темноте. У Посетителя был доступ к ее прошлому, ко всей ее жизни, но у нее не было доступа к его жизни. Его разговор с Форсайтом проходил за закрытой дверью, а его мысли были спрятаны в тени.

Часть ее была свободна, так как Посетитель больше не разговаривал с ней. Она смутно вспоминала, что между ними были небольшие беседы, но теперь они прекратились. Теперь была лишь тишина. Она поняла, что это произошло, потому что у него больше не было необходимости для того, чтобы взять над ней контроль. Чтобы

все контролировать он использовал время, когда она теряла сознание, но теперь для того, чтобы делать все, что ему хочется, этого не требовалось. Он сидел за рулем. Однако, она также не была высажена у дороги. Она успешно ответила на первой вопрос, не так ли

Она Блисс Левеллин. Дочь сенатора Форсайта Левеллина и падчерица Боби Энн Шеферд. Она росла в Хьюстоне до тех пор, пока ее семья не переехала на Манхэттен, вскоре после ее пятнадцатилетия. Она была отличницей в школе Дачезне, расположенной на 96-й улице, ее любимыми занятиями были, в таком вот специфическом порядке: черлидерство, шопинг и работа моделью. О господи, я – проститутка, подумала Блисс. Она должна быть кем-то большим, чем это.

Начну снова. Ок. ее имя Блисс Левеллин, и она выросла в большом, величественном доме, расположенным рядом с дубами Хьюстонской реки, но ее любимой частью Техаса было ранчо, где она каталась верхом на лошадях по пышным прериям, покрытыми полевыми цветами. Ее любимым предметом в школе было Искусство, и она надеялась, что однажды у нее будет ее собственная художественная галерея, или она станет куратором Мэт.

Она Блисс Левеллин, и прямо сейчас она была в Хэмптоне. Социальная верхушка морского побережья, расположенная в 2-х часах от Манхэттана (в зависимости от движения), куда люди с города приезжали, чтобы «убежать от всего этого», но только здесь они понимали, что подошли к сердцевине всего этого (не переводится, млин). Август в Хэмптоне был столь же безумен, как сентябрь в Нью-Йорке. До того, как она стала сосудом для зла (С.Д.З., так она думала о своей ситуации, когда она хотела рассмеяться, чтобы не плакать), ее мачеха привозила их сюда, потому что это была «вещь, ко

Воспоминания Блисс о прошлом лете стали заполнять ее. Она была атлетичной девушкой, и она проводила время в течение трех месяцев верхом на лошади, занимаясь парусным спортом, играя в теннис, и учась кататься на серфе. В этом году она снова сломала свое правое запястье. В первые три раза это произошло из-за спортивных состязаний, лыжного спорта, парусного спорта, и тенниса. Но в этот раз она сломала его по глупой причине, в стиле Хэмптона. Она споткнулась в своих Лобутенах на платформе и приземлилась на запястье.

Сейчас у нее были детальные ответы на первый и второй вопрос, у нее не было выбора, но теперь ей необходимо двигаться к третьему вопросу. И этот третий вопрос, всегда был самым сложным в поисках ответа.

Что со мной произошло?

Плохие вещи. Ужасные вещи. Блисс почувствовала, что ей становится холодно. Было забавно, так как она все еще могла чувствовать некоторые вещи, как призрачную память о том, каково быть живой и знать все, прочувствовав все вещи с помощью каждого из твоих чувств (как-то так). Она ощущала свои призрачные конечности, и когда она спала, ей снилось, что она все еще живет обычной жизнью: ест шоколадки, гуляет с собакой, слышит звук дождя, так как он барабанит по крыше, чувствует мягкость хлопковой наволочки своей щекой.

Но она не могла остановиться на этом. Прямо сейчас надо вспомнить те вещи, о которых она не хотела знать, но она должна вынудить себя попробовать.

Она вспомнила их квартиру в городе, где одетые в белое швейцары называли ее «Мисс» и всегда удостоверялись, что ее пакеты были быстро доставлены наверх. Она вспомнила о друзьях со школы: Мими Форс, которая взяла ее под свое крылышко и смеялась над ее белой кожаной сумочкой. Мими была покровителем, но в то же время и запугивала ее. Еще были Шайлер Ван Ален, которая стала ее лучшей подругой, милая девушка, которая и не догадывалась, насколько сильна она была, или насколько красива, и Оливер Хазард-Перри, человек, парень с особенным чувством юмора и безупречным

Она вспомнила ночь в клубе, о разделенных сигаретах, и парне. Она встретила парня. Черноволосого парня, мягко лежащего в ее руках. Дилан Вард. Она замерла. Дилан мертв. Теперь она все вспомнила. То, что случилось в Рио. Все. Убийство. Лоуренс. Бег вниз по горе, подальше от Скай и Оливера, потому что она не хотела, чтобы они увидели ее лицо, увидели то, кем она действительно была.

Порождением Серебряной Крови.

Она вернулась с Форсайтом на похороны Боби Энн. Был воздвигнут памятник для остальных членов Конклава, так как хоронить было нечего. От Боби Энн ничего не осталось, даже подпаленного клочка ее обесцвеченных волос. A giant blown-up

glamour shot on an easel took the place of a coffin at the front of the altar (I can’t translate it). Фотография, на которой была изображена ее мачеха, была сделана в ее самый счастливый момент, когда она была представлена в журнале светской хроники.

Похороны закончились. Все сообщество Голубой Крови выступило в поддержку тем, кто противостоял Серебряной Крови. Мими была там с ее братом-близнецом, Джеком. Они произнесли ей слова сочувствия и утешения.

Если бы только они знали.

На похоронах Блисс все еще достаточно хорошо понимала о происходящем вокруг. Она слышала, что Форсайт говорил ей (но не ей; он говорил с Посетителем даже тогда, она поняла это сейчас) не волноваться. Джордан больше не была проблемой. Не беспокоиться о чем? Какая проблема? О. Точно. Она почти забыла. Ее младшая сестра. Джордан знала, что внутри Блисс живет Посетитель. Джордан пыталась убить ее.

Упражнение было окончено. Она знала, кто она, где она, и что с ней произошло. Она Блисс Левеллин, она находится в Хэмптоне, и она была тем, в чьем теле был душа Люцифер.

Это была её история.

На следующий день ей придется заново вспоминать всё это.

РАССЛЕДОВАНИЕ

Убийца Лоренса. Убийца ее дедушки. Ладно, Инквизитор не выходил из себя и сказал об этом, как будто ничего не было столь грубого. Но он намекнул на это. Было достаточно сомнений в ее истории, возможно, поэтому он выдвинул слова обвинения в ее сторону.

Она не поняла, что произошло. Она все еще была в шоке от потери Лоренса, впоследствии забывав о необходимости в защите перед Комитетом. Она рассказала им, что произошло, как могла, не рассматривая возможности, что они ей поверят.

«Мисс Ван Ален, позвольте мне отталкиваться от ваших показаний. Согласно вашим воспоминаниям о событиях в Корковадо, юноша был изображен Люцифером во плоти. Ваш дедушка приказал вам убить его, но вы промахнулись. Тогда Лоренс нанес смертельный удар, по ошибке убивая невинного и, освобождая демона, Левиафана

из заключения. Тогда этот демон убил его. Все верно?

«Да,» спокойно ответила она.

Инквизитор на мгновение сверился со своими записями. Шайлер встречала его однажды, когда ее дедушка принимал несколько членов Конклава дома. Его имя было Джозия Арчибальд, и он ушел из Конклава несколько лет назад. Его внучки были ее одноклассницами в Дачесне. Если даже он сочувствовал ее тяжелому положению, он хорошо замаскировался. “Он был действительно перед Вами, не так ли? Мальчик?” Исследователь спросил, подняв глаза.

"Да".

"И ты говоришь, что держала меч своей матери?"

"Да."

Инквизитор некоторое время сверялся со своими пометками. Однажды Шайлер его уже видела, дома, когда ее дедушка принимал нескольких членов Конклава. Его звали Джосиа Арчибальд, он ушел из Конклава несколько лет назад. Его внучки были ее одноклассницами в Дачезне. Но, даже, если он и сочувствовал ее тяжелому положению, то он хорошо это маскировал. «Он был прямо перед вами, не так ли? Юноша?» спросил Инквизитор, оглядываясь.

Он фыркнул, строго смотря на собравшихся Старейших, которые наклонились вперед или пересаживались со своих мест. Единственным выжившим

«Меч Габриэллы был утерян для всех, много лет назад,» сказал Инквизитор. «И вы утверждаете, что ваша мать появилась перед вами? Чушь! Появилась из ниоткуда, и вручила вам меч. Просто так. А потом исчезла. По-видимому, вернулась в свою постель в больнице.» Его голос звучал с сарказмом.

Шайлер неловко задвигалась на месте. Это действительно выглядело фанатическим и удивительным, а также нереальным. Но это произошло. Как она уже говорила.

"Да… Я не знаю как, но да."

Тон Инквизитора стал снисходительнее. “Умоляю вас, скажите нам, где находится сейчас меч?”

“Я не знаю.” Она не знала. Впоследствии, произошедшего хаоса, меч исчез, так же как и Левиафан, она им все так и рассказала.

"Что ты знаешь о мече Габриэль?" спросил Инквизитор.

"Ничего. Я даже не знала, что у неё был меч."

“Это меч истинны. В нем заключена особая сила. Его сковали так, чтобы он всегда достигал своей цели,” проворчал он, как будто ее невежество было признаком вины.

“Я не знаю чего вы добиваетесь этим.”

Инквизитор говорил очень медленно и тщательно. “Вы говорите, что у вас был меч вашей матери. Меч, который считался утерянным в течение столетий, и который ни разу не ударил мимо своего врага за всю его историю. И все же… Вы промахнулись. Вы потерпели неудачу. Если у вас действительно был меч Габриэллы, как вы могли промахнуться?”

"Вы говорите, что я хотела промахнуться?" спросила она недоверчиво.

"Не я это говорю, а ты."

Шайлер была потрясена. Что случилось? Что это было? Инквизитор повернулся к своей аудитории. «Леди и джентльмены Конклава, это интересная ситуация. Здесь факты о случившемся. Лоренс Ван Ален мертв. Его внучка хочет, чтобы мы поверили в эту возмутительную историю, что Левиафан, демон, которого сам Лоренс упрятал в камне тысячелетие тому назад, был освобожден, и что это же демон убил его.

"Это правда", прошептала Шайлер.

“Мисс Ван Ален, вы никогда не видели своего дедушку, за исключением этих нескольких месяцев, верно?»

"Да."

"Вы знали его, как незнакомца с улицы."

"Я бы так не сказала. Мы стали очень близки за короткий промежуток времени."

"И все же между вами возникли разногласия, не так ли? В конце концов, вы захотели жить раздельно с Лоренсом, и выбрали жизнь с братом вашей матери."

"Я ничего не выбирала. Мы боролись за опекунство. Я не хотела жить с Чарльзом Форсом и его семьей."

"Это вы так говорите"

“С какой стати мне понадобилось убить своего деда?” почти прокричала она. Это безумие. Кенгурячий суд, шарада, пародия. Здесь не было никакого правосудия для обвиняемого.

"Возможно, Вы не хотели убивать его. Возможно, как вы сказали нам ранее, это был несчастный случай."

Инквизитор улыбнулся, выглядя как акула. Шайлер резко села на свое место, будучи побежденной. Независимо по каким причинам, Инквизитор не верил в ее рассказ, было понятно, что оставшиеся члены Конклава также не поверят. Скрывавшаяся, среди их рядов Серебряная Кровь была обнаружена, Нэн Катлер была сожжена в огне Алмедиа. По крайней мере Конклав в это верил. Они приняли это. Форсайт Левеллин был жертвой и свидетелем предательства главы Катлер.

Но правящие лидеры не хотели принять за действительность возвращение Левиафана. Это были разные вещи – принять правду со слов Старейшего, или со слов какой-то полукровки. Они лучше поверят в то, что Шайлер преднамеренно убила Лоренса, чем в то, что демон вышел на свободу.

Не было больше не одного свидетеля, который бы подтвердил ее слова, за исключением Оливера, но показания человека, Проводника, были не допустимы при расследовании Комитета. На людей просто не рассчитывали, когда в этом была необходимость. Поэтому, в ночь перед тем, как Конклав вынес приговор и решил, что с ней делать, она и Оливер сбежали из страны.

Глава 7

Шайлер

Было 10 часов вечера, первые гости прибыли на остров. Было арендовано много подлинников китайской культуры для вечеринки, подходящие восточной тематике, которые создавали величественный вид, когда поднимаешься вверх по реке, с помощью гребцов в Величественный Дом Европы. Габсбургск. Бурбон. Савойя. Лихтенштейн.Сакс-Кобург.

Голубая Кровь, оставшаяся в Старом Мире, вместо того, чтобы найти новый дом, переплыв океан. Шайлер стояла с армией обслуги, выстроившейся в линию напротив каменной стены, как другой безликий человек, по крайней мере, она надеялась на это (как-то так). Каждый из них подносил разные напитки: были розовые Космополитан в бокалах для мартини, кубки самых лучших Бургунди и Бордо с виноградников хозяйки в Монтрачет, кристальная вода с лимонными дольками для непьющих. Она несла тяжелый поднос с шампанским, пузырьки которого, добираясь до губ, искрились и отдавали золотым блеском.

Она могла слышать порыва ветра, взбивающиеся на множестве парусов. Некоторые из лодок были выполнены в виде драконов, с позолоченными чешуйками и яркими изумрудными глазами. Некоторые были снаряжены, как военные корабли с яркими копьями, торчащими из кормы. Великий имперский бал был красив во всех отношениях. Она заметила еще больше, например как, гребни на знаменах двигались, изменяясь со светом, преобразовываясь в гибкий танец формы и цвета.

"Ты это видищь?" Повернулась она к девушке стоящей следом за ней.

"Вижу что? Кучку богатых людишек в каких-то глупых лодках?" посмотрела на нее официантка с сомнением. Тогда Шайлер поняла, что вспыхивающиеся символы могли видеть только те, кто был вампиром. Это были символы Голубой Крови на Священном Языке.

Она почти что выдала себя, но к счастью, этого никто не

заметил. Ее губы дрожали, и она почувствовала, как напряглось ее тело, так как гости спускались к докам и приближались к официантам. Что если кто-то узнает ее? Что если кто-то из Нью-Йоркского шабаша ведьм прибыл на вечеринку? Что тогда? Было бы безумием, думать, что она и Оливер могли бы избежать неприятностей в этом. Они могли были быть уверенными в присутствии Венаторов, не так ли?

Если бы кто-нибудь из Голубокровых узнал ее, до того, как она бы использовала шанс предстать перед графиней, у нее больше никогда в жизни не было бы шанса, и что тогда произойдет с ними? Она не так сильно боялась за себя, как за Оливера. Она боялась того, что вампиры могут сделать с Проводником, которого они не одобряли.

К счастью, люди оставались такими же, как они и выглядели, похожими на любого другого светского человека, не обращая внимания на сотрудников. Только, потому что они бессмертные, не значит, что они не могут наслаждаться обыденным.

Шайлер пыталась не заострять внимание на женщинах, большинство из которых выглядели более фантастически, чем лодки. Женская половина гостей была одета по-разному, как японские гейши с выбеленным макияжем и в кимоно с ярким принтом, или китайские императрицы с заостренными красно-золотыми шапочками, или же, как персидские принцессы с натуральными драгоценностями, приклеенными на их лбах.

Одна германская знаменитость, известная своим возмутительным гардеробом, прибыла в костюме пагоды, в стиле хэви-метал, в котором она не сможет прогуливаться или сидеть весь вечер. Ко всему прочему, она выкатилась из лодки на электрическом самокате. На мгновенье Шайлер позабыла о нервозности и пыталась не рассмеяться, поскольку эрцгерцогиня заставила двигаться вниз группу официантов, несущих икру и блинчики.

Мужчины были одеты в русские офицерские униформы, с длинными усами, и тюрбанами. Это было столь не политкорректно и все же привносило важности и анахроничности. Один из гостей, глава самого большого европейского банка, был одет в большую соболиную шляпу и в шикарную волчью пелерину. В августе! Ему наверно нечем дышать при такой жаре, и все же, как и дама в пагоде, которая не могла сесть, он страдал для самоутверждения. Шайлер

надеялась, что это стоило того.

Люди-фамильяры, так же выполняли свои небольшие обязанности, только маленькие шрамы в основании шеи выдавали их. Некоторые из них были также праздно одеты, и едва отличались от своих владельцев-вампиров. Ночь был тихой и ясной. Музыка ситар доносящаяся до нижней ротонды, отличалась высокими аккордами, а линия лодок росла, в ожидании высадки причудливо одетых пассажиров.

Несколько быстроходных катеров, везущих молодых Голубкровок срезали линию. Они были одеты в более смелые костюмы в отличии от Старших. На одной из девушек, дочери российского министра финансов, почти не было не одежды, за исключением драпированной металлической веревки и куска черного шифона. Другая стройная нимфа была одета в прозрачную кольчугу. И конечно парни, они были одеты, как наемники ниндзя в черных парашютных костюмах или, как воины самураи, несущие декоративные мечи.

Когда ее поднос опустел, Шайлер вернулась, идя за Оливером для выполнения второй части плана. Она оглянулась и увидела, что он делал коктейль бирюзового цвета с украшениями в виде всышек фейерверка. Она заметила, как он кивнул, и она поняла, что он заметил ее. Она спрятала свой поднос и стремительно прошла в главный зал, обходя жилое крыло.

Это то место, где она и Корделия останавливались при своих визитах. Ванная была справа, за фресками Сабины. Там никого не было. Первая стадия плана была завершена окончательно. Они преуспели в том, чтобы оказаться на вечеринке. Сейчас было подходящее время для второй стадии плана.

Она встряхнула свой конский хвост и выскользнула из униформы, как будто снимала лишний слой одежды. Она отыскала маленький рюкзак, который ранее спрятала под сливным бачком. Вытащив его содержимое, она стала одеваться в усыпанное драгоценностями сари из сочного розового шелка, инструктированного бриллиантами. Оливер помог выбрать этот костюм в магазине Маленькая Джаффна, расположенном в 10-м районе. Он настоял на его приобретении, не смотря на то, что он был предельно дорогой.

Шелк был драпированным, поэтому изящно лег на ее голых плечах, он был ослепительно розовым, и создал неплохой контраст с ее длинными иссиня-черными волосами. Она посмотрела на себя в зеркало. Она стала более худой, чем когда-либо была: бессонница и постоянная опасность сделали бы это с любым. Ее заостренные скулы, стали еще более заостренными и выглядели как края лезвий. Яркое сари сделало ее щеки ярче, а великолепные камни ярко сияли на свету. Она втянула свой живот, даже притом, что ее бедренные кости были видны из-за низких женских шаровар платья.

Она вытащила небольшую косметичку из тог же рюкзака и начала наносить легкий макияж. Только когда она уронила компактную пудру на пол, она поняла, что ее руки снова дрожат.

Она была к этому не готова. Всякий раз, когда она вспоминала, что она собирается сделать, о чем собирается просить, она не могла дышать. Что если графиня отвернется от нее? Она не может бегать вечно, не так ли? Если графиня откажет им в аудиенции, то им больше некуда будет идти. Больше, чем что-либо, Шайлер желала оказаться дома. Она хотела быть в то же месте, где жили ее дедушка и бабушка. Вернуться в ее маленькую комнату с яркой краской и лязгающим обогревателем.

Она итак уже пропустила год учебы в школе. Через месяц, в Дачезне началась бы сессия. Она хотела вернуться к той жизни, даже не смотря на то что она знала, что там дле нее все потеряно. Даже если европейский Конклав предоставит ей убежище, это не значит, что она могла бы вернуться в Нью-Йорк.

Снаружи играла песня "Thriller", Майкла Джексона в стиле хип-хопа, звуков кимвала. Она сложила свою униформу официантки в сумку и выкинула в мусорное ведро, затем она вышла из ванной комнаты, проходя мимо бархатной веревки.

"Шампанского?" спросил официант. К счастью, он не признал в Шайлер ту же обслугу с автобуса.

"Нет, спасибо", отказалась Шайлер.

Она подходила к основанию лестницы, в продуманном костюме, как индийская принцеса. Она шла с высоко поднятой головой, не смотря на страх, сжимающий ее горло. Она была готова ко всему, что принесет ей эта ночь, и надеялась, что ей не придется долго ждать.

Глава 8

Мими

"Серебряная Кровь намного умнее, чем мы о них думали," – сказал Кингсли, когда они прибыли в другой аэропорт. Они покинули Соединенные Штаты за ночь. Сейчас они вернулись туда, где все началось, прежде, чем они начали погоню за недостижимым, обойдя все мир. Вернулись в Рио.

"Ты думаешь? ответила Мими, даже не стараясь скрыть нотки сарказма в ее голосе. "Ты должен знать. Ты один из них"

Она надела свои солнечные очки огромного размера и вытащила свою разбитую Валекстру из роликовой карусели для багажа. Она была раздражена тем, что Кингсли заставлял их экономить во всем. Она привыкла использовать оберточную ленту для сохранности чемоданов, когда путешествовала за границей. Ее бедный небольшой чемодан не пережил грубого обращения укладчиков багажа. Она обнаружила еще один грязный след на его гладкой кожаной поверхности.

«Это не смешно,» – сказал Кингсли, поскольку он взял ее сумку и бросил ее в телегу, как баскетбольный мяч, а не семидесятифунтовый вес. (Мими никогда не путешествовала налегке. У девушки должен быть выбор.)

«А я и не смеюсь,» – перехватила Мими. «Я только не понимаю, как мы могли упустить это в первый раз.»

«Только потому что мы Венаторв, не значит, что мы не совершаем ошибок. Это одно быть некомпентентным, а быть обманутым совсем другое. Мы не искали именно это, поэтому упустили из виду.»

Они вышли из терминала в умеренный, тропический день. Слава богу, что здесь иная погода. Мими готовилась к высокой температуре, а обнаружила, что в Южной Америке зима, и это приятно удивило.

Парни Леннокс наняли себе такси до гостиницы, что значило,

что она и Кингсли снова застряли друг с другом. Эти два брата были под командованием Кингсли в течении многих столетий, но держались друг друга. Они предпочитали собственную компанию, и чаще отвечали односложными ворчаниями, когда с ними разговаривали. У нее и Кингсли не было другого выбора, кроме как говорить с друг другом или умереть со скуки.

Кингсли свистнул такси, и они сели спиной к друг другу, медленно двигаясь в город. Город выглядел так же, великолепно и экзотично, как всегда, но так или иначе видя статую Избавителя на горе Корковадо, Мими не испытывала те острые ощущения, которые когда-то были. Она не знала, что и думать, она была уверена в Конклаве, даже Кингсли хотел пойти по следам Левиафана, как только прочел сообщение, но его отослали на другое небольшое поручение. Форсайт Левеллин нажал на выживших Старейших, чтобы поиски Наблюдателя были приоритетнее. Мими не была полностью убеждена в сенаторе, не смотря на то, что Серебряная Кровь была полностью разоблачена в огне у Алмедиа, Нэн Катлер, их лидер, была наказана, но среди шабаша ведьм должны быть и другие.

У председателя Катлер должны были быть помощники. Но сейчас это не было реальной проблемой. Все что Мими знала, было тем, что Кингсли стал собирать команду, она вызвалась добровольно. Она хотела убраться из Нью-Йорка, подальше от потрясенных, жалобных лиц выживших членов Конклава. Они все были так слабы и беспомощны! Ее раздражало видеть их загнанными и испуганными. Они были вампирами; где их гордость?

Они действовали, как загнанные в угол овцы, спрашивая у Форсайта о том, как им скрыться. Что ж, она не собирается прятаться. Она хотела отыскать ответственных за ту жуткую ночь, выследить и убить всех их, одного за другим. Кощунство – вот, что это было, непочтительность. Нападение Серебряной Крови было порочным и интенсивным. Они пытались уничтожить Старейших клана и председателей, оставляя сообщество несоответствующим и слабым. Они выказали милосердия. Мими планирует показать им то же.

Но сначала, им надо отыскать Джордан. Джордан расскажет им, что случилось; Джордан знает кто был Серебряной Кровью и где они прячутся.

Потому что Джордан Левеллин только притворялась ребенком. Джордан была Наблюдателем, Пистис София, Старейшая из

Старейших, душа, родившаяся с открытыми глазами, с полнейшим господством и пониманием всех ее воспоминаний.

София спала в течение тысяч лет, пока Корделия Ван Ален не попросила, чтобы Левеллины, одна из самых старейших семей в Конклаве, переместили ее дух в их новорожденную. Наблюдатель, как предполагалось, была бдительной против их врагов, и забила бы тревогу, если бы Темный Принц когда-нибудь вернулся на Землю. Во времена римского кризиса, именно София, первой обнаружила предателей Кроатан. Или что-то в этом роде.

Это было так давно, и Мими беспокоилась, что не могла вспомнить. Когда ты живешь в течение тысяч лет, хождение по своим воспоминаниям походили на попытку отыскать контактные линзы в груде битого стекла. Прошлое не было помещено на древе в папках компьютерного экрана, и отмечено соответствующими датами и лейбами для свободного использования. Прошлое напротив было беспорядочным потоком изображений и эмоций, знаний, которых вы не понимали и информацией, о которой вы забыли, но обладаете.

Иногда, когда было время на себя, Мими задавалась вопросом, почему она с таким удовольствием добровольно вызвалась на это. Она упускает ее юношеские годы в средней школе, и будет не в состоянии получить диплом с ее классом. И это произошло не из-за того, что она заботилась о Джордан Левеллин. Она встречала ее всего пару раз, и каждый раз, Джордан высказывала грубое замечание или не выказывала никаких эмоций на лице. Но что-то подсказывало ей, что она должна это сделать, а Джек не остановил ее.

Было странно, почему вещи никогда не становились тем, чем ожидались. Мими думала, что она и Джек станут ближе после всего произошедшего, особенно после того, как с их пути, наконец-то убралась эта тупица Ван Ален. Теперь, когда между ними никого не было, они считали друг друга само собой разумеющееся. Но тогда почему она была здесь, а он где-то еще?

“ Пенни за твои мысли?” спросил Кингсли, как будто только заметил, что в такси тихо.

“Это будет стоить намного больше.,” сказала Мими “Только, скажем, сколько бы это ни стоило, ты никогда не сможешь оплатить.”

"О, да неужели?" приподнял бровь Кингсли. Это было его фирменным движением. Это гарантировано срабатывало на дамах.

Оно могла легко прочесть по его высокомерному лицу. "Никогда не говори никогда."

Гостиница, которую они забронировали был скромной: трехзвездочной, и оно было видно. Она находилась в милях от пляжа, а когда они прибыли лифт сломался. Мими провела ужасную ночь на грубых простынях, и была удивлена, когда обнаружила команду в приподнятом настроении на следующее утро. Ладно. Кому-то понравились грубые простыни.

Кингсли сидел за столом для завтрака, и выглядел вновь возбужденным, и не только из-за четырех порций эспрессо в его кофе с молоком. Он пил кофе, так будто какой-то вампир пьет кровь. «Мы думали, как люди,» вздохнул он. «Когда искали подозреваемых, опрашивая свидетелей. Это же Кроатан. И они знали о времени для манипулирования над памятью, которая водила нас всюду, но привела сюда.»

"Это значит, она здесь. В Рио. Я поняла. " кивнула Мими. "Они послали нас как можно дальше".

"Она, возможно, прямо у нас под носом," сказал Кингсли. "В одном из самых густонаселенных городов мира."

"10 миллионов человек", сказала Мими. "это много". Её сердце начало унывать при мысли о том, сколько ещё снов им придется прочитать, как много бесконечных ночей им придется провести, преследуя тени тьмы.

Она наблюдала, как Кингсли ходит от стола к буфету, куда клали полные гостиничные завтраки: жесткие круглые булочки с сыром и соленые бисквиты; недавно срезанную папайю, манго и арбузы. Шарики сливок из авокадо. Жаровни, заполненные кусочками ветчины и хрустящего бекона.

Он взял кусок арбуза и надкусил его, стоя перед окнами во всю длину буфета, с которых открывался панорамный вид на город. Мими последовала за его пристальным взглядом, сфокусированным на склоны. Фавелы были столь же переполнены и изобретательно структурированы, как муравьиные фермы, с сомнительно высокими утесами, похожими на Византийский лабиринт связанный с городским гетто и бедностью Рио.

“Удивительный, не так ли? Действительно, город в пределах города,” сказала Мими. “Это удивительно, все они не уходят, не

смотря на потери в течение сезона наводнений.”

Кингсли положил кожуру от арбуза. «Трущобы… конечно. Серебряную Кровь всегда приятгивали хаос и беспорядки. Это то место, откуда мы начнем поиски.”

"Ты серьезно?" простонала Мими. "Никто не ходит туда, если только им не приходится."

Глава 9

Блисс

Посетитель был раздражен. Блисс чувствовала это, как волдырь. Был день, насколько она могла понять. Дни проносились один за другим так легко, что было сложно следить за временем, которое было, но Блисс пыталась настолько лучше, насколько она могла. Когда он молчал, была ночь, и когда она могла чувсвовать его, был день.

Обычно ей удавалось получить проблески внешнего мира, когда он просыпался. Как вчера утром, с белыми ставнями. Затем слепота снова наступила. Только когда он ослаблял бдительность, Блисс могла получить бытсрое изображение внешнего мира.

Как сейчас, когда Посетитель был застигнут врасплох.

Одну минуту они пересекали дом, а в следующую минуту они рассполагались среди стада животных: нелепых и плачевных. Мерзость.

Что это было? На что она смотрела? Тогда она поняла, что она видела мир его глазами. Только когда она вытолкнула себя немного больше, она поняла, что видит, что они находились среди обычной группы людей. Даму, одетую в бежевый костюм и темные очки, сопровождающую семью через холл. Они выглядели, как типичные жители Хэмптона, отец в аллигаторовой рубашке пастельного цвета с белым теннисным свитером на его плечах, мама в легком одеянии лавандового цвета, дети, два мальчика, миниатюрные версии отца семейства.

“О, здравствуйте… Извините. Нам сказали, что владельцев не будет здесь во время осмотра» – сказала дама в рабочем костюме с фальшивой улыбкой. «Но так, как вы здесь, не знаете, работает ли подрядчик вашего отца, чтобы завершить реконструкцию?»

Тогда все стало черным, и изображение снова исчезло, даже при том, что Блисс была в состоянии услышать вопрос. Боби Энн следила за ремонтом, до своей смерти. Дом в Хэмптоне, как предполагалось,

должен был быть уже отремонтирован, но по возвращении из Южной Америки, Форсайт отдал приказ о прекращении строительства. Вся задняя часть дома просто отсутствовала. На ее месте была огромная дыра, покрытая грязью, опилками и пластмассой.

Сенатор вернулся в Нью-Йорк только для того, чтобы выяснить, что он был банкротом после финансового переворота. Как поняла Блисс, эта какая-то схема Понзи; определенно жульничество. Она не была уверена в том, что это было, за исключением того, что этого было достаточно, чтобы Форсайт не мог выполнять обязанности Конклава некоторое время. Она не могла весьма точно определить, что произошло, так как в то время Посетитель начал вступать во владение полностью; но у нее было такое чувство, что они стали несостоятельными.

Форсайт пытался взять ссуда от Комитета, но этого было бы недостаточно. Его зарплата за должность американского сенатора была смешной. Левеллины, как и многие семьи Голубой Крови, жили за счет вложенных инвестиций.

И очевидно этих инвестиций больше нет.

Видимо по этой причине, агент по недвижимости была в ее доме со своими клиентами. Форсайт продавал дом. Эта мысль не расстроила Блисс. Они не проводили много времени в Хэмптоне, так что она не будет скучать по этому. Она была сильно подавленной, когда они покинули свой дом в Техасе. Иногда, она все еще скучала по тому дому: по своей спальне на втором этаже, с рядом стоящей ивой с ее листьями, по послеполуденному чтению на крыльце, по старинным антикварным зеркалам в ванных комнатах, которые заставляли выглядеть каждого немного таинственным и фееричным.

Посетитель ушел не надолго, подумала она, одна в темноте. Как надолго, она не могла предположить. Было сложно судить о времени, когда ты физически не живешь в мире.

Блисс не была уверена, но она подумала, что что-то изменилось в этом одиночестве. Возможно, она действительно одна на этот раз, не только за пределами своего тела, в то время как Посетитель занимается бог знает чем. Обычно она ощущала его присутствие, но были времена в прошлом, когда она была весьма уверена в том, что она была полностью одной. Была только она внутри ее тела, и никого больше.

Возможно ли это? Она действительно была одна? Блисс почувствовала нарастающее возбуждение в груди.

Ничего не было. Посетитель исчез, она могла чувствовать это. Она была уверена. Она знала, что ей надо делать. Но она не знала, могли ли она. Избавься от слепоты. Открой свои глаза. Открой их! Открой! Но где они?

Свобода. Она действительно поняла значение этого слова. Это походило на плавание без якоря. Она снова была во главе, чувствует все вокруг, да это так, вспышка света, или возможно, она все это вообразила?, если бы только она смогла их открыть – вот!, только еще немного больше…

Блисс медленно открыла ее глаза. Она сделал это! Он оглянулась. Было просто удивительно смотреть на мир через собсвенными силами, не как Посетитель, который видит все сквозь окрашенные ненавистью очки. Она в библиотеке.

Маленький, удобный и укромный уголок, окруженный стеллажами книг. Декоратор мачехи уверял ее, что во всех «хороших домах» есть библиотеки. Боби Энн читала журналы. Форсайт любил оставаться в своем логове с телевизором с большим экраном. Библиотека стала укромным местом для сестер.

Блисс вспомнила, как она и Джордан сидели на подоконниках, наблюдая за бассейном и океаном, в то время как они читали. Блисс заметила книги, прочтенные прошлым летом, которые стояли на полке рядом с Викторианским шведским бюро. Братья Карамазовы. Виноградники гнева. Убеждение.

Она подумала, что слышит какой-то шум. Она не знала был ли он внутренним или доносился снаружи. Не смотри. Закрой свои глаза, подумала она с отчаянием. Закрой их до того, как он вернется.

Она закрыла их.

Ничего. Она всё ещё была одна.

Она ждала в течение долгого времени. Затем она снова открыла свои глаза. Ничего. Она действительно была одна. Она должна использовать это в своих интересах. У Блисс появился план с тех пор, как она заметила его долгое отсутсвие. Она должна сделать больше, чем оглядываться вокруг. Отважиться ли она?

Ее тело было вялым и тяжелым. Таким тяжелым. Это

невозможно. Что делать, если он вернулся?

Что дальше? Она должна попытаться, сказала она себе. Она должна сделать что-нибудь. Она не может жить только, как инвалид, в неопределенности, парализованной. Если я смогла открыть глаза, значит я могу сделать что-то еще. Я все еще Блисс Левеллин, не так ли?

Я выигрывала турниры по теннису и бежала марафоны. Я могу это сделать.

Двигай руками. Двигай руками.

Не могу. Слишком тяжело. Где мои руки? У меня есть руки? Что такое руки? Вот. Я могу чувствовать свои пять пальцев, но они так далеко, как если бы они были за стеклом, или под водой. Она вспомнила фокусника, которого видела в сегодняшнем шоу, который пытался прожить под водой несколько дней. Каким неподвижным и расплывшимся он выглядел.

Она не была фокусником, но не было ни одной причины оставаться пойманной в ловушке из-за своего собственного страха. Двигай ими. Двигай. Твоими. Руками. О, боже. Они весят три тысячи фунтов. Я не могу сделать это. Не могу. Не могу. Но я должна.

Сделай это!

Она вспомнила, как тяжело было выучиться делать четырехбазовую пирамиду скорпион, одно из самых сложнейших движений в черлидерстве. Оно требовало строгую координацию и навыков в создании других трапеций. Блисс была единственной из команды поддержки, кому удалось сделать это. Она вспомнила, как страшно ей было в первый раз. Если бы она не соединяла руками на основной базе, то она упала бы; если бы она промазала с задней страховкой на растяжке, она бы упала; если бы она неверно балансировала на левой ноге, она бы упала.

Но она может. Будет стоять с ногой, поднятой выше головы и продержится в этой позе, пока ее не подбросят вверх, и она не совершит тройной прыжок с кувырком и приземлится на ноги.

Очень жаль в Дачезне не было команды. Блисс пыталась начать, но никто не заинтересовался. Снобы! Они не понимали, что потеряли. Осознание большой игры. Ожидание толпы. Трепет перед выходом на поле, прыжки с помпонами, рев трибун, зависть и восхищение. По

пятницам болельщицам было разрешено носить свою униформу на занятия. Это было сродни короне. Скорпион.

Она прибила его.

Если я могу сделать так, то смогу сделать это, сказала она себе.

Двигаться. Твоя. Рука! Она могла чувствовать челку на лице. Посетитель не возился со стрижкой или маникюром.Блисс было досадно. Все, что она делала, чтобывыглядеть круто спустились в канализацию. Волосы у нее были дикие и необузданные, грубые на ощупь. Она должна была сделать что-нибудь с ней.

Там. Уррgх! Рука вырвалась, двигаясь как марионетка, как марионетка на нитях. Но она сделала это. Ее рука неловко задел ее волосы, переехала чуть дальше от глаз.

Итак.

Я могу сделать это.

Я могу контролировать свое тело. Это будет сложно и болезненно и медленно, но я могу сделать это. Я больше не вне игры.

Теперь всё, что ей нужно было сделать, это заново научиться ходить.

Проводник

На протяжении почти семидесяти лет, Кристофер Андерсон верно служил Лоуренсу Ван Алену. Он был тем, кто отвез Шайлер в больницу, чтобы надлежащим образом осмотреть ее руку после того, как они вернулись из Корковадо с новостями о кончине своего хозяина. Любезный джентльмен всегда поражал Шайлер своей проворностью, особенно для пожилого, но после смерти Лоуренса казалось, что возраст, наконец, догнал его. Он был хрупким и сейчас шел с палочкой.

Андерсон посетил ее вчера у Оливера, у которого она гостила после возвращения из Южной Америки. Она не имела мужества, вернуться в Brownstone на 101 улице. Было больно знать, что там не будет Лоуренса пыхтящего свою сигару в кабинете. Дедушкин проводник посоветовал ей покинуть страну как можно скорее. Он читал стенограмму расследования. "Вы не можете рисковать. Никто не знает, что произойдет завтра. Было бы лучше, если бы вы уехали сейчас и исчезли прежде, чем они отреклись от вас, как от

предателей.

"Я же говорил," сказал Оливер многозначительно глядя на Шайлер.

"Но куда мы поедем?" спросила она.

"Куда угодно. Не оставайтесь на месте дольше, чем семьдесят два часа. Венаторы быстры, но они будут использовать the glom, чтобы найти вас, и это будет замедлять их немного. Куда ни пойдете, убедитесь, что вы окажетесь в Париже в августе следующего года ".

"Почему Париж?" спросила Шайлер.

"Полный Европейских Совет собирается каждые два года для гранд-вечеринки и конгресса", пояснил Андерсон. "Лоуренс планирщвал присутствовать на двухгодичных совещаниях. Вы должны занять его место. Графиня примет вас. Конклавы были разобщены с тех пор, как голубая кровь покинула Старый Свет. Она никогда не верила в Михаила и Совет Нью-Йорка. Она будет еще меньше верить теперь, когда услышит о кончине Лоуренса. Она была одной из его старых друзей ".

Графиня была подругой Корделии, как Шайлер поняла позже. Она смутно помнила королевскую чету: их величественный дом оказывал большее впечатление. Она не думала ничего особенного из них кроме того, что они казались, добрыми и очень богатыми, как и все в кругу Корделии. Теперь Шайлер поняла, что они особенные. Графиня была замужем за покойнвм принцем Генри, который был бы королем Франции спасшемся в революцию. Генри был регисом европейского конклава. После завершения его цикла, королева взяла на себя титул.

Андерсон покидал город тоже. После смерти вампира, человеческие провлдники освобождаются от службы и выбирают: свобода или Хранилище. Они могли бы работать на Совет в целом, или же мог жить нормальной жизнью.

Андерсон сказал им, что у него нет никакого желания прожить всю жизнь в подвале. Он собирался вернуться в Венецию, обратно в университет. Конечно, его память будет стерта конклавом. Это является необходимой предписанием для тех, кто оставляет их. Голубая кровь хранит свои секреты.

Шайлер понимала выбор Андерсона, но это все же опечалило ее.

Андерсон был последней оставшейся связью с ее дедушкой. Однажды оставив совет, он был бы ей чужим. Но она не будет отказывать ему в его стремлении к обычной жизни. Он прожил всю жизнь на службе Ван Аленам.

"Иди и найди графиню," продолжал Андерсон. "Расскажи ей все, что произошло. Между кланами имеет место недоверие, поэтому она не может знать правду о резне в Рио. И, Шайлер? "

"Да?"

"Я знаю, что они запланировали завтра для меня на следующем слушании. Принудительная амнезия. Но не беспокойся, я никогда не забуду тебя. "Он пожал ей руку, а она пожала его.

"Я не буду забывать о Вашей великой доброте", ответила Шайлер. Оливер был прав, как обычно. Они были вынуждены уезжать немедленно. Венаторы приедут за ней сегодня вечером. Они придут, чтобы забрать ее.

"Графиня поможет тебе."

Шайлер надеялась, что старый дедушкин друг был прав.

Глава 10

Шайлер

"Посмотри на себя," прошептал Оливер, подойдя сзади и кладя теплую руку на обнаженный бок Шайлер.

Она повернулась к нему с мягкой улыбкой и положила руку поверх его так, что они были практически обнимались. Что бы ни случилось сегодня, по крайней мере они были друг с другом.Это было источником великого утешения для них обоих.

"Ты сам неплохо выглядишь", сказала она.

Он был одет как монгольский принц, в прекрасном пиджаке для верховой езды из золотой парчи и белой чалме поверх его карамельного цвета волос.

В ответ Оливер взял ее украшенную драгоценными камнями руку и прижал ее к губам, заставляя чувствовать приятную дрожь в позвоночнике. Ее друг и фамильяр. Они были одной командой. Как и в Лос-Анджелес Лейкерс ", непобедимы, Шайлер не могла удерживаться от подобных мыслей. Она всегда выдавала банальные шутки, когда она нервничала.

"Что это?" спросила она, когда Оливер вложил что-то ей в ладонь.

"Я нашел его в саду раньше, сказал он, показывая свои четыре измельченных листка клевера. "На счастье"

Мне не нужна удача, у меня есть ты, она хотела сказать, но она знала, Оливер, наверно, дрянной. Вместо этого она приняла цветок и засунул его в ее сари с улыбкой.

«Потанцуем?» спросил он, когда поп-бангра закончилась, и оркестр переключился на вальс в версии Битлз «Норвежский Лес». Он вывел ее на середину танцпола великого танцевального зала во внутреннем дворе. Комната была украшена плавающими китайскими фонариками, тонкими шариками света, которые выглядели несоответствующими в этой классической французской архитектуре.

Там было только несколько танцующих людей, и Шайлер волновался, что они будут выглядеть слишком заметными, моложе на несколько десятилетий, чем люди находящиеся на танцплощадке.

Но она всегда любила эту песню, которая была, ни сколько песней о любви, а напротив, ее противоположностью. «Однажды у меня была девушка, или как я должен сказать, я принадлежал уй однажды.» Ей нравился Оливер, который хотел танцевать. Он протянул свои руки, и она вошла в них, кладя голову на его плечо, так как он обнял ее за талию. Было так мило, жить в этот момент, наслаждаться его близостью, ненадолго притвориться, что они были двумя молодыми влюбленными и ничего больше.

Оливер мягко вел ее во время всего танца, что было понятно, так как его мать принуждала его заниматься танцами из-за одержимости этикетом. Шайлер чувствовала себя, как балерина под его уверенным руководством.

"Я не знала, что ты танцуешь", поддразнила она.

"Ты никогда не спрашивала" сказал он, поворачивая ее вокруг так, что ее шелковые брюки красиво заструились вокруг лодыжек.

Они протанцевали еще две песни, под броский полонез и популярный рэп, музыка была сумасшедшим миксом высокого и низменного, от Моцарта до M.I.A., от Баха до Бейонсе. Шайлер поняла, что фактически наслаждается этим. Тогда музыка резко прекратилась, и они повернулись, чтобы увидеть, чем это было вызвано.

«Парижская Графиня, Изабелла Орлеанская,» провозгласил оркестровый дирижер, так как импозантная женщина, очень красивая для своего возраста, с угольно-темными волосами и королевской осанкой вошла в комнату. Она была одета, как королева Сабы, в головном уборе, сделанном из золотого и голубого лазурита. Ее правая рука удерживала огромную золотую цепь, на которой была черная пантера с ошейником, инструктированным бриллиантами.

Шайлер задержала дыхание. Так вот, кто такая Графиня. Перспектива о просьбе у этой женщины убежища, внезапно показалась более пугающей, чем раньше. Она ожидала, что графиня будет более полной и старше, даже плохо одетой, маленькой дамой в костюме пастельного цвета с маленькой корги (порода собаки). Но эта женщина выглядела искушенной и шикарной; она казалась такой

же недосягаемой, как и недосягаемое божество. Почему ее должно заботить то, что случилось с Шайлер?

Однако, существует возможность, что Графиня только выглядела властной и недоступной. В конце концов, эта вечеринка была не легкой для нее. Шайлер задалась вопросом, была ли огорчена графиня потерей ее дома? Отель Ламберт принадлежал ее семье, передаваясь из поколения в поколение. Шайлер знала, что недавний мировой кризис уничтожил даже самые великие дома и самые богатые семьи.

Хазард-Перри умно вложили капитал: Оливер сказал ей, что они вышли с этого рынка за несколько лет до краха. Но почти весь Верхний Ист-Сайд, как слышала Шайлер, ушел с молотка, драгоценности продавались на аукционах, произведения искусства обесценивались, акции ликвидировались. То же самое происходило в Европе. Даже Голубая Кровь не могла позволить себе покупку Ламберта. Он должен принадлежать корпорации, так и вышло.

Графиня приветствовала своих гостей, так как весь танцпол взорвался в аплодисментах, Шайлер и Оливер аплодировали так же сердечно, как и остальные. Тогда Изабелла начала спускаться, музыка снова заиграла, а напряженность в комнате уменьшилась. Коллектив вздохнул спокойно.

"Так что же сказал барон? спросила Шайлер, когда Оливер закручивал ее подальше от центра комнаты.

«Барон де Кубертин работал на графиню и служил своей даме, как человеческий Проводник, как Оливер для Шайлер. Андерсон сказал им, что только барон облегчит им встречу с графиней. Он был ключом к обращению. Без его разрешения они бы не смогли приблизиться к графине даже на минимальное расстояние. План был таким, Оливер представит себя в ту минуту, подстерегая его, когда барон прибудет на вечеринку и сойдет с лодки.

«Мы это узнаем довольно скоро,» сказал Оливер, с опаской оглядываясь. «не заглядывай наперед. Он придержит для нас путь.»

Глава 11

Мими

Четыре Венатора, приземляясь на крыше здания, создали совсем немного шума. Их шаги могли быть приняты за шелест крыльев птиц, или за гальку, ссыпавшуюся со склона. Это была их четвертая ночь в Рио, и они находились в фавеле де Рокина, систематически обходя население, блок за блоком, улицу за улицей, обветшалую лачугу за обветшалой лачугой. Они искали хоть что-нибудь – частицы памяти, слова, изображения, которые могли бы пролить некоторый свет на то, что произошло с Джордан, и, где она может быть.

Мими знала о тренировке так хорошо, что могла бы совершить ее даже во сне. Ну, или фактически, во время их сна. Только посмотрите на эту Красную Кровь, столь беззаботную и удобную в дремоте, подумала она. Они не имели понятия о том, что вампиры тихо проникали в их сны. Воспоминания были хитрой вещью, подумала Мими, так как она вошла в мир сумерек украдкой. Они были неустойчивыми.

Они изменялись в восприятии в течение всего времени. Она видела, как они перемещались, понимая как течение времени затрагивало их. Трудолюбивый стривер мог вспомнить о его юношестве, как о заполненном страданиями и препятствиями, испорченным освистыванием и обзывательствами на детской площадке, но позже простить и понять всю несправедливость.

Одежда ручной работы, которую он вынужден был носить, была данью любви к его матери, каждый кусочек и шов был признаком ее усердной работы над бедностью. Он вспомнил и отца, не ложащегося спать до поздна, чтобы помочь с домашней работой, терпеливого и преданного старика, который не был резким, когда возвращался с фабрики поздно домой.

Это было другим, не таким хорошим. Мими просканировала тысячи воспоминаний отвергнутых женщин, любовники которых становились уродливыми и жуткими, с резкими римскими носами, глазами становящимися маленькими и незначительными, в то время

как обычные мальчишки, которые стали их мужьями, стали привлекательными за прошедшие годы, и тогда, когда их спросят, была ли это любовью с первого взгляда, женщины с гордостью ответили да.

Воспоминания двигали картины, которые были незначительными и постоянно изменялись. Это были истории, которые люди рассказывали себе сами. Использовать проникновение, в потустороннюю память и тень, в место, где вампиры могли бы получить доступ к желаемому, чтобы читать мысли и управлять умами, было похоже на движения по темной комнате, по лаборатории, где фотографы печатали свои снимки, погружая их в небольшие емкости с химикатами, высушивая их на нейлоновых стойках.

Мими вспомнила темную комнату в Дачезне, как она использовала ее, скрываясь там с ее фамильярами. Входя сквозь вращающуюся дверь, оставляя яркий мир школы, чтобы войти в маленькое, тесное место, которое было настолько темным, что она задавалась вопросом в течение секунды – что если она ослепла. Но вампиры могли видеть в темноте, конечно же.

Были ли у них темные комнаты больше, за исключением других, где показывались фильмы про слежку над серийным убийцей? Заинтересовалась Мими. Теперь у всех были цифровые камеры. Темные комнаты считались доисторическими. Как рукописные письма и надлежащие первые свидания.

"Темные комнаты Форс? You don’t strike me as a photographer.”

"Но я ударю тебя," ответила Мими.

"Ха-Ха."

"Возвращайся к своему пациенту. А то разбудишь моего."

Это было не по протоколу для Кингсли, вторгнуться в ее мысли. Четыре Венатора могли чувствовать друг друга, но они, как предполагалось, были на раздельных канал, наблюдая за разными снами. Они зашли в женскую спальню, место в городе, где девушки из отдаленных областей платили за кровать.

Мими вторглась в память девушки. Девушка была примерно того же возраста, что и она, в этом цикле: семнадцатилетней.

Девушка работала горничной в одной из гостиниц. Мими

просканировала последние три месяца ее жизни. Видела, как она застилает кровати и убирает мусор, пылесося ковры и забирая небольшие чаевые, оставленные постояльцами на прикроватных столиках. Видела, как она ждет своего парня, посыльного велосипедиста, после работы, в маленьком кафе. Работа, парень, работа, парень. Что это? Менеджер гостиницы заставлял девушку приходить в его офис и снимать с себя ее одежду. Интересно. Но реально ли это?

Тренировки Венаторов значили, что Мими изучила, как отличить вымысел от действительности, ожидания от действий. Была ли действительно девушка совращена своим начальником или она только боялась, что это может произойти? Это было похоже на страшный сон. Мими применила принуждение: она представила девушку, отпихивающую своего начальник, ударившую его в самое болезненное место. Прямо туда. Если это когда-нибудь произойдет, девушка будет знать, что делать.

"Назовитесь. Ленокс один?" голос Кинглси разнесся эхом через всю комнату.

"Чисто."

"Два?"

"Чисто."

"Форс?"

Мими вздохнула. Не было ни одно признака Наблюдателя ни в одной из мыслей девочки. «Чисто». Она мигнула своими открытыми глазами. Она стояла около девушки, которая спала под покрывалами. Мими показалось, что она улыбнулась своими маленькими губами. Нет причины бояться, отослала Мими ей мысль. Девушка может делать все что она хочет делать.

«Хорошо. Двигаемся.» Кингсли вывел их в ночь, через грунтовые дороги и тихо шагая, отводил все дальше от полуразрушенных, мозаичных кустарных зданий и жилых домов, сокращая путь до гор. Она следовала за командой на холм, расположенный за пределами мусорных баков и груд гнилого хлама.

Не все здесь отличалось от определенных частей Манхэттена, подумала Мими, хотя было удивительным видеть то, как близко жили люди и насколько искажены были их приоритеты. Она действительно

видела дома, лачуги без проточной воды и туалетов, но в гостиных которых, находились 42 дюймовые плоскоэкранные телевизоры и спутниковые антенны. В то время как дети бегали без обуви, в их кустарных гараж стояли блестящие германские автомобили.

Говоря о детях: она услышала их до того, как увидела. Небольшую веселую группку надоедливых детишек, которые всю неделю следовали за ними. С грязными лицами, вымазанными в смоле, в рванной одежде с логотипом, исчезнувшей американской спорт-команды, с протянутыми руками, вверх ладонями, в которых ничего не было. Это напомнило ей о социальной программе, объявление, которой бегущей строкой проходило каждый вечер: «Уже 10 часов вечера. Вы знаете где находятся ваши дети?»

“Сеньора Бонита, Сеньора Бонита,” пропели они, ступая босыми ногами по влажной тропе.

«Брысь?» – прошипела Мими, отгоняя их подальше, как противных мух. «У меня сегодня нет ничего для вас. Ничего нет. Понятно выражаюсь?» Оставьте меня в покое. Их просьба принесла ей головную боль. Она не была ответственной за этих людей, за этих детей… Она была Венатором на официальном задании, а не какой-то знаменитостью во время PR-компании. К тому же, это Бразилия, развитая страна. На планете есть места в более отчаянном положении. Серьезно, маленькие паразиты не знали насколько им повезло.

“Сеньора, сеньора.” Один из маленьких мальчуганов, в заляпанной нижней рубашке, с темными завитками на голове схватил ее за спинную часть одежды. Как и другие Венаторы, Мими была одета в черное пальто-полувер и водонепроницаемые нейлоновые штаны, стандартная форма одежды. Она отказалась носить неуклюжие ботинки (они визуально делали ее ноги толстыми), и поэтому она была в ботинках из шкуры пони на высоком каблуке. «Ох, ладно,» сказала Мими. Это была ее вина, что дети бегали за ними.

Она пыталась не обращать внимание, остаться безразличной перед лицом действительно ужасной бедности, Мими рассматривал ее стандартную комнату в гостинице (не всегда люкс!) лишенный многого, ’она знала, что всякий раз, когда дети толпились вокруг нее, у нее всегда было кое-что, что дать им.

Горсть леденцов. Доллар. (Вчера десять долларов каждому.) Плитка шоколада. Хоть что-нибудь. Дети называли ее Красивой Леди, Сеньорой Бонитой.

“У меня ничего нет сегодня для вас! Серьездно!“ протестовалв она.

“Они никогда не поверят тебе. После того первого раза, когда ты поддалась им,“ сказал Кингсли, радостно улыбаясь.

“Как будто ты лучше,” Мими ворчал, растегивая ее рюкзака. Четыре из них были несерьёзным противником. Тихим близнецам досталась жевательная резинка, всегда можно было рассчитывать что Кингсли заплатит за поджаренные во фритюре закуски, продающиеся в уличных телегах.

Маленькая девочка с завитками ждала терпеливо, поскольку Мими доставала плюшевую собаку, которую она купила от магазине тем утром специально для нее. У чучела животного было лицо, которое напомнило ей о ее собственной собаке. Ей было жаль, что нежная чихуа-хуа не была с ней, но потребность в защите собачьего фамильяра уменьшилась в более поздних годах преобразования. “Держите. И это для всех Вас, разделите,” сказала она, передавая огромную коробку конфет. “Теперь идем?”

“Obrigado! Obrigado, Сеньора!” они вопили, убегая со своей добычей.

"Они тебе нравятся", сказал Кингсли с подобием улыбки на устах, что рассердило Мими, так как это сделало его еще более красивым, чем было нужно.

" Еще чего". Она закивала головой, не встречаясь с ним взглядом. Возможно она выпили слишком много супер сладкой мексиканской кока-колы. А может быть она просто устала, одна,далеко от дома. Но где-то в в самой хрупкой части сердца Азраель что-то начинало уже таять.

Без вести пропавшие.

"Ты должна спросить Чарльза. Ты должна спросить его о воротах… о наследии Ван Аленов и о дорогах мертвых".

То были последние слова её дедушки.

Но Чарльз Форс ушел, когда Шайлер возвратился в Нью-Йорк.

Оливер узнал через свои контакты в Хранилище, что Чарльз предпринял свою обычную прогулку через парк однажды днем, но так и не вернулся домой. Это было неделю назад. Бывший регинс не оставило записки, никакого объяснения. Очевидно, он оставил все так как есть.

Корпорация Форсов утратила половину своей ценности, с приходом кризиса, на фондовой бирже: компания тонула не имея капитана у штурвала корабля.

Но кто – то должен знать, где он был, Шайлер думал, и однажды утром она подстерегала Тринити Форс в салоне, где ей осветляли волосы. Ведущий социальный декан Нью-Йорка была облачена в шелковой одежде, сидящая под лампой высокой температуры.

“Я думаю ты слышала новости,” сказала Тринити сухо, убирая ее журнал, поскольку Шайлер села рядом. “У Чарльза должны быть серьезные основания для его действий. Я только желаю, чтобы он поделился бы ими со мной.”

Шайлер рассказала ей о последних словах Лоуренса на вершине горы, надеясь, что может быть Тринити сможет пролить немного света на последние послание дедушки.

“Наследство Ван Алена,” сказала Троица, уставившись на себя в зеркале и поправляя пластмассовую кепку, покрывающую ее фольгу. “Независимо от того, что это, Чарльз отвернулся от всего, что имело отношение к его 'семье' давным-давно. Лоуренс жил в прошлом.”

"Но Лоуренс настаивал, что это Чарльз тот, кто является ключом."

" С Лоуренсом покончено". То как Тринити это сказала, звучало, как если бы Лоуренс был неудачно выступившим актером. Ни отошел в мир иной. Ни умер. Ни ушел навсегда.

А просто – покончено.

Была еще вещь, кое-что странное, что сказал ее дедушка, тут Шайлер хотела подтверждений. Она не была уверена, знает ли Тринити что-нибудь об этом, но она должна была спросить. “Он также сказал, что у меня есть сестра, и что она будет… то, что она будет нашей смертью.” Шайлер чувствовал себя глупо, повторяя такое драматическое утверждение. “У меня есть сестра?”

Троица не отвечала в течение долгого времени. Звук фенов и

посетителей, сплетничающих с их стилистами, заполнил тишину. Когда она наконец заговорила, ее голос был тих и осторожен. “В том смысле, что у Вашей матери были другая дочь, да. Но это было давно, прежде, чем Вы родились, в различном цикле, в различном столетии. И о девочке заботились. Лоуренс и Чарльз позаботились об этом. Лоуренс… Одна из причин по которой он ушел в изгнание, состояла в том, что он никогда не сдавался в своих фантазиях. Он умер, Шайлер, и ты должна понять… он хватался за соломенку, пытаясь довести дело до конца. Он вероятно даже был не в своем уме.”

Таким образом Лоуренс говорил правду. У нее была сестра. Кто? Когда? Она была уже мертва? Заботились о ней, что это означало?

Но Тринити отказалась уточнять. “Я уже сказал тебе слишком много,” сказала она, хмурясь.

“Конклав попросил, чтобы я свидетельствовал завтра о том, что случилось в Рио. ты будешь там?” Шайлер спросил немного задумчиво. Внезапно она поняла, насколько она нуждалась в матери в своей жизни. Тринити никогда не пыталась исполнять ту роль, но у нее был прагматический сугубо деловой путь по отношению к ней, это напомнило Шайлер Корделию. Это было лучше, чем ничего.

“Я сожалею, Шайлер, но я не в состоянии приехать. Как обычно, Красная Кровь позволила жадности захватить их финансовую систему. С уходом Чарльза, я должна сделать то немногое, что могу, чтобы остановить кровопролитие. Сегодня вечером я уезжаю в Вашингтон.”

"Все в порядке", Шайлер не ожидала ничего другого.

“И, Шайлер?” Тринити смотрела на нее внимательно, как мать, отчитывающая своенравную дочь. “начиная с твоего возвращения твоя комната была пуста.”

"Я знаю", просто сказала Шайлер. "Я больше не собираюсь жить с твоей семьей."

Тринити вздохнула. “Я не буду останавливать тебя. Но знайте, что, когда ты вне нашего дома, ты вне нашей защиты. Мы не можем помочь тебе.”

“Я понимаю. Я возьму на себя этот риск.” По привычке Шайлер и Тринити обменялись воздушными поцелуями в щеки и сказали до

свидания. Шайлер оставила успокаивающие, теплое помещение салона красоты и вышела на улицы Нью-Йорка, одна.

Чарльз Форс ушел. Чарльз Форс был тупиком. Он исчез, забирая тайны с собой.

Ей придется найти наследие Ван Аленов самой.

Глава 12

Шайлер

Бэрон де Кубертин был одет как варвар Атила в полной броне для сражения, с луком и стрелами, переброшенными через плечо, и с щитом и копьем для броска. На его голове был заостренный металлический шлем поверх парика из длинных темных волос. Его длинная борода была также фальшивой.

Он приблизился с ужасающим хмурым взглядом на лице и взял Шайлер за плечо. “La contesse voudrait que vous я suiviez, s’il vous plait.” Графиня хотела бы, чтобы Вы следовали за мной, пожалуйста. Тогда он резко повернулся на пятке. Шайлер и Оливер вместе вместе за ним, но барон остановил их.

“Графиня хочет увидеть только мисс Ван Ален,” сказал он на прекрасном английском языке, смотря серьезно на Оливера, как будто он был неприятностью. “Вы останетесь здесь.”

Шайлер подавила протест Оливера.

"Со мной всё будет в порядке. Я с тобой после встречусь", сказала она. "не волнуйся."

Она чувствовала взгляды других гостей, уступающих ей дорогу. С кем говорил барон? Кто те два? Они становились заметными. Они должны были таять прежде, чем любой заметил их.

“Не волнуйся? Но тогда я был бы без работы,” сказал Оливер, приподнимая бровь.

"Я могу с этим справиться", настаивала Шайлер.

"Об этом я и волнуюсь", вздохнул Оливер.

Он сжал ее голое плечо. Его руки были грубыми и мозолистыми от путешествия и работы. Они не были мягкими руками мальчика, который имел обыкновение проводить его дни в музеях. Оливер, которого знала Шайлер, никогда не останавливался в чем-то меньшем чем пятизвездной гостинице, уже не говоря об общежитиях ночлежки, где они теперь проживали. Она видела, что он обсудил

цену мгновенной лапши в Шанхае, торгующиеся за пять центов.

“Я буду в порядке,” пообещала она, затем пробормотала мягко, так чтоб барон не мог услышать. “У меня есть чувство, что это – единственный способ, которым я собираюсь воспользоваться, чтобы увидеть графиню.”

"Позволь мне с ним поговорить снова;может он прислушается ко мне", прошептал Оливер, смотря на Шайлер, из-за плеча барона. " а что если что-нибудь случится?"

"Я не смогу с этим жить",сказала Шайлер,заканчивая за ним предложение. Она нежно отодвинула его руку. " Я тоже боюсь, Олли. Но мы договорились. Мы должны это сделать."

Оливер заскрежетал зубами. " Мне все это не нравится," сказал он, свирепо поглядывая на барона. Но он ее отпустил.

Шайлер проследовала за бароном, проходя внутренний двор, направляясь к главному холлу дворца. Он провел ее через анфиладу,последовательный ряд комнат,проходя мимо библиотеки и множества жилых комнат. В конце длинного коридора он пропустил ее в приемную. Это была маленькая комната, украшенная золотой мозаикой, с одной вельветовой софой посреди комнаты.

"Arr'te." Ждите.

Он ушел, и за ним закрылась дверь.

Шайлер осмотрела все вокруг. Там была еще одна дверь позади. Она должна вести в офис графини. Шайлер ощущала присутствие стражей, охранявших комнату. Не было никакого выхода кроме двух закрытых дверей. Одним из уроков Лоуренса было почувствовать окружающую невидимую защиту, что бы найти способ выбраться. Побег состоит из 90% подготовки и 10% – благоприятного случая, любил он говорить.

Шайлер казалось прождала вечность, одна в маленькой прихожей. Комната была полностью изолирована от окружающего шума. Она не могла ничего услышать. И наконец дверь открылась.

" Барон де Кюбертен?" спросила она.

"Попробуй ещё раз". Голос был душераздирающе знакомым.

Нет. Этого не может быть. Шайлер почувствовала себя парализованной.Казалось прошлое насмехается над ней. Кто-то играл

с ней плохую шутку. Этого не могло быть. Единственный человек в Нью-Йорке, которого она так тяжело пыталась забыть…

Джек Форс вошел в комнату. В отличии от других гуляк, он был одет просто, весь в черном. Форма венаторов. Его волосы цвета платины были коротко пострижены, на военный манер, делая его аристократические черты лица еще более разительными. Он двигался с прирожденной грацией, шествуя по комнате,как опасный зверь кружит вокруг своей жертвы

Она и забыла как он красив. А может ей просто казалось, что она забыла. Они не виделись с той самой последней их ночи в квартире на Perry Street. Той ночи, когда она сказала, что любит другого. Как больно было смотреть в его глаза, такие серьезные и печальные, как будь-то вся его жизнь пролетела за один лишь год.

Боль была как физическая, страстное желание, которое она подавляла, внезапно ярко вспыхнуло с новой силой: яркое и красное и злое, удивляющее своей интенсивностью. Невозможное желание: пустота в ее сердце, которая жаждала быть заполненной.

Нет. Стоп. Не иди туда. Она сама на себя злилась за эти чувства. Было неправильно, и неимоверно предательски по отношению к ее жизни, которой она жила весь этот год. Измена жизни,которую они с Оливером построили вместе. Если б только она могла сделать что-то со своим сердцем. Ее дико бьющимся,предательским сердцем. Так как она хотела лишь одного – оказаться в объятиях Джека.

«Джек,» она не дышала. Даже произносить его имя было трудно. Действительно ли было настолько ужасно, что она хотела снова его видеть? Бог знает, что она пыталась прекратить думать о нем, спрятав все мысли о нем в самом темном углу ее сознания.

И все же он всегда был там: в своих мечтах, она всегда возвращалась в ту квартиру над городом, к тому пятну огня. Ты не можешь помешать себе мечтать, не так ли? Это была не ее ошибка. Это была раздражающая часть. Однако, насколько сильно бы она не старалась, ее подсознание всегда подталкивало ее к нему.

Видеть его, живым, дышащим, прямо здесь, напротив нее было похоже на прямую атаку на все, что она так старалась удержать в течение года изгнания с небольшим. Она убедила себя, что ее любовь к нему мертва и похоронена, заперта в сокровищнице глубоко в море, и никогда не будет открыта. Она сделала выбор. Она любила

Оливера. Они были счастливы, или так счастливы, как могут быть счастливы два человека щедро награжденных своим главенствующим положением. Джек не принадлежал ей, чтобы любить его, и никогда не будет. Независимо от того, как долго, они когда-то значили что-то друг для друга. Он был незнакомцем.

К тому же, он был связан со своим близнецом вампиром, с Мими, с его сестрой. Не имело значения, что Шайлер к нему все еще что-то чувствует – это прискорбно, иметь чувства к нему. Он всегда был связан с другой. Она была ничем для него, и он для нее.

"Что ты здесь делаешь?" спросила она, потому что он просто мола смотрел на неё, даже после того, как она произнесла его имя.

"Я здесь ради тебя," сказал он, вытянув свой рот в тонкую линию.

Потом Шайлер поняла. Джек прибыл сюда от имени Конклава. Он был здесь для того, чтобы вернуть ее в Нью-Йорк.

Назад в хранилище. Он был здесь, чтобы забрать ее, чтобы она предстала лицом перед Инквизитором, для вынесения приговора. Виновна или невиновна, это не имело значения, она знала каков будет вердикт, они отвернулись от нее. Теперь Джек был одним из них. Частью Конклава. Врагом.

Шайлер отступала к противоположной стене, к другой двери, зная что это бесполезно. Охрана, защита этого места значила, что там было не куда идти, кроме как наверх или за пределы. Она должна попытаться. Начать бежать по стене и подпрыгнуть так высоко, чтобы она смогла пробиться сквозь стекло. Джек проследил за ее взглядом, и, понял какова ее цель.

"Ты разрушишь эту комнату, если попытаешься сделать это."

"Меня это должно волновать?"

"Я думаю, что да. Я думаю, что ты любишь отель Ламберт, так же сильно, как и я. Ты была не единственной, кто любил играть в саду."

Коненчо Джек бывал здесь раньше. Его отец был прежним Регисом. Возможно, Форсы останавливались в том же крыле для гостей, что она и Корделия. Ну и что с того?

"Я сделаю это, если это единсвенный выход. Взгляни на меня."

Джек предпринял попытку подойти к ней. «Я тебе не враг, Шайлер. Не важно, что ты думаешь. Ты ошибаешься. Этот путь ошибка. Есть защита, которую ты не чувствуешь, единственная, которой Лоренс тебя не обучил. Ты не будешь снова разбита. И я пришел к тебе не для того, чтобы навредить.

"Нет?"

«У тебя нет выбора. Пойдем со мной, Шайлер, пожалуйста.» протягивал Джек свою руку. Его вспыхивающие ярко-зеленые глаза были столь нежны и полны мольбы. Он выглядел чувственным и потерянным. Это был то же взгляд, которым он смотрел на нее той ночью. Когда он попросил ее, чтобы она осталась.

Она дала ему тот же ответ, как и раньше.

"Нет."

Прежде, чем смогла вздохнуть, она уже стала бежать по боковой стороне, так быстро, что выглядела размытым розовым пятном против золотой стены, а затем она бросилась вверх так, что она пробила потолок, посылая дождь кристаллических черепков, падающих вниз на мраморный пол. Это все выглядело, как замедленная съемка.

Он ошибся. Она знала чары, которые удерживали на месте, и она знала контрзаклинание, которое разрушило их. Континео и Франго. Лоренс был нетерпим в своем обучении. По крайней мере в этом она не разочаровала своего деда.

Мне жаль, Джек. Но я не могу туда вернуться.

Никогда.

Потом она исчезла в ночи.

Глава 13

Блисс

"Слушайте! Я никуда не уйду, пока не увижу Блисс! Я настаиваю! Вам придется позвонить в полицию, если вы хотите, чтобы я ушел."

Голос был настолько сильным,агрессивным и неприятным,содержательным, наполняясь полным и законченным высокомерием, что можна было с 100% точностью сказать – он исходил справа,наполнен ньюрорксой надменностью, на которую только пресытившийся городской житель мог отважиться. Это был голос, который кричал на велосипедных курьеров и выкрикивал приказы суетящимся мелким сошкам, так настойчиво и громко, что пронзил заглушающую ткань, которую Блисс держала, что-бы не видеть и не слышать внешний мир.

Посетитель шевельнулся. Это было похоже на наблюдение за замершей змеей, готовящейся к весне. Блисс задержала дыхание.

Голос продолжил свою тираду. "Вы по крайней мере можете сказать кто здесь?" Что значит вся эта ерунда?

Блис подпрыгнула. Это был первый раз за год, когда Посетитель разговаривал именно с ней.

Начнем с начала, свет приблизился, и она обнаружила, что может видеть и смотрит из окна. Перед дверью стоял маленький, лысый человек, выглядивший разъяренным и третирующим горничную.

"Это Генри", сказала она.

"Кто он?"

"Мой агент по модельному бизнесу."

"Объясни."

Блисс посылала картинки и воспоминания посетителю: ожидание вне офиса у Farnsworth Agency с портфолио на коленях, утренние встречи с Генри в Balthazar за чашечкой капучино перед

школой, прохождение по взлетно-посадочной полосе во время недели моды в Нью Йорке, фотосъемки на чердаках Starret-Lehigh, ее рекламные кампании для Civilization, поездки на съемки в Сибирь, ее фотографии на биллбордах, обложках журналов, на автобусах и крышах такси.

"Эм, я модель?" она вспомнила его.

Кобра, внутри нее, расслабилась, развернулась, высунула свой раздвоенный язык. Но напряженная осторожность осталась. Посетитель не удивился.

Модель. Живой манекен.

Вскоре он пришел к решению. " Избався от него. Непростительно, что я разрешил этому случиться. Мы продолжим сохранять облик. Никто не должен заподозрить, что ты – это не ты. Не подведи меня."

“Что ты имеешь в виду?, что ты хочешь, чтобы я сделала?”, спросила Блисс, но прежде, чем она могла закончить, она была ВТЯНУТА, назад в ее теле, полностью в контроле. Это было ничем как патетическая попытка прошлой недели отложить в сторону ее удары о лоб. Она поняла, сколько ее он удерживает под своим контролем, мысль, которую она пыталась защитить от него.

Это было, как возвращение к жизни после ловушки в гробу. Она билась, как новорожденный жеребенок. Это было, как будто бы мир становился в фокус после после многих лет просмотра зернистого, расплывчатого фильма. Она могла почувствовать запах алтей, доносившийся с улицы, могла попробовать вкус соли в морском воздухе.

Ее руки, ее руки были ее собственными. Они были легкими и сильными, не отяжелевшими. Ее ноги двигались, она шла! Она прошлась по коврику. Ой! Она заставила себя подняться и идти еще более осторожно. Но свобода себя окупила сполна, так как она его чувствовала, его присутствие, позади в ожидании и наблюдении. Она думала это тест. Он хочет увидеть, что я сделаю. Я должна его пройти… Избавься от Генри. Но Генри не должен заподозрить, что со мной случилось что- то странное.

Она открыла дверь спальни, смакуя ощущение прикосновения к холодной дверной ручки и сбежала вниз по ступенькам.

" Подожди! Мануелла! Впустить его?" она позвала, вбегая в фойе. Как приятно было снова слышать ее голос, ее гортанный, разносящийся в воздухе, голос. Он звучал как-то по другому в ее голове. Она чувствовала как будто поет.

"Блисс! Блисс?" прокричал лысый мужчина. Генри выглядел точно также: те же самые очки без оправы, тот же самый монохромный гардероб. Он был одет во все белое, в его летнюю форму: в льняную рубашку и соответствующие штаны.

"Генри?"

Генри послал ей воздушный поцелуи. «Я пытался связаться с тобой в течение месяцев! Все чувствовали, что с тобой случилось что-то ужасное! О, мой Бог! Я все еще не могу в это поверить! Я так рад видеть, что с тобой все в порядке! Могу я войти?»

"Конечно." Она провела его в залитую солнцем гостиную, где семья принимала гостей. Бобби Энн немножко переборщила с морской навигационной темой. На стенах висели весла, сине-белые подушки были отделаны веревками, и всюду были миниатюрные маяки.

Блисс попросила горничную принести завтрак, и устроилась на подушках. Игра в хорошую хозяйку давалась легко, ей помогало то, что этому ее учили всю жизнь. Это удерживало ее от того, чтобы потереть босые ноги о коврик и попрыгать на подушках.

Она была жива! В своем собственном теле! Говорила с другом! Но она следила за своим лицом так же тщательно, как и за своими мыслями. Чтобы не выглядеть безумной и восторженной, когда половина ее семьи погибла или пропала без вести. Это конечно пробудило бы подозрение.

" Во первых, сочувствую в связи с гибелью Бобби Энн," сказал Генри, снимая свои очки и вытирая линзы краем рубашки." Ты получила наши цветы, не так ли? Не то, что- бы мы ждали благодарностей или еще чего. Даже не беспокойся об этом.

Цветы? Какие еще цветы? Генри выглядел обеспокоенным, когда не услышал ответ, и Блисс немедленно, скрывая свое замешательство, потянулась к его руке.

"Конечно! Конечно? они были так прекрасны и так задумчивы."

Конечно агентство послало цветы на похороны Боби Энн. В ходе

беседы, Блисс заключила, что газеты объявили причиной смерти Конклава пожар на вилле Алмейда. Подозревался поджог, но учитывая медлительность полиции, было мало надежды, что правосудие когда-либо восторжествует.

Горничная вернулась с кувшином любимого Бобби Энн "Арнольд Палмерс" наполовину чай со льдом, наполовину лимонад (сделанный из свежих лимонов из их сада)

"Я не могу поверить, прошел год с тех пор как видел тебя?" сказал Генри, наполняя холодный стакан янтарной жидкостью

Год!

Это был шок. Блисс почти уронила свой стакан, так сильно дрожали ее руки. Она понятия не имела, что прошло так много времени с тех пор, как она потеряла контроль над своим телом, над своей жизнью. Неудивительно, что для нее было большой проблемой вспоминать о вещах.

Это значило, что она пропустила свой последний день рождение. Год ее пятнадцатилетия, ее родители праздновали в Радужной Комнате. Но никого не было рядом, чтобы отпраздновать ее Милые Шестнадцать. Даже ее самой, холодно подумала она. Меня даже не было на свой собственный день рождение. Прошел целый год, в течение которого она боролась, чтобы быть в сознании. Она никогда не сможет его вернуть, и сейчас, это время стало все более и более дорогим.

Яростный гнев вспыхнул в ней, у нее отняли целый год, но снова, она подавила его (гнев). Она не могла позволить знать пассажиру на заднем сидении, что она почувствовала. Было слишком опасно. Она должна оставаться безмятежной.

Она повернулась к своему агенту, своему другу, и постаралась притвориться, что она не чувствовала себя так, как если бы он ударил её в живот.

Глава 14

Мими

Восход солнца начал уже освещать вершины гор. Еще одна бесполезная ночь в трущобах. Они изучили каждого мужчину, женщину, ребенка на обозначенной территории. Завтра они займутся тем же, начиная с северных трущоб Jacarezinho. Дух команды шел до победного.

Мими не думала, что они когда-либо найдут Джордан. По крайней мере не в Рио. Кингсли хорошо держался, но Мими могла сказать, что он расстроен.

"Моя интуиция говорит мне, что я прав и она здесь" сказал Кингсли, поскольку они быстро шли вниз через лабиринт кустарных лестниц cut into the hillside.(сокращавших склон?)

Узкие улочки были пусты если не считать собак с кладбищ старых автомобилей и случайных петухов

"Мой дар (The glom – я так поняла, что это какая-то способность сканировать или читать мысли людей) говорит, что ты не прав босс" сказала Мими. Она знала, что Кингсли ненавидит, когда она так назывет его.

Он выплюнул кусочки табака, коричневая слюна оставалась на его губах. Впечатляюще, если б не было так отвратительно.

"Мне бы хотелось, что бы ты так больше не делал", промолвила Мими.

" Почему бы тебе не сказать мне что бы тебе хотелось, что б я сделал?" улыбнулся в ответ Кингсли.

Мими не удостоила его ответом. Она задавалась вопросом, на что это походило, чтобы быть преобразованной Серебряной Кровью, независимо от того, что это означало. У него все еще был близнец? У них были те же правила? Что Серебряная Кровь делала, так или иначе? Они все еще нуждались в Красной Крови, чтобы выжить? Или они только жили на кофеине и сахаре?, на которых Кингсли казалось

существовал. Парень был тощим, но он мог съесть дюжину пончиков за один раз.

“Шеф,” сказал Тед Леннокс. “тут маленькая девочка хочет поговорить с Форсом.”

Это была та же девочка, которая ходила за ними ранее вечером. Одинственный ребенок, которому Мими дала игрушку животного, которую девочка обнимала теперь.

"Милая что ты здесь делаешь?" спросила Мими. "Ты уже должна быть в кровати. Сейчас пять утра"

"Сеньора. Сеньора. Вы ищите кого-то, да? спосила девочка на хромом португальском.

Мими кивнула. У венаторов было прикрытие. Если кто-нибудь спрашивал что они делают в трущобах, они изображали полицейских, разыскивающих без вести пропавшего.

"Да. ищем." Ответила Мими на родном языке девочки.

Маленькую девочку, как я.

Как ты узнала? резко спросила Мими. Это не было частью их прикрытия. Они говорили, что ищут вора, сбежавшего преступника, взрослого человека. Никто не знал, что они ищут маленькую девочку. Если бы люди знали, кого они ищут, они бы непременно думали об этом, что существенно бы затруднило работу венаторов.

"Как ты узнала, что мы ищем маленькую девочку?"

"Потому что она мне сказала."

"Кто сказал тебе? Что она сказала?" спросила Мими резко.

Девочка встряхнула головой, она выглядела испуганной.

"Ты ее сканировала?" спросил Кингсли, наклонив голову.

Мими кивнула. В первую же ночь после прибытия, она просканировала всех детей. Ничего не было. Может она была не слишком тщательна? Или слишко нежна? Эта ее способность была непредсказуема, некоторые люди не очень хорошо относилсись к вторжению в их сознание. Если они пробуждались в течение сессии, был шанс, что это могло бы повредить им, даже сделать их безумными. Как это случилось с тем их так-называемым свидетелем.

Венаторы были очень профессиональны и внимательны. Пока они никому из Красной Крови не повредили. Но возможно Мими не хотелось рисковать. Не с этой маленькой девочкой. Она сделала поверхностную экспертизу и не собиралась исследовать подсознательное ядро девочки.

Сэм достал из кармана фотографию. Это было школьное фото Джордан. Она выглядела обеспокоенной и серьезной в своей униформе из шотландки (такая ткань в клеточку, традиционно используется для шотландских килтов, отсюда и название) “Ты видела ее? Это она?”

Девочка кивала, изо всех сил прижимая к себе игрушечного щенка.

"Хорошо, что ты знаешь? Действительно, устами ребенка глаголет истина" сказал Кингсли.

"Тише" упрекнула его Мими. Ее сердце застучало быстрее. Неужели все это время ответ был прямо у них перед носом? Ходил за ними по пятам? Когда дети начали бегать за ними? Да практически с самого начала, с первой ночи. Возможно они пропустили это, из-за того, что Мими оказалась слишком слабой и мягкой, чтобы правильно осмотреть девочку?

“Ты уверена? Ты уверена, что видела ее?” Мими хотела потрясти девочку, хотя на самом деле ей хотелось встрехнуть себя. Она позволила своим чувствам к этой девочке помешать ее работе. И с каких пор Азраил имела чувства?

Маленькая девочка кивнула. "Да. Это она. София." Она назвала Джордан ее настоящим именем. Мими почувствовала, как холод идет по позвоночнику.

Тед встал на колени рядом с девочкой. "Как ты узнала о ней?"

"Она жила неподалеку" ответила девочка "с бабушкой. Мы боялись этой леди. И София тоже."

"Где она сейчас?"

"Я не знаю. Они забрали её."

"Кто?"

Девочка не ответила.

“Фамилиар,” сказал Мими мягко, с принудительными тонами священного языка. Скажи своим друзьям. Она использовала принуждение. Она не хотела причинить вред девочке, но они должны были знать. “С тобой ничего не случится. Скажи нам, что ты помнишь.”

"Плохие люди. Мужчина и женщина. Они забрали её", сказала девочка безжизненным голосом. "В понедельник."

Венаторы обменялись быстрыми взглядами. Они прибыли в Рио именно в тот день.

"И эта её бабушка… она ещё здесь?" спросила Мими.

"Нет. Она уехала несколькими днями позже." Маленькая девочка взглянула на них большими, полными страха глазами. "София сказала, что за ней придут люди, хорошие люди и плохие люди. Поначалу мы не были уверены кто из них вы именно. Но она сказала нам, что хорошие люди будут с красивой леди, и ты дала мне игрушечную собачку," сказала девочка запинаясь.

"Она сказала тебе что мы придем?" сказала Мими требовательно.

"Когда хорошие люди приедут, она просила отдать им это." Девочка вытащила из кармана пакет. Он был неряшливым и весь в грязных разводах. Но почерк был образцом калиграфии, какой обычно можно увидеть на конвертах цвета слоновой кости, с помощью которых объявляли о соединении.

Письмо было адресовано Аракиель.

"Ангел Правосудия" Мими знала. Также называемый Ангелом с Двуми Лицами. Ангел, который нес в себе и темноту и свет.

Кингсли Мартин.

Глава 15

Шайлер

Во взгляде Джека, когда она разбила стекло была смесь шока и гордости, но Шайлер могла позволить себе лишь быстро взглянуть на него. Она должна была прекратить думать о нем и сконцентрироваться на том, что делала. Она прыгнула из комнаты в небо, приземлилась на решетке и спрыгинула с крыши на землю. Она бежала по улице в разгаре вечеринки, розовое пятно среди гостей.

Было уже за полночь, и празднества приняло более темный поворот, этот момент был на каждом незабываемом сборе, когда кажется что-нибудь и все доступно для любого и каждого. Было хриплое чувство дикой энергии в воздухе, поскольку звезды Болливуда танцевали шимми и танец живота, и сто барабанщиков на деревянных барабанах отбивают устойчивый и соблазнительный ритм.

Шайлер couldn’t put a finger on it, но было что-то зловещее в том, насколько гипнотической была музыка, ее привлекательность граничила с урозой. Слушая ее ощущение было такое же как когда щекотка прекращала быть забавной и становилась формой пытки, и смеха, неприятного и не поддающегося контролю.

Она прорвалась через линию танцовщиц, лязг тарелок, и сбила одного из клоунов на ходулях, едва проскочив команду torchbearers стоящих на страже по периметру.

Но везде, куда бы она не пошла, он был позади нее.

"Биение далеко. Шайлер"

Она ясно слышала его голос у себя в сознании. Джек применил к ней сканирование. Это было неспаведливо. Если бы он позвал ее вслух, она возможно простила бы его, но знать, что он был у нее в голове, что это было для него так же легко как прежде, расстраивало ее.

Она бежала мимо тигров и глотателей огня, мимо группы европейской знати пьяной от крови, их человек-фамилиар был

оставлен падать в обморок рядом с речной стеной. Это уже была не вечеринка, а что-то другое. Что-то злое и развращенное…как оргия, ода к чудовищной снисходительности, пагубной и злой. И Шайлер не могла помочь, но она чувствовала что, что-то или кто-то провоцирует всех, направляет к бедствию. И она все еще слышала шаги Джека, легкие и быстрые у себя за спиной.

Преследование подбадривало ее: бежать быстрее, использовать свои вампирские способности так, как они еще их ни разу не использовались, богом клянусь, он был быстр! Но я быстрее, она подумала "Я могу опередить тебя Джек Форс. Только попробуй, ты никогда не поймаешь меня."

"Я могу и поймаю"

Шайлер закрыла свой разум от вторжения, как учил ее Лоуренс. это не пропустит его.

Должно же быть где-нибудь место, где она сможет скрыться. Она знала такое место. Корделия оставляла ее надолго, когда они здесь гостили. И ребенком она исследовала каждый дюйм этой земли. Она знала каждую щель, каждое секретное потайное место, она сможет оторваться в жилом крыле, где было много скрытых туалетов и тайных комнат, она побежала назад внутрь замка через вход для прислуги.

Пока она бежала она отправляла сообщение через свое Проникновение (the glom). "Оливер!"

"Оливер!"

Она пыталась засечь его сигнал. "Оливер!"

Но люди не были столь чувствительны к ментальнному общению. Оливер никогда не был в состоянии прочитать ее мысли. И в то время как они пробовали на практике построить ментальный мост, который связывал вампира с его человеческим проводником, он был очень нестабильным в управлении. Они были молоды, а мост строился целую жизнь, как между Лоренсом Ваном Аленом и Кристофером Андерсоном. Возможно через пятьдесят лет они были бы в состоянии общаться телепатически, но не теперь.

Она должна была найти Оливера. Он был вероятнос ума сходил от беспокойства. Вероятно ходил из угла в угол, не обращая внимания на фейерверк, и пил слишком много коктейлей, чтобы

успокоить нервы. Он бросил так много, чтобы быть с нею. Конечно он сказал бы ей, что это была его обязанность, его судьба, жить и умереть рядом с ней. Но тем не менее она не могла не думать, что была обузой для него, что взвалила на него слишком много, обрекла жить в бесконечном преследовании. Он дал ей все, его дружбу, его благосостояние, его жизнь, и все, что она могла дать взамен только ее сердце. Ее непостоянное, глупое, виновное, ненадежное сердце. Она ненавидела себя.

Ужасная мысль осенила её: что если они сначала схватили Оливера? Они не причинят ему вреда, подумала она. Пусть только попробуют. Если с ним что-то случилось… Она не хотела об этом думать.

Когда она пробегала через холл, все вдруг стало черным. Кто-то выключил свет во всем дворце. И она чувствовала, что знает кто это мог быть.

Прекрасно, но так же как и ты, я вижу в темноте. Она нашла дверь, которая приводила к секретной лестнице, которая вела вниз к подвалу, мимо кухонь, и в более низкие темницы, пережиток с более раннего столетия. Не многие знали, что Ламберт H’tel был основан на руинах средневекового замка, и что фундамент замка скрывал много тайн.

О боже, пожалуйста пусть это не будет скелетом, думала Шайлер, поскольку ее обутая в сандалию нога приземлилась на чем-то тревожно хрустнувшем.

Она могла видеть контур ступеней, разрушенных и крутых, вниз, вниз, она должна спуститься вниз…она должна выбраться.

"Оливер!"

Ничего.

Она должна была бы послать за ним позже так или иначе.

Потому что она наконец добралась. В очень самых низких глубинах темницы, в уединенной тюремной ячейке, которая разместила, кто знает, сколько заключенных, кто знает сколько несчастных душ до нее были закованы в железо. Он не найдет меня здесь.

Она чувствовала головокружение и неудержимую дрожь во всем теле, когда ступила внутрь.

И упала прямо в руки бывшей любви и нынешнего преследователя. Джека Форса.

Его захват был как тиски. Его голос был холоднее, чем воздух вокруг них.

"Я говорил тебе, Шайлер, ты не единственная, кто знает секреты отеля Ламберт."

Глава 16

Блисс

Отличительной чертой людей моды было то, что они редко обращают внимание на реакцию собеседника. Таким образом Генри не замечал волнения Блисс, поскольку он болтал о последней сплетне в Нью-Йорке. Большинство новостей были мрачными: свернули журналы, дизайнеры остались без работы.

“Это ужасно теперь, так ужасно.” Анри покачал своей головой. “Но Вы знаете, жизнь продолжается… и наш девиз никогда не сдаваться. Там все еще есть работа,” сказал он действуя из лучших побуждений. “Я имею ввиду, я знаю, что прошу слишком много, и я полностью пойму, если ты не готова…“? Он посмотрел на нее поверх его очков.

Только теперь Блисс поняла, что Анри говорил о ее возвращении к работе.

Ощущая ее сомнение, которое он принял как признак капитуляции, Анри перешел прямо к делу, ставя его стакан и поднимая его Ежевику. “Ничего сложного, только кое-что простое, чтобы вернуться в ритм вещей. Ты знаешь о ежегодной демонстрации мод Астора Картера Muffie для благотворительности? Она принимает гостей на их поместье на Ист-Энде?”

Блисс знала. Ее мачеха имела обыкновение жаловаться, что Muffie никогда не давала ей переднее место ряда даже при том, что Боби Энн всегда заказывала полный сундук одежды на показе.

“Ты была бы идеальна для этого. Я могу сказать ей, что ты сделаешь это?” Анри подлизывался.

"Я не знаю…" Работать моделью. Насколько важным это было сейчас, насколько привычным. Как забавно было бы вернуться назад к прежней жизни? Дефиле, примерки, сплетни со стилистами и дизайнеры заискивающие перед тобой, делающие тебе макияж для вечеринки, это означало, что та жизнь все еще открыта для нее? Она перестала думать об этом. Полностью приняла факт, что та жизнь для

нее закончилась, с учетом случившегося. Но что сказал Посетитель? Никто не должен ничего заподозрить. В конце концов, прошел год. Никто не обвинит ее, если она вернется к работе, ведь так?

И разве отвлечься это не лучший способ справится со своим горем и потерей? И что могло быть более отвлекающим, чем большая, глупая, фривольная демонстрация мод? Как сказал Генри сказал, смотрите на тех людей, которые растратили чужие деньги и вызвали крах, разве они все не ведет себя так, будто ничто не случилось? Устраивая благотворительные приемы и ярмарки, посещение магазины в Herm’s, в то время как жертвы их финансового безрассудства плакали в их кристаллические бокалы (into their crystal wineglasses)?

Она помнила молодую вдову, учителя из Дачезне, которая вернулась к обучению после того, как ее муж внезапно скончался. Вернулась, чтобы работать, вернулась к ее старой жизни… это было неожиданным… не невозможным.

Избався от него, приказал Посетитель. Хорошо, дать Генри то, чего он хотел, это лучший способ заставить его уйти. Как только ее агент будет уверен, что он вернул своего клиента, он непременно объявит, что у него естьдругие неотложные дела. Вопросы о ее самочувствии были вероятно только отговоркой, чтобы узнать сможет ли она участвовать в показе.

"Окей", сказала она, глубоко вдохнув и медленно выдохнув.

"Окей?" Генри поднял брови.

"Окей". Блисс улыбнулась.

Попрощавшись со своим старым агентом, Блисс еще немного посидела на кушетке одна. Через некоторое время после ухода Генри она ощутила в себе изменение. Посетитель ушел. Насколько она могла чувствовать, место на заднем сидении было свободно… Возможно она прошла проверку. В любом случае, как Elvis, он ушел. Но он оставил дверь открытой. Он невольно дал ей ключ к ее собственному телу. Или забыл забирать его.

Как родитель, который оставляет ключи от Феррари на столе. Точно так же как в том старом кино, которое она смотрела еще маленькой на канале США… чей – то свободный день. Ребенок разбил Феррари через окно. Она не сделала бы ничего такого глупого, конечно. Это было ее собственное тело. Она имела мало времени и

должна была использовать эго мудро. Она решила принять ванну, и пошла наверх.

У каждой из десяти спален в доме была своя собственная просторная ванная, и Боби Энн позволила Блисс помогать проектировать ее собственную. Это было симпатичное место: весь теплый белый известняк, мрамор и чересчур яркое освещение. Она включила кран и заполнила старинную ванну на лапах, выдавила в руки большую порцыю своеголюбимого геля для ванны. Она быстро сняла свою одежду и опустилась в ванну, восхитительная теплая вода, покрытая слоем пены, поглощала ее голую спину.

Потом она одела один из пушистых турецких халатах ее мачехи, которыми она снобдила весь дом и спусти лась на кухню, где она попросила повара сделать ей обед. Она ела чизбургер, сок вытекал и смешивался с французской горчицей таким образом, как она любила, ведь она хищник.

Только тогда Блисс поняла, что она на самом деле не хотела есть. Ощущение вампира. Старая жажда крови была приглушена. Тяга ушла. Что это означало?

Она толкнула пустую тарелку и провела рукой по волосам. Она бы записалась на прием в салоне как можно скорее. Посетитель хотел, чтобы она соблюдать приличия, не так ли? Гонка за внешность была естественным для дочери Форсайта Ллевеллин.

Когда твой отец сенетор из Нью-Йорка пристального внимания не избежать.

Глава 17

Мими

По лицу Кингсли не возможно было ничего понять и Мими была не в состоянии этого вынести.

" Ну? Что? Она пошла концерт Miley Cyrus? Она придумала роман по мобильнику? О чем там говорится?"

Он успокаивающе посмотрел на нее и показал письмо. Одна только строчка, написана тем же каллиграфическим почерком. Phoebus ostend praeeo.

Мими знала, что Phoebus это имя короля солнца на старом языке, а остальное было и так понятно.

"Солнце укажет путь", сказала она. "Что это значит?"

В ответ Кингсли только аккуратно сложил записку и спрятал ее в карман пиджака.

Мими подумала, что он и представления не имеет о чем речь, или все же это не так." Зачем тогда Наблюдатель так старался передать нам записки, в которой нет смысла?, спросила она раздосадованно. " И как она узнала, что я приду? И принесу мягкую игрушку?"

" Ты забываешся. Наблюдатель может видеть будущее. И если ее удерживала Серебряная кровь, а я не сомневаюсь в этом, она наверное сильно испугалась, если позволила себе самый тайный способ общения".

" Это загадка. Ключ", внезапно сказал Тед. " Ключ к ее местонахождению. " солнце укажет путь".

За весь год это было самым длинным предложением, которое он высказал. Даже Сэм выглядел удивленным, увидев брата столь болтливым. Кингсли кивнул.

" Конечно. София всегда говорила, что мудрость нужно заработать."

Загадка. Чудесно. Год выслеживания наблюдателя, и когда они наконец получили хоть что-то, они наткнулись на какого-то одноглазого феникса,, преграждающего путь. Неужели ей было трудно написать меня держат в плену на Favela Lane, 101! Приходите поскорее и принесите Luna Bar? Или я слишком много прошу?

" Ты делаешь из мухи слона", высказался Кингсли.

"Только пытаюсь сделать все интереснее", Мими в свою очередь послала ответ. " И убирайся из моей головы.Тебе там не место."

А тем временем другие Венаторы глубоко сконцентрировались (in the glom), сверяясь со своими воспоминаниями, пытаясь выяснить смысл выражения (прочитать между строк). И наконец Тэд открыл глаза и заговорил.

"Здесь неподалеку есть бар, называется El Sol de Ajuste. Закат солнца.

"И?" сказала Мими.

" Это старинное выражение Серебряной крови, садящееся солнце означает падение Люцифера на Землю", пояснил Кингсли. "возможно это то сто нужно".

Правильно, Мими вспомнила. Люцифер был принцем Рая. Утренняя Звезда. Все приобретало смысл – для Серебряной крови закат солнца знаменовал его падение(приговор).

"Ну, так чего мы ждем?" спросила Мими. "Нам нужно найти пропавшего Смотрителя, и не знаю, как вы, ребята, а мне нужно выпить."

Глава 18

Шайлер

“Не бойся. Пожалуйста не убегай от меня снова.” Дыхание Джека обжигало ее ухо, и Шайлер чувствовала нежность в каждом слове. Но он не ослабил захват, его пальцы крепко держали ее руки.

"Отпусти!" сказала она. "Ты делаешь мне больно."

Она задыхалась, даже при том, что, к ее удивлению, ее дрожь уменьшилась, когда он прикоснулся к ней. Она чувствовала, что его хватка ослабла, и часть ее немного жалела, что он сдался так быстро. Та омерзительная, ненавистная часть ее, которая тосковала по тому, что между ними было. Она обнимала себя, пытаясь не чувствовать себя настолько преданной. Почему она чувствовала это? Это она отвергла его. Она уехала. Джек был ей никем. Никем.

"Я сожалею,” прошептал он. “Что случилось?Ты в порядке?” Он внимательно смотрел на нее. “Ты дрожишь.”

“Ничего… Иногда мне бывает нехорошо… ничего,” сказала она. Она поворачивалась, чтобы стоять прямо перед ним. “Так или иначе, я не вернусь. Я не вернусь в Нью-Йорк.”

К ее удивлению, Джек выглядел освобожденным, как будто большой вес был снят от его плеч.

"Вот почему ты убегала? Потому что думала, что я собирался забрать тебя обратно в Нью-Йорк? Я здесь совсем не для этого".

Она была в замешательстве "Тогда почему?"

"Ты правда не знаешь?" спросил Джек.

Она помотала головой.

"Ты в опасности здесь, Шайлер" сказал он, осторожно оглядываясь вокруг. "Серебрянная кровь повсюду вокруг. Разве ты не чувствуешь их? Их голод?" В эту минуту она ощутила то, о чем он говорил, глубокую истребляющую жадность, неустанное желание.

Таким образом то, что она чувствовала на вечеринке,

безграничная склонность к жадности и секс и желание, очарование сирены призывало к развращенности. Все это жужжало на заднем плане, как шум, который Вы не можете разобрать, но знаете, чо он там. Кроатан. Таким образом у нее действительно были причины бояться. Она чувствовала это.

Джек оттеснил ее в угол тюремной камеры, и Шайлер начинала чувствовать клаустофобию в маленьком пространстве. Она знала инстинктивно, что много душ пострадали и умерли в том же самом месте, она стояла теперь. Она могла чувствовать основную боль, безошибочный смысл несправедливости. Раньше заключенных посылали в темницы, умирать, гнить под землей, никогда не видя солнце.

Как забавно, что Совет заставил людей поверить, в то, что вампиры боялись солнца, когда на самом деле все наоборот. Они любили его так, что были изгнаны с небес из-за их любви к свету Люцифера. Шайлер дрожала, поскольку Джек продолжал объяснять.

"Вечеринка стала опасной (compromised – подвергать опасности). Они здесь из-за тебя"

“Но зачем я нужна Серебрянной Крови? Что во мне такого важного?” спросила Шайлер, пытаясь не казаться раздражительной и жалеющей себя. Почему она? Она не хотела этого. Все, что она когда-либо хотела, мирно уехать, но она как будто родилась, чтобы стать мишенью.

Когда Джек ответил, в нем чувствовались самоуверенность и серьезность более старого разума, показывая проблеск очень древнего существа под маской молодого вампира. Как Лоуренс назвал его? Аббадон. Ангел Разрушения. Ангел Апокалипсиса. Один из наиболее ужасных прежних генералов Люцифера.

Циклы – ключ к нашему существованию; они гарантируют нашу незаментость в человеческом мире. Согласно Кодексу, выражение каждого духа было тщательно проверено и зарегистрировано. Существуют списки и правила, исходя из которых решается кто будет вызван, у кого и когда. Не было никакой записи, что у Аллегры в этом цикле будет дочь. Таким образом, даже твое рождение уже было нарушением.

С самого рождения она была ошибкой, думала Шайлер. Ее мать… тихая фигура в больничной койке… почему она хотела меня?

Задавалась вопросом Шайлер

“И что? Это ничего не объясняет. Почему это важно? Зачем это им? Это не имеет смысла.”

"Я знаю" вздохнул Джейк.

"Ты не рассказываешь мне всего", осознала Шайлер. Он защищал её. "скажи мне правду. Должна быть причина, почему они пытались убить меня."

Джек опустил голову. Наконец он заговорил. “Давным-давно, во время кризиса в Риме, Пистис София увидела будущее. Она сказала, что нступит день, когда безвозвратное обязательство среди Неразвращенных (Голубой Крови)будет нарушено. Что Габриэлла отвергнет Михаила и родит дочь от Красной Крови. И та дочь будет смертью Серебряной Крови. София никогда не ошибалась.”

“То есть, я – их смерть?” Шайлер нашла это нелепо забавным. “Я? Они боятся… меня?” Полуистеричный визг вырвался прежде, чем она могла остановить себя. Это было настолько смешно. Что она могла сделать, чтобы навредить им? Как указал Инквизитор, она использовала меч своей матери и промахнулась. Она могла бы быть быстра и сильна и легка, но она не была борцом, не была воином или солдатом.

Джек скрестил руки. “Это не смешно. Левиафан убил бы тебя той ночью в Рио, если бы он знал, кто ты. И теперь, когда он знает, что был так близко к тому, чтобы покончить с тобой, он выследил тебя, чтобы завершить начатое.”

"Но откуда ты знаешь, что Левиафан выслеживал меня?"

“Поскольку я отслеживал Левиафана,” сказал Джек мрачно. “Мой отец и я отслеживали его в течение многих месяцев.”

“Чарльз здесь?” спросила Шайлер. Она задавалась вопросом, почему эта новость не давала ей чувства безопасности. Чарльз Форс был самый великим из них всех. Он был Михаилом, Чистым Сердцем, Отважным, принцем Ангелов, Верховным Командующим Армии Бога. Она сама искала Чарльза, и новость, что он был здесь в Париже, и как ее защитник, или один из них, так или иначе, должена был радовать ее сердце. Но это не происходило.

Чарльз Форс не был другом. Он не был врагом, но также не был другом. Но возможно теперь она могла бы узнать то, что просил

Лоренс.. Чарльз должен был бы рассказать ей о Наследии Вана Аленов. Шайлер должна была узнать. Она пообещала дедушке. Джек кивнул.

“Да. Он решил приехать сам, когда Конклав не отправил Венаторов следить за Левиафаном после твоих показаний. Мы на шаг и два города позади него в течение многих месяцев. Когда Левиафан привел нас сюда, на эту вечеринку, мы думали, что он пришел ради Графини, поскольку она способствовала его заключению на Corcovado. Но когда мы увидели тебя в танцзале, мы внезапно знали, каковы его реальные намерения. Чарльз послал меня, чтобы удостовериться, что ты в безопасности, в то время как он возьмет на себя Левиафана.”

Так значит основная опасность исходила от демона. Замечательно. Она бежала от Венеторов, тогда как должна была бежать к ним, теперь, когда она знала правду.

"И ты веришь мне? Ты веришь, что я не убивала Лоуренса, как думает Конклав?" спросила Шайлер.

Он посмотрел вниз. "Я не могу говорить за Конклав. Но я всегда тебе верил. Я всегда верил в тебя", сказал он мягко.

“Хорошо.” Она кивала, пытаясь казаться деловой, скрывая, что она была тронута его верой. Джек верил ей. Он был на ее стороне. Он не ненавидел ее, по крайней мере. Он не ненавидел ее за то, что она разбила его сердце. “Так что теперь?”

“Начнем сначала,” сказал он оживленно. “Давай выбираться из этой темницы. Я бепокоился, что ты выберешь это место, чтобы скрыться. И я думаю, что ты заметила, что пахнет здесь довольно ужасно.”

Глава 19

Блисс

Muffie Astor Carter (настоящее имя Мюриел) была Голубой кровью в полном смысле этого слова. Она обучалась в Miss Porter’s и Vassar, и работала в рекламном отделе Гари Уинстона пока не вышла замуж за доктора Шелдона Картера, известного пластического хирурга на Park Avenue. Их связь была одной из самых обговариваемых за последнее время, на то что б найти друг друга у них ушло несколько попыток. Он был ее вторым мужем, а она его третьей женой.

Она была также одной из самых популярных светских дам New York. Ревнивые соперники поговаривали, что публике только нравится ее имя.Это было настолько возмутительно, что звучало как шутка. Но это ею не было; это было по настоящему, как сама Маффи, олицетворяющая лошадиную,Bedford, WASP подлинность во время дерзких nouveau-riche компаний, присоединяющих “von? или ‘de? к своим именам и не в силе отличить Verdura от Van Cleef.

Каждый год предоставляла свою недвижимость в Hampton, “Ocean’s End”, для показа мод в помощь ньюйоркскому банку крови. Это было главное свеиское событие Августа. Собственность, растянувшаяся на белее чем 6 акров, размещалась на Gin Lane и включалча особняк с отдельным, но не менее роскошным, гостевым домиком, гараж на 12 машин и помещение для персонала.

На широких лужайках размещались два бассейна (с соленой и пресной водой), теннисные корты, пруд с лилиями, и профессионально ухоженные сады. Трава в Бермуде стриглась вручную ножницами, через день, чтобы поддерживать правильную длину.

Бальтазар нежно пожал руку Блисс и передал ее Маффи с тусклой улыбкой.

“Я так рада видеть, что с тобой все в порядке, моя дорогая,” сказала Маффи, сжимая Блисс в иллюзорных объятиях. У Маффи был широкий, лоб без намека на морщины (самая эффективная реклама

для ее мужа пластического хирурга) и прекрасне белокуре волосы, распространенные на Верхнем Ист-Сайде. Она была воплощением породы: загорелая, стройная, изящная, и уместная. Она была всем, чем Боби Энн хотела быть, но никогда не могла.

"Спасибо," сказала Блисс, пытаясь чувствовать себя не слишком неуклюжей. “Хорошо быть здесь.”

"Вы сможете найти остальных моделей позже. Я думаю, что мы опаздываем, как обычно", веселилась Маффи.

Блисс шла к сцене из палатки, беря канапе с подносов и с бокалом шампанского с одного из фуршетных столов. Анри был прав: это был легкий концерт. Это была не реальной показе мод, а лишь представление для состоятельных клиентов во имя благотворительности. В то время как реальный показ мод был хаотической энергией волнения и тревог,в котором принимали участие сотни издателей, розничные торговцы, знаменитости, и сотни СМИ по всему миру, площадка была больше похожа на прославленное ствол-шоу, с моделями. Это было так странно вернуться в реальный мир, идти по мокрой траве (погружаться в нее каблуками, на самом деле), жуя на закуски,и глядя на Картеры и удивительный вид на океан, непрерывная линия синего горизонта, и выяснить, что в некоторых частях мира, даже в их мир, мир комитета и ковена, кое-кто остался равнодушным к тому, что случилось в Рио.

Muffie и другие женщины из Комитета, которых Блисс встретила на вечеринке не приняли смерть Боби Энн или уничтожение Конклава. Блисс поняла, что они просто продолжали жить своей жизнью: планируя вечеринки, принимая гостей, устраивая раунды показов модной одежды высокого класса, конноспортивных праздников, занимаясь благотворительностью, это заполнило их дни. Они не казались слишком взволнованными или пораженными. Корделия Ван Ален была права: они были в самом глубоком отрицании. Они не хотели принять возвращение Серебряной Крови. Они не хотели принять того, что Серебряная Кровь сделала и планировала сделать. Они были довольны своими жизнями, и они не хотели, чтобы что-то изменилось.

Очень давно все они были воинами, солдатами, рука об руку и бок о бок сражавшимися против Темного принца и его легионов. Было трудно представить этих недокормленных, накаченных ботоксом светских львиц и их еще более слабых детей воинами в

борьбе небес и земли. Все было именно так, как, Корделия сказала Шайлер: вампиры становились ленивыми и снисходительными, становясь все более похожими на людей, и все менее склонными выполнить то, что суждено им судьбой.

Блисс чувствовала рассвет того, что заставило расстаться Корделию Лоуренса. Они были бдительны против сил ада и слышали тревожный звонок. Тревожный звонок, который больше никто не захотел услышать. Ван Алены были исключением из правил. Это означало, что Шайлер будет такой же как они. Ее подруга никогда не чувствовал себя своей в мире праздных богатых, даже при том, что родилась там. Но Шайлер не была единственной. Даже Мими и Джек Форс были другими. Они не забыли свое славное прошлое. Даже одного взгляда на Мими, когда та щеголяла своими экстраординарными способностями вампира, было достаточно, чтобы убедить любого, что в этой тощей сучке было что-то большее, чем умение делать покупки.

Но эти люди, эта самодовольная группы элиты, которые не успели даже моргнуть при известии о резне, эти люди называют себя вампирами?

Именно. Так же как и членов Конклава, их будет легко победить, когда настанет время.

Блисс вздрогнула. Она привыкла быть одна, и забыла, что Посетитель может зайти в любое время без предупреждения

Глава 20

Мими

El Sol de Ajuste размещался в Cidada de Deus, городе Бога, пресловутые трущобы западной части города, вдохновившие основное голливудское кино и последовавшую за тем телепередачу,City of Men. Естественно, настоящий город сильно отличался от вычищенной голливудской версии, равнозначной "туру по трущобах", организованному консьержем отеля: демонстрация модной смелости. Реальность бедности была намного ужаснее и отвратительнее, возвышающиеся горы мусора, канализационная вонь и отбросы, голодающие дети ослабевают на улицах, покуривая сигареты; никто не отганял мух, их не волновало что то настолько простое, как мухи.

Бар был не чем иным как оловянной лачугой, пристройкой с односкатной крышей и деревянным прилавком, рябым от дыр. Когда Мими и ребята вошли, группа хулиганов спорила с официантом, мальчишкой, который вытирал прилавок от пролитого пива рваными полотенцами. Мими узнала татуировки на щеках парней: они были членами Коммандос Прата, Серебряной Команды, печально известной уличной банды, ответственной за большинство преступлений в этой части трущоб. Это становилось интересным.

“Voc? deve tr’s pesos?” настаивал официант. Ты должен мне три песо. “Caralho! Vai-te foder?” Жирный рассмеялся и обругал мальчишку, толкая его к стене.

Пожилой владелец стоявший у стойки, выглядел напуганным и раздраженным, как из-за конфликта с его служащим, так и из-за, появления в его маленькой забегаловке странных, оденых в черное иностранцев.

"Чем я могу вам помочь?" буркнул он на португальском, не отводя глаз от мальчишки. "Ты! А ну, оставь его в покое!" крикнул он, когда один из бандитов свалил мальчика и ударил его лицом об пол.

В ответ, толстяк пнул мальчишку по голове. Послышался

отвратительный хруст от удара стального носка ботинка о кость. Один из бандитов быстро приставил нож к горлу бармена. “Ты что-то сказал старик?”

"Опусти нож" тихо приказал Кингсли.

“Да пошел ты,” ответил главарь. Это был тощий подросток с рябым лицом, сидевший в задней части бара. Он небрежно держал свой автоматический пистолет. Местные наркобароны действовали как неофициальная полиция в трущобах, по собственной прихоти выступая судьями и палачами. Но единственные законы, которым они следовали, это их собственные законы.

“С удовольствием, как только ты прикажешь этим милым людям уйти,” мягко сказал Кингсли. Было двадцать членов банды и только четыре Венатора, едва ли справедливая борьба за извинение от Красной Крови. Если бы вампиры захотели, они могли бы уничтожить каждого в этой комнате без предупреждения. Мими уже видела это: груда трупов на полу.

Она чувствовала, что ее кровь вскипает, но это был небольшой подъем, мелкое волнение, которое бывает после просмотра матча по боксу, когда ты уже знаешь результат. Эти головорезы думали, что они были очень жестки, но они были ничем: блохи на спине Буффало, гиены передо львами. Мими желала лучшего соревнования, большего вызова.

Уличные бандиты не боялись иностранцев, как бы то ни было, и действовали они быстрее, чем Венаторы позволили им… Прежде, чем Кингслей смог обернуться, его ударили ножом и через дыру на рукаве была видна уродливая рана.

Это было уже слишком. Мими закрутилась вокруг, пинком свалив двоих бандитов на землю и завставив их встать на колени. Она уже тянулась к Eversor Lumen, Разрушителю, когда услышала голос Кингсли у себя в голове "Никакого оружия! Никаких смертей!"

С усилием, причинившем ей боль, она удержала лезвие в ножнах. Два крепких бандита попытались обойти ее сзади, но она увернулась, и оттлкнула их так, что они разбили хрупкие столы. Другой вытащил пистолет, но прежде, чем он смог выстрелить, Мими выбила оружие ногой. Пирог. Она могла сказать, что даже братья Леннокс наслаждались, поскольку они пробили головы и дали отпор нападавшим. Чтение мыслей и поиск воспоминаний не сравнится с

старой доброй кулачной дракой. Один из головорезов взял ножку стула и направил прямо в грудь Кингсли, но Мими сломала ее прежде, чем она достигла цели.

“Спасибо,” сказал Кингсли. “Не знал, что ты так обо мне заботишься.” Он усмехался, поскольку быстро разобрался с мальчикой, державшим Uzi. (Кажется так)

Мими рассмеялась. Она лишь слегка вспотела, хотя дышала тяжело. Как Кингсли приказал, их противники выживут, чтобы увидеть новый день. Она переступала через кучу тел, Тэд помог ей присоединиться к остальным в баре.

Бармен вылез из под стойки, благодарно кланяясь. "Что я могу для вас сделать?"

"Какой у вас фирменный напиток?" спросил Кингсли.

“А?” беззубо усмехнился бармен. “Принеси Leblon,” сказал он официанту, чей порез прекратил кровоточить. Мальчик исчез в задней комнате и вернулся с бутылкой cachana: рома из сахарного тростника. Бармен разлил ром в четыре небольших стакана.

“Завтрак.” Кингсли кивнул и поднял свой стакан.

“Saude,” Мими сказал, залпом выпивая ром. За ваше здоровье. “Мы ищем эту девочку. Вы видели ее?” спросил у их новых друзей Кингсли, показывая фотографию Джордан. “скажите нам,” попросил он, немного используя принуждение.

Мальчик покачал головой, в то время как бармен долго рассматривал фотографию. Затем он медленно покачал головой. “Я никогда в жизни ее не видел. Но это не то место, куда люди приводят детей.” Мими и Кингсли обменяли взглядами, и их плечи поникли. Допив ром, они вышли из бара. Был полдень. Солнце стояло высоко, и погода было очень жаркая. Несколько любопытных зрителей толпились вокруг входа в бар, привлеченные дракой, но они держались на приличном расстоянии от четверки. Смотрели на них почтительно. Еще никто в жизни не побеждал Серебряную Команду.

“Возьмите,” сказала пожилая леди, вручая Мими бутылку с водой. "Obrigado".

Женщина перекрестилась, и Мими поняла, что это жест благодарности, за то, что они принесли частицу правосудия беззаконному месту.

"Спасибо," ответила Мими, с поклоном принимая воду. Она снова была поражена тем, насколько беспомощной она себя чувствовала.

Проблемы этих людей тебя не касаются, сказала она себе. Ты не можешь помочь им.

Она чувствовала себя очень далеко от защищенного, привелигированного мира Верхнего Ист-Сайда, стоя на пыльном тротуаре в трущобах, ее мышцы все еще были напряжены после драки… Это было то, зачем она присоединилась к этой миссии, немного встряхнуться, увидеть ту сторону мира, который не был доступен с заднего сидения лимузина. Она могла бы быть испорченной принцессой в этом воплощении, но она была воином по своей природе. Азраил нуждался в этом.

Но это было печально. Они думали найти Наблюдателя еще год назад и все еще не было ничего, что оправдало бы их усилий, кроме письма, которое ни о чем им не говорило.

“Возможно Наблюдатель не хочет, чтобы ее нашли,” предположила Мими, залпом глотнув воды и передавая ее Кингсли. “Ты уже думал об этом?”

“Возможно,” ответил он, делая большой глоток и бросая бутылку одному из Ленноксов. “Но вряд ли. Она знает, насколько ценна ее мудрость для нашего сообщества. Она знала, что они пришлют меня, чтобы найти ее. Поверь мне, она хочет, чтобы ее нашли.”

“Можно мне еще раз взглянуть на записку,” спросила Мими. Кингсли вручил ей листок. Она перечитала послание. Поскольку она держала бумагу, она заметила кое-что, что она не видела прежде. Кое-что, что они не заметили на рассвете, так как было слишком темно.

"Взгляни," сказала она Кингсли, держа записку, так чтобы солнце падало прямо на нее.

Солнечный свет ярко сиял через бумагу, показывая кое-что, что прежде было невидимо, как водный знак. Phoebus ostend praeeo, действительно. Солнце должно показать путь.

В середине страницы была карта.

Глава 21

Шайлер

“Это – этот путь,” сказал Джек. “Когда я был ребенком, повара выпускали меня отсюда.”

Он показал Шайлер секретные проходы, которые сворачивали по зданию сквозь обширные складские помещения под замком. Исторически, дом был построен так, чтобы разместить все дворянское общество. Там были крыло для слуг, отданное им полностью, и кухня и кладовые, которые располагались на трех нижних уровнях. Когда дворянское общество было в расцвете сил, королевская чета щедро устраивала вечеринки в течение месяца для гостей и их близкого окружения.

Замок предназначался, чтобы выдержать то, что станет более устаревшим, не говоря уже о невероятно дорогостоящем образе жизни. Неудивительно, что разработчики планировали разбить его на квартиры. Жить со штатом в 60 человек стало неприемлемым даже для графини, которая переезжала в свои виллу в Сан-Тропе с более умеренным домашним убранством.

В конце концов, не смотря на то, что в здании было множество скрытых комнат и подобных лабиринту проходов, из отеля Ламберт был лишь один выход. Все, начиная от дворянина самого высокого ранга до скромного кухонного стюарда, должны были пройти центральный внутренний двор и главные ворота. Джек и Шайлер поняли, что у них нет выбора: они должны пройти через гнездо гадюк, чтобы попасть на свободу.

Лестница, на четверть занятая обслугой, вела прямо в главный зал, где Джек и Шайлер смогли услышать звуки истерического смеха и неконтролируемого веселья, которые звучали больше, как переутомленная и обезумевшая музыка, набирающая скорость и обороты.

"Что они делают?" прошептаа Шайлер, поскольку они находились за одной из рифленных колон. "Почему я чувствую так… как… как будто я хочу… навредить кому-нибудь?

"Это то, что делает Серебряная Кровь, они "вынуждают", они используют манипулирование, как мы, за исключением того, что они используют это в противоположном направлении. Они приумножают худшее в людях."

"Разве мы не должны всех предупредить?" спросила она.

«Это не Рио. Здесь нас очень много, чтобы одолеть; Серебряная Кровь не будет рисковать ничем более опасным, кроме использования принуждения. Они здесь только из-за тебя,» сказал Джек, пытаясь притупить трудность их ситуации за непринужденной улыбкой.

Шайлер не хотела быть поглощенной своим собственным страхом, и поэтому взяла себя в руки, концентрируясь на борьбе с возрастающей болью, которую она чувствовала от давления Серебряной Крови.

Они должный найти Оливера, а затем они должны убраться отсюда, настолько тихо, насколько это возможно. Она навела много шума, убегая от Джека, но чрезмерное количество выпадов музыки Болливуда перекрыли весь балаган. Гости полагали, что она была частью шоу, особенно учитывая наряд, в который она была одета. В своем сари она смешалась со всеми.

"Сюда," сказал Джек, отдав ей маленькое серебряное распятие на цепочке. "Это должно помочь." Он вытащил еще один такой же из под его рубашки. "Часть униформы Венаторов."

Они выползли в сад, и нашли Оливера, стоящего в одиночестве под величественным буковым деревом, держа напиток. Если он и был удивлен, увидев Шайлер с Джеком, то он этого не показал, за исключением небольшого поднятия бровей, хотя Шайлер стало больно, когда она заметила небольшой проблеск света в его глазах, когда он увидел их вместе.

Это не то, что ты думаешь, она хотела сказать ему. Я люблю тебя.

Независимо от всего, когда Оливер повернулся к Джеку, он был приветлив и черезчур сердечно пожал его руку.

"Рад тебя видеть, чувак. Спустя столько времени."

Со своей стороны, Джек Форс, властно пожал руку Оливера. Двое из них были готовы к действию, как если бы они врезались в

друг друга в последний раз. Только новости и сплетни с Верхнего Ист-сайда связала их.

"Так что же тебе привело сюда, Форс? Я надеюсь, что не Комитет," – сказал Оливер, маскирую тревогу за непринужденным тоном.

"Нет конечно," сказал Джек, так как Шайлер придала скорости Оливеру. После чего, Оливер понял в какой опасности они сейчас находятся.

"Так что вы думаете делать ребята?" спросил он у них. "У меня такое чувство, что мы не собираемся спокойно выйти отсюда."

«Пока они не заметили, что Шайлер не находится в той комнате, не ожидая больше графиню,» сказал Джек, озираясь. «Я думаю, что мы можем сделать это до Lu?» Но прежде, чем Джек смог закончить свое предложение, он остановился, оглядываясь с пораженным выражением на лице.

Шайлер выглянула из-за его плеча. Барон де Кубертин вновь появился с другой стороны внутреннего двора. Но что-то было с ним не так. Он изменился. Даже издалека, Шайлер могла видеть, что его глаза были окрашены в темно-красный огонь. Серебряные зрачки.

Левиафан.

Он стоял не двигаясь, просматривая комнату ужасными серебряными глазами. Шайлер повернуласьк Оливеру, и увидела, что он тоже ее заметил. Лицо Оливера было пепельного цвета.

"Я позволил тебе уйти с ним, я был глуп, я знал, что-то было не так… Когда я говорил с ним в лодке, он был другим, совсем другим. Я должен был понять, что что-то здесь не так."

"Я тоже этого не заметила, Олли. Не было никакого способа узнать об этом," сказала она. Серебряная Кровь была проворной в перевоплощениях, вспомнила Шайлер дедушку, говорящего об этом. Левиафан запер ее в той комнате, вероятно намереваясь позже избавиться от нее. Она задрожала, подумав о том, что они планировали сделать с ней.

"Послушай, я только замедлю тебя, но возвожно я смогу задержать их," сказал Оливер, снимая с себя тюрбан и каидая его на землю.

"Нет!" сказала Шайлер. "Мы веберемся отсюда вместе или никто из нас отсюда не уйдет. Оливер! Слышишь меня?" умоляла она, в ужасе от того, что он планировал сделать.

"Слишком поздно," сказал Оливер, так как он поднял близжайший факел и побежал ко входу, который охраняют слоны.

«Идите и поймаете меня!» кричал он, махая им назад и вперед на сумасшедший манер. Слоны встали на их задние лапы, сбрасывая короля и королеву Сиама, и, побежали сквозь кустарники, преследуя Оливера. Дрессировщик завопил, и заставил гостей вечеринки бежать, руководствуясь попыткой бегства от неистовствующих зверей.

"Быстро?" – сказал Джек. "До того, как они закроют ворота." Он протягивал свою руку.

"Но… Оливер?" Шайлер обернулас вокруг. "Оливер, нет! Оливер?"

"Он человек; он им не нужен, Шайлер, мы должны вытащить тебя отсюда! Пожалуйста!" говорил Джек, протянивая руку.

"Нет! Я не могу оставить его!" Она видела, как Оливер убегал все дальше и дальше, а слоны бежали прямо за ним.

Но пребывание на месте, не поможет Оливеру. Не в этот момент. И, колеблясь, она только подвергала их еще большей опасности. Она хотела побежать за Оливером, но позволила Джеку вывести ее. Они бежали, увиливая от факелов и обслуживающего персонала, уворачиваясь от неистовствующих слонов, кричащих гостей вечеринки, и ошеломленных серверовщиков. Она могла чувствовать гнев демона Левиафана, могла чувствовать его глаза, буравящие ее заднюю часть головы, с тяжестью, преднамеренной недоброжелательностью.

Через мгновение он был над ними.

Но в отличие от борьбы, бег был те, в чем Шайлер преуспевала, и вместе, она и Джек, пролетели через мощенный внутренний двор и через главные ворота. Она посмотрела через свое плечо в единственный последний раз и мельком увидела руку Оливера, поскольку он исчез в бунтующей толпе. Он помахал на прощание.

Глава 22

Блисс

Показ мод прошел хорошо. Блисс удалось сделать два прохода по подиуму без инциндентов, даже при том, что она все еще была напугана, слыша угрожающий голос Посетителя в своей голове. Какие у него планы? Что он имел в виду, говоря "их будет легко преодолеть…"

Но потом, она поняла, что он имел в виду, не так ли? Разве только, что она не опровергала все это? Потому что была причина для того, чтобы Посетитель присутствовал в ее жизни; это не было похоже на то, что он ошивается вокруг только для того, чтобы он смог узнать свою дочь получше, не так ли? Был причина для того, чтобы он был здесь.

И какова бы не была причина, она была вовлечена во все это, потому что, при всех намерениях и целях, она принадлежала ему. Чтобы Посетитель делал или не делал, они не увидят Люцифера за всем этим, они увидят только Блисс. Что ж, возможно она может сделать что-нибудь с этим. Может быть ей стоит предринять усилия, чтобы узнать, чем занимался Посетитель, когда его не было.

Может быть это неплохая идея – не быть оставленной в темноте так долго. Она помассажировала свои виски. К счастью, большинство других моделей оставили ее в покое. Они знали ее историю, и никто не рисковал сделать что-то большее, чем кинуть сочувствующий взгляд. Блисс подумала, что также можно было бы отпечатать слово "ВЫЖИЛА" на ее лбу, судя по перешептываниям девушек о ней.

Мачеха убита. Сестра пропала… предполагаемо убита… Ужасно… Эти вещи произошли в Рио, не так ли? Блисс думала, что это жутко несправедливо. То, что случилось с ее семьей никак не связано со страной, в которой они были, но конечно же она не могла сказать им ничего из этого. Она просто хотела убраться отсюда.

Она переоделась из ее финального наряд, платья-пачки из тюля, которое некая гранд-дама оденет на открытие балета, и снова надела свое обычное белое солнечное платье. Она пересекала зеленую

лужайку, отклоняясь от всех знакомых лиц и надеясь, что вернется домой без необходимости говорить с кем-либо, когда услышала, как ее зовут по имени.

"Блисс? Это ты? Эй?" Симпатичная девушка с длинными светлыми волосами, в гибкой соломенной шляпе и шикарном платье на одно плечо, приблизилась. Блисс сразу же узнала девушку. Это была Алиссон Элисон, или Алли Элли, как ее называли, одна из Красной Крови в Дачезне.

Алли была умным ребенком; ее родители жили в Квинсе или что-то в этом роде, и ей приходилось садиться в двухчасовой автобус, чтобы добраться до школы. Блисс предполагала, что Алли будет жутко непопулярной, но она оказалась полной противоположностью. Ребятам с Верхнего Ист-Сайда нравились ее сумасшедшие истории из неблагоприятного района и ее забавный взгляд на вещи. Блисс вспомнила, как однажды, она и Мими с большой группой людей прогуливались с Алли, и Алли удостоверилась, что все заплатили за то, что было у них на столе, до последнего цента. Никто не избежал неприятностей «Я забыл свой бумажник; знаешь, ты можешь выручить меня в другой раз?» дерьмово, что этим доверчивым деткам нравилось всегда таскаться за Мими.

Одно дело видеть Алли в школе, и другое видеть ее на ежегодном шопинге в Астор Картер Маффи, с шампанским, и на благотворительном мероприятии. Что она здесь делала, одетая в настоящего Бальтазара Вердуго, неприменно стоящего пятизначное число, выглядя, так будто всегда проводит лето в Саутгемптоне?

Блисс получила ответ, когда Джейми Кип подошел и обнял Алли. Так. Значит Алли была фамильяром одного из самых популярных парней Голубой Крови. Теперь дорогой наряд и присутствие Алли на вечеринке имело смысл. "Эй, Алли." кивнула Блисс. "Джейми."

Джейми, откашлявшись извинился, и две девушки остались одни. "Как ты?" спросила Аллисон. "Рада снова увидеть тебя." Милая блондинка положила руку на руку Блисс.

Блисс была тронута необычной теплотой в голосе Алли. "Я в порядке… Спасибо," сказала она ей.

"Нам не хватало тебя на похоронах Дилана," сказала Аллисон. "Но не волнуйся, никто не осуждал тебя или что-то в этом роде. Твой

отец сказал, что ты нуждаешься в отдыхе."

"Похороны? Были похороны? Для Дилана? Когда?" спросила Блисс, пытаясь не звучать, что ее сводит это с ума.

Аллисон стало не по себе. "Почти год назад. Да, я знаю. Невероятно, правда? Я имею в виду, парень исчез, верно? Возможно, его родители переезжали в Грусс Поинт или куда-то еще, но потом оказалось, что он остался в Переходе, но у него, можно так сказать, был сорока-восьми-часовой отдых и он умер от передозировки.

Другое прикрытие, подумала Блисс. Голубая Кровь хорошо заметала свои следы. Легче объяснить смерть Дилана, как смерть очередного богатого ребенка от передозировки. Тем более, с тех пор, как он был на реабилитации. Очевидная история, за исключением того, что это не было правдой.

Аллисон неловко задвигалась. "Я даже не знала его так хорошо, но вы ребята были друзьями, не так ли?

"Мы были," сказала Блисс. "Это было… Как это… Был ли там еще кто-нибудь?" Девушка из Дачезне выглядела смущенной.

"Нет. Не совсем. Не то что, не было много людей. Я думаю, я была единственной из Дачезне. Там было несколько людей из реабилитационного центра, и потом они были одними из тех, кто все организовал. Я узнала о том, что случилось от Веса МакКолла. Он тоже был на Переходе. Я просто подумала… что ж, Дилан и я, вместе сидели на Английском и он был… милым парнем. С характером. Но милый, ты понимаешь?"

"Да," сказала Блисс. Она обнаружила, что ее глаза внезапно наполнились слезами.

"О, боже, ты плачешь. Я сожалею. Я не хотела расстраивать тебя," сказала Аллисон. "Вот." Она вручила Блисс надушенный платок из своей сумочки.

"Я в порядке… это просто… все было сложно," запиналась Блисс, с удовольствием беря платок и вытирая свои глаза.

"Такова жизнь." кивнула Аллисон. "Но я рада видеть тебя снова… гуляющей. Я имею в виду, это должно быть так сложно. Я говорю о всех ошибочных вещах, не так ли?"

"Не совсем. Это мило, быть в состоянии поговорить с кем-

нибудь." улыбнулась Блисс.

"Что ж. Ты всегда можешь поговорить со мной. Ты вернешься в школу в сентябре?"

Блисс кивнула. "Да. Это странно – держаться в стороне от всех. Я действительно не знаю больше никого." Посетитель согласился с тем, что Блисс стоит вернуться в школу. Было бы странно, что дочь сенатора исключили из школы.

"Что ж, ты меня знаешь, и я в твоем классе," сказала Аллисон. "Все будет не так плохо," сказала она, обнимая Блисс.

"Рада слышать. Спасибо, Алли. Увидимся." улыбнулась Блисс.

"Увидимся."

Блисс пошла назад к своей машине, желая ничего большего, чем побыть одной, так как она переваривала эти новости. Были похороны Дилана и никто не пришел. Для Красной Крови она был всего лишь зчинщиком нарушений; для вампиров – несущественной потерей. Никто не заботился и не помнил его.

У нее даже не было возможности быть там, чтобы отдать дань уважения. Увидеть его в последний раз, прежде, чем погребут под землей. Он ушел навсегда, и она никогда не увидит его снова.

Глава 23

Мими

Указания на карте привели их в лес Тижука, расположенного южнее сердца города, не так далеко от изящных пляжей вдоль побережья. Рио удивителен, подумала Мими. Где еще в мире ты смог бы бытсро пройти от глянцевых башен современного финансового района к пышному тропическому дождливому лесу?

В такси до Барра да Тижука, Кингсли снова тщательно изучил растянутую карту. "Это похоже на что-то в роде каюты в лесах рядом с водопадом. Это должно быть то, куда они ее принесли."

"Ты думаешь, что она еще жива?" спросила Мими.

Сначала, Кингсли не ответил. Он только положил записи обратно в свой рюкзак. "Они оставляли ее в живых около года, это то многое, что мы знаем. Если они собирались убить ее, почему они ждали так долго?

"У меня плохие предчувствие на этот счет," сказала Мими "Как будто мы пришли слишком поздно." Записи были датированы 4 дня назад. Слова деовчки были отголоском в ее сознании. Плохие люди. Они забрали ее.

Водитель такси привез их на парковку далеко от входа к близжайшим водопадам Каскатина де Таунай, которые были так далеко, как он смог доставить их. Места для парковки было маленьким плато, окруженным самыми высокими деревьями, которые когда-либо видела Мими. У них был великолепный панорамный вид, виде естественной красоты, котрую вы видели только в кино, такие высокие, и дикие, и зеленые, что выглядели нереальными. Она вышла из такси и глубоко вдохнула прозрачный горный воздух. У него был вкус росы и солнечного света, смешанный с зеленым земляным запахом. Мими осмотрелась вокруг, там было несколько прилично выглядевших следов, но они резко исчезали за горой, прокручиваяс к тому, что выглядело, как несколько острых скал. Похоже, что это будет довольно-таки сложный путь, независимо от того, что она в очередной раз прокляла свое

тщеславие. Если бы она только носила удобную обувь. Она никогда не собиралась идти по следам в обуви на высоких каблуках.

Было несколько побито выглядивших Джипов, водители которых пытались сообразнить небольгие группы экскурсантов и путешественников нанять их на день. Но Кингсли прочитал мылси Мими, и отказался от идеи прежде, чем она ее озвучила. "Нет, давайте не будем рисковать кем-то еще," сказал он. "Серебряная Кровь думает о людях, как о спорте. Гид только сделает нашу миссию более уязвимой."

Прекрасно, подумала она. Это будет 48 час с тех пор, как они покинули отель. Прости меня, если я хочу поехать на экскурсию. Даже вамиры бы вымотались, если бы вы давили на них так сильно. Тем временем, братья Леннокс нашли гида-натуралиста.

"Самый быстрый путь к скрытым водопадам?" Гид был настолько загоревшим, что его кожа была, как красное дерево. У него был британский акцент, и он объяснил, что был частью Естественного Географического Общества.

"Возможно наилучший проход это путь через пути Пико; есть не обозначенный путь через леса, сквозь которые вы можете пройти. Но это довольно напряженный подъем. Уверены, что не хотите нанять один из джипов? Таунайские водопады прямо здесь. Они столь захватывающи… Нет? Ладно, тогда, удачи. Парк закрывается на закате, так что удостоверьтесь, что вернетесь к этому времени."

Мими посмотрела вниз на свои ноги. Она знала, что она должна сделать. Она села на упавшее бревно, сняла туфли, и отрубила шпильки своим лезвием, вздрагивая при их уничтожении. Затем, она снова их надела. Намного лучше. Она сделал большой глоток воды из пластиковой бутылки, надеясь, что она не в первый раз была на этом пляже в Капри.

"Лови?" сказал Кингсли, бросая ей что-то.

Это была маленькая бутылка кокосовой воды. "Это еще зачем?" спросила она, нажимая на петельку. Она сделала глоток. Удивительно освежающе.

"Нашел это в магазине для подарков," сказал он. "Я знаю, что это не лимончелло, но я думаю, что оно тебе понравится."

Почему он всегда, кажется, знает о чем она думает? Она была

раздражена и благодарна в одно и то же время, странная комбинация ощущений. Они установили быстрый темп, оставляя вскоре большинство других путешественников, на пути, позади себя, и вскоре достигли вершины горы. Воздух был так тих, что был похож на своего рода вход в настоящую церковь. С вершины они могли видеть все дороги, пересекающие весь город, вниз к береговой линии. Это был великолепный и внушающий страх вид.

"Это долдно быть тот путь, о котором гооворил гид," сказал Кингсли, ведя из через густые заросли к другой стороне горы. "Я думаю, что слышу воду."

Мими остановилась и прислушалась. Она тоже это слышала: стремительное движение, воющий звук, только он был еле слышим, вероятно в милях и в милях далеко. Спуск с горы был легче; они почти что скользили, одно из преимуществ вампирского проворства. Они шил пешком в темноте, в пустынном сердце джунглей, доверяя карте, что привела их сюда. Жара была невыносимой и подавляющей, влажный воздух был похож на то, как будто ты дышишь под водой.

Плотная растительность была существенной, корни дерева выглядели, как когти неподвижного животного, небо было полность покрыто завесой зелени, и всюду, был слышен звук летающих животных. Мими бросила один или два взгляда на диких цветных ар, но была разочарована тем, что не увидела ни одной обезьяны.

Наконец,они достигли открытой местности, которая открыто вела к скрытым водопадам, так же, как и указывала карта. Поток воды сбегал сквозь скалы, элементарное, внушающее страх величествие, мчащееся вниз к циркулирующей реке, что располосовалось через джунгли.

"Согласно карте, мы должны перейти реку, чтобы добраться до другой стороны," сказал Кингсли, развязывая шнурки и снимая обувь. Ленноксы уже были в воде. Их нейлоновые штаны были подкатаны до колен, и они несли свои рюкзаки над головой. Кингсли сделал то же самое, кроме того, он снял свою рубашку, выставляя на показ свою широкую грудную клетку, загорелую и гладкую. Когда у Кингсли было время, чтобы поработать над своим загаром? заинтересовалась Мими.

Что ж, по крайне мере она может больше не носить свои неудобные ботинки. Даже с хирургическим вмешательством районе

пяток, они не оказывали ей адекватную поддержку. Она сбросила из с ног и разделась до кофточки и нижнего белья, и скользнула в воду, держа свой рюкзак над головой. По-видимому, это была весенняя вода с гор, потому что она была холодной, почти что морозильной, но это было прекрасно, после этих двух дней ходьбы вокруг города без надлежайшего душа. Речной поток был сильным и существовала угроза, что он смоет Мими. Она использовала каждый дюйм своей мускулатуры, чтобы дойти до другой стороны. Когда она дошла до мелководья, Кингсли протянул ей руку и подтянул ее, но она потеряла равновесие и упала прямо в его руки, ее тело на мгновение, сокрушительно ударило по его.

Мими покраснела от неожиданной близости, и к ее удивлению, обнаружила, что Кингссли выглядит, также, немного смущенным. При всех его разговорах и флирте, он обращался с ней, как истинный джентельмен.

"Извини за это," сказал он, поправляясь.

"Не о чем беспокоится." улыбнулась Мими улыбкой, которая говорила, что никто не может сопротивлятся ей в мокрой кофточке, даже великолепный Кингсли Мартин. Но это была лишь читсая защита, защита, потому что она почувствовала искру, пробежавшую между ними, когда Кингсли коснулся ее. Кое-что, что ей не хотелось признавать тогда, и когда-либо еще, но она чувствовала связь с ним… и не только связь, желание, весьма отличное от ее обычной ненасытности от человеческих фамильяров: краснокровые игрушки, от которых она по желанию избавлялась (она уже уже оставила двух из них в гостинице).

Нет, это было что-то более глубокое, взбудоражащее что-то внутри нее… Память, возможно? Знали ли они друг друга в предыдущей жизни? И если так, что происходило между ними? Ничего? Все? У нее не было времени, чтобы зацикливаться на этом, потому что парни уже взбирались на берег.

Она выложила свои вещи из водонепроницаемого пакета и начала одеваться, перекидывая свой взгляд на Кингсли, который делал то же самое.

"Мы должно быть не далеко," сказал Кингсли, сверяясь с картой, когда они были готовы.

Они пробирались через дикую местность, пока не достигли

группы деревьев и растительности, которая создавала занавес вокруг маленького, деревянного жилища. Не совсем лачуга, но также и не дом. Был очень странный символ на двери -пятиконечная звезда. Метка Люцифера. Мими вздрогнула и заметила, что остальная часть команды также выглядела напряженный. Это будет не столь же легко, как борьба с бригадой драг-диллеров.

"Это оно," сказал Кингсли. "Форс и я займеся передним входом; вы двое перекройте задний выход," приказал он.

Мими последовала за положением Кингсли, так как они подползали к передней двери.

"На счет три." кивнул Кингсли. Он размахивал своим мечом. Его серебрянное лезвие вспыхивало на солце.

Мими вытащила проволоку из своего бюстагалтера, иглу, которая обернулась оружием во всю длину. Подоспело внезапное изображение: охота на демонов по туннелям пещер, вопли, а затем тишина. Память? Мими мигнула. Или проекция? Не был ли это голос Джека? Она не могла быть уверенной. Связь между ними не стала той, которой по обыкновению должна быть. Сфокусируйся. Кингсли отсчитывал в обратном порядке.

"Раз, два…" Он кивнул Мими и она ударила по двери, которая с грохотом открылась.

Глава 24

Шайлер

Джек провел Шайлер жилыми улицами острова Сент Луис, через мост, соединяющийся с “Isle de la Cite”, она мельком заметила Нотр Дам, когда они миновали площадь и забежали на ближайшую станцию метро.

" Куда мы направляемся?" спросила она тяжело дыша, как только они перепрыгнули через заблокированные турникеты. Уже час как поезда не ходят.

" Туда, где будем в безопасности," сказал он,когда они добежали до края пустой платформы: Шайлер уже была знакома с эстетикой метро, но все еще поражалась, каким прекрасным даже простое метро может быть в Париже. Тоннель освещался шароподомными лампами в стиле Art Deco, кидая приглушенный очаровательный свет на предстоящий путь.

" Под нами находится старая станция; ее закрыли, когда отстроили метро," сказал Джек, открыв тайную дверь, спрятанную в самом конце станции, и повел ее пыльными ступенями вниз. Казалось время на тайной станции остановилось, как будто только вчера путешествующие ожидали паровоз, который отвезет их в пункт назначения.

Шайлер и Джек шли по старым железнодорожным путям, пока пути не кончились, и туннели превратились в пещеры, ведущие дальше и более старое подземелье. Темнота накрывала их словно одеяло, Шайлер был рада что обладала theilluminata, это был единственный способ, разглядеть Джека.

Извилистые узкие подземные пути напомнили Шайлер кое что, то что она видела в старой книге в Хранилище.

“Это…“? спросила она.

“Лютеция.” кивнул Джек.

Древний галлийский город. Когда вампиры завоевали Галлию,

римляне Голубой Крови назвали место в честь болот, которые окружили эту территотию. Вампиры построили огромную сеть туннелей под городом. Красная Кровь полагала, что все, что осталось от Лютеции, были остатки амфитеатра в латинском квартале. Они не знали, что большая часть города осталась неповрежденный, в катакомбах глубоко под землей.

В отличие от темницы под отелем Ламберт, катакомбы Лютеции были заполнены свежим воздухом. Они были чисты. Защищенный какимто заклинанием, предположила Шайлер. Не было никаких крыс, скребущихся в стенах, никакого запаха сточных вод и гнили.

“Как ты думаешь, он все еще следует за нами?” спросила Шайлер, не отставая от Джека. Она чувствовала себя словно камертон, вибрирующей от страха. Они шли все глубже в пещеры, и Шайлер осознала, что неспособна ничего разглядеть в темноте, даже со зрением вампира.

"Надеюсь," ответил Джек.

Надеется? Пока они бежали, Шайлер понял, что туннели создавали лабиринт, с множеством различных коридоров, ведущих в тысячи разных направлений.

“Мы можем заблудиться сдесь навсегда,“ сказала Шайлер.

“В этом все дело,” ответил Джек. “Только Голубая кровь знает выход. На этих туннелях наложенно заклинание против animadverto. Попытайтесь вспомнить способ, которым мы сюда попали. Ты не сможешь это сделать.”

Он был прав. Она не могла вспомнить путь, который был странным и тревожным, потому что наличие зрения вампира походило на то, что ты смотришь шоу на DVR: ты мог перемотать к точно тому же самому месту и помнить все, каждые детали в комнате, каждый нюанс, каждое выражение на чьем – то лице, каждое слово, которое было произнесено. Таким образом именно поэтому Джек сказал, что он надеялся, что Левиафан следовал за ними, хотя Шайлер не была уверена, что простой лабиринт может остановить демона.

“Что насчет всех тех кого мы оставили позади?”

“Чарльз там. Он не позволит никакому злу приблизиться к ним,” сказал Джек. “Он следил за Левиафаном, в то время как я забрал тебя

из комнаты. Он будет достойным противником демона.”

Они бежали милю за милей поподземелью. У SШайлер не было никакого способа узнать, где они были, и она надеялась, что Джек знает, что он делает. Шуилер думал, что ее сердце могло бы разорваться от напряжения, ее мускулы начинали сигнализировать. Как далеко они смогут бежать?

“Не далеко”, послан Джек. “Мы почти на пересечении. Пошли.”

Он провел их через узкий туннель, это было похоже на вырез в скале, столь тонкий и острый, что они должны были идти боком, медленно двигаясь вдоль стены, и наконец они вышли к чемуто похожему на перекресток, небольшое открытое пространство ведущее к семи различным коридорам.

“Где мы?”

“Под Эйфелевой Башней. Это – центр старого города и начало нового. Все туннели в конечном счете ведут сюда.”

“Все дороги ведут в Рим,” процитировала Шайлер. “Та же идея, да?”

“Вроде того.” Джек позволил себе улыбнуться.

Шайлер осмотрелась. Над каждым из семи коридоров были вырезанны символы, выглядевшие знакомыми. Она задавалась вопросом, где она видела их прежде, затем поняла: они вспыхивали на флагах китайских лодок. Они были символами каждого Большого Дома, на священном языке.

Над средним туннелем был символ, который продолжал символ на запястье Шайлер. Меч, вонзающийся во облака. Символ архангела. Также рядом с каждым входом в туннель были семь деревянных факелов, прислоненных к стене. Джек подошел к одному и провел рукой над ним, заставляя появиться маленькое белое пламя.

“Это называют дыханием Бога. Любой из Голубой Крови может принести свет к туннелям. Пошли, это – путь к выходу,” сказал он, склоняясь к крайнему левому коридору. Он осветил путь, в тот момент, когда темная фигура появилась с другой стороны.

Шайлер почти закричал, но ее голос оборвался в горле, когда она узнала человека в черном. Как Джек, он был одет в униформу Венатора.

“Отец?“ спросил Джек.

Чарльз Форс кивнул. Он одарил Шайлер обычным отстраненным, высокомерным взглядом, который, казалось он хранил специально для нее. Она задавалась вопросом, почему он решил помочь ей, когда в его каждом жесте было очевидно, что он не мог выдержать даже взглада в ее сторону.

“Хорошая работа, Джек. Они позади нас, пойманы в ловушку obsido в южном соединении, но оно не сможет держать их долго. Скорее, поднимайтесь по лестнице. К пересечению, где они не смогут перейти. Сейчасже.”

Маленькая дверь вела к лестнице. Шайлер начал бежать, перепрыгивая две, три ступеньки за раз, пока ее внезапно не потянуло вниз, отдаляя от ее спутников, что то похожее на тиски на ее ногах. Она падала по каменным ступенькам, от шока из за сильного удара по голове она на мгновение потеряла сознание.

Когда она пришла в себя, она поняла, что поймана в ловушку в плотном, сером дыме, и чувство интенсивной, ненасытной радости наполняло ее. Это была радость врага, Шайлер поняла; они усиливали ее страх: поглощая его, пожирая егоо. Туман был непроницаем, тверд на ощуп, это выглядело аморфным, но у него была физическая плотность, невозможный вес, столь же твердый как прутья клетки или тюремной камеры.

Тогда она услышала их: звук как свист ветра сквозь деревья, или как скрежет мела по доске: проникновение. Это сопровождалось странным щелкающим звуком, как стук когтей по поверхности. Кликкликклак… копыта дьявола по крыше. Серебряная Кровь собиралась взять ее. Она была окружена и поражена. Нет. Она не сдасться, чтобы отчаяться; она будет бороться… но чем? Ей нельзя заснуть, нельзя поддаться настигшей ее сонливости.

Тогда она увиделав темноте сияющие глаза, потусторонний, зловещий, темно-красный пристальный взгляд, глаза, наполняющиеся адским огнем. Левиафан прибыл, чтобы закончить то, что он начал. Сверкающий свет просачивался через дым. Сначала Шайлер думала, что это был факел, и тогда она увидела, что это был меч. Он совсем не был похож на какой-либо меч, который она видела прежде. Меч ее матери сиял ярким белым пламенем: столь же чистый, как слоновая кость, и столь же красивый, как солнечный свет. Его лезвие было

иное. Он был почти того же цвета что и дым: темно-серыми, обрамленным серебром, на нем были пугающие черные метки. он больше походил на топор, чем на меч, высеченный и примитивный, с потентой кожаной кобурой для ножен.

“Шайлер, беги?” проревел Джек. “ДАВАЙ!” Он вонзил свое уродливое лезвие в существо, или их было больше чем один? Это был только Левиафан или больше чем это?

Монстр кричал от боли, и теперь Шайлер могла почувствовать его страх. Увидела отражение того, что он увидел в ее глазах.

Потому что Джек преобразился. Он больше не существовал. Только Abbadon. Шайлер не хотела отворачиваться. Не хотела видеть, во что Джек превратился, но она увидела черный огонь, который окружал его, озарая его изображение и делая его славным и страшным, как мстительный, гневный бог. Страшная и ужасная власть, которая была не из этого мира, а не такого рода.

Шайлер не хотела признавать это, но Abbadon не так уж и отличался от Левиафана, демона, который возник из земли. Но она не могла думать об этом сейчас.

Вместо этого она побежала.

Глава 25

Блисс

Конечно, только потому что Блисс Разрешили контролировать свое тело время от времени, не означало, что вещи вернулись в обычное русло. Как только жизнь начинала казаться обычной, сразу возвращался Посетитель, и тогда она выпадала, выпадала снова до следующего раза. Она была в седле: с понедельника по среду, отсутствовала большую часть четверга, уикэнды превращались в пятно, и тогда она возвращалась!, она еще путалась в датах, думая, что это был четверг, но в действительности была суббота. Поскольку дни проходили, становилось более трудно приспособиться к времени, когда Посетитель возвратился, внезапно выбрасывая ее из света и мира, назад в холодное, пустое, лишенное памяти место.

Она решила, что в следующий раз когда это случится, она не позволит ему выкинуть ее. Должен быть способ остаться. Она должна узнать, что планировал Посетитель, к чему это все вело. Несомненно, Посетитель позволил ей иметь опять часть ее жизни, но кто знал продолжится ли это? И конечно, Блисс не хотелось разделяться. Она хотела всю себя назад. Она не могла жить так, словно она сумасшедшая. Были другие люди, о которых надо подумать думать. Посетитель был опасным, злым. Она не могла позволить случиться чему то похожему на то, что произошло в Рио, снова.

Мысль заставила ее внутренности заледенеть. Если бы только было больше показов мод, для выступлений, или больше вечеринок, чтобы отвлечь ее; но вещи своидились на нет в Хэмптоне, и было бы меньше оправданий для нее, чтобы отсутствовать в мире.

Она провела день, загорая на заднем дворе. Она была настолько бледна, она всегда сгорала, поэтому пользовалась французским солнцезащитным кремом, с SPF 100, с таким же эфектом вы могли просто носить одеяло. Она загорала, наслаждаясь, как солнце медленно нагревало ее тело. После года, нахождения в нигде, это был рай находиться на улице снова, сидеть на шезлонге, тихонько покачиваясь в середине бассейна, водить рукой по поверхности теплой воды.

Тогда она почувствовала это: затемнение… как тень, перекрывающая солнце, а затем толчок, Посетитель возвращался. Но вместо того, чтобы покорно позволитьему вступить во владение, Блисс вынудила себя остаться. Внутри своего сознания, Блисс сделала себя очень, очень тихой, свернувшись, как мячик, как тень напротив стены, так, чтобы Посетитель не заметил, что она слоняется поблизости. Она знала, инстинктивно, что он не должен понять, что она все еще там. Она старалась стать неподвижным океаном, без капли ряби на поверхности. Она вынудила себя сдерживаться. Каким-то образом, это сработало.

Посетитель был во главе, но она все еще оставалась там. На это раз, она могла видеть все, что он видит; она даже могла слышать его разговор (через ее голос). Они (теперь она думала о них, как о двух людях) встали, надевая одежду, затем шагнули в дом. Они перепрыгивали черезе две ступеньки и фактически ворвались в кабинет Форсайта.

Сенатор был дома на время летнего перерыва в конгрессе. Он сидел за своим столом с сигарой, и он вскочил увидев в дверях незванного гостя.

“Разве я не учил тебя стучать?” брюзжал он.

“Это я, Форсайт,“ сказал посетитель голосом Блисс.

“О! Мой лорд, я сожалею. Я очень сожалею. Я не знал, что Вы вернетесь так скоро,” сказал он, бросаясь в ноги Блисс. Вид Форсайта глазами Посетителя, смущал, непритязательный червь, присмыкающийся перед нею.

"Скажите мне, чем я могу быть вам полезен, мой господин," сказал сенатор, все еще стоя на коленях.

“Новости, Форсайт. Расскажи мне о Конклаве.”

Форсайт практически хихикал. Блисс никогда не видело столь самодовольного взгляда "отца", который говорил много о политическом деятеле.

"Мы не должны бояться это группки, мой лорд. Половина из них полагается на "слуховые аппараты" Красной Крови, чтобы слушать сообщения. Это действительно очень интересно. Говорил ли я Вам, что Амброуз Барлоу – теперь один из членов с правом голоса. Конечно Вы знаете его, как Британникуса."

“Britannicus…” сказал Посетитель. “Он действительно кажется знакомым.”

"Однажды он был Вашим помощником. Он привел детей в ванную." Посетитель нашел это невероятно забавным. "Очень хорошо. Я так понима., что тогда все приведено в движение? Венаторы не причиняют каких-нибудь неприятностей?"

"Не совсем.Все идет по плану. Чарльз Форс в Париже, о чем мы и говорили. Им легче манипулировать, чем с щенком," сказал Форсайт, заходясь в остром приступе смеха.

Глубокий смысл удовлетворения прошелся по Блисс. Новости сделали Посетителя очень счастливым. Как нежную кошку, которая только что сожрала целую клетку канареек.

"Очень хорошо. Очень хорошо. А мой брат?"

Форсайтдостал бутылку виски из под стола и наполнил два хрустальных бокала.

"Скажите слово и Левиафан нанесет удар. Девчонка в пределах его досягаемости. Ему будет достаточно легко поппасть на вечеринку. Кстати, вы посчитаете это забавным: мои источники доложили мне, что Чарльз не был приглашен на бал."

"Как хорошо, что он все еще держится." кивал Посетитель, звуча очень довольно. "Я всегда мог рассчитывать на свою дорогую сестру, чтобы быть столь долго недовольным. Это работает нам на пользу." Посетитель проглодил скотч одним махом. "А другая моя сестра, София?"

"Увы, она отказывается обнародовать информацию об Ордере. Она клянется, что не знает. Вы знаете, после года с Харбоном, она может говорить только правду."

“Я вижу.”

“Хорошие новости – Кингсли, и его команда все еще в лесу. Они шли по неверному следу в течение многих месяцев, не догадываясь, что их послали на бесполезную миссию.”

“Кингсли,” фыркал Посетитель. “этот предатель. Мы совсем скоро будем иметь дело с ним.”

“Что мы будем делатьс Софией? Мы продолжем держать Наблюдателя?” спросил Форсайт.

"Нет." Посетитель водил пальцем по краю пустого стакана, создавая небольшой, высокий звук. "Если моя сестра действительно не знает особенностей этих Семи, значит она – ничто для меня. Мне становится скучно из-за ее упорства. Уберите ее. Убейте." Его слова были опрометчивыми, импульсивно брошеными на них, но было что-то еще, что внезапно заставило Блисс почувствовать испуг. Когда Посетитель назвал Софию "сестрой", ей на ум пришло изображение: Джордан.

Говорил ли Посетитель о Джордан? А если так, значит ли это, что Джордан еще жива? Где? Как? Блисс почувствовала, что начала волноваться. Она должна успокоиться. Она хотела услышать больше… Она должна… Она дол;на выяснить…

Но было слишком поздно. Она была выброшена из света, назад в холод, одна и беспомощная, чтобы сделать что-нибудь с тем, что она услышала. Что долдно произойти в Париже? Почему они хотели, чтобы Чарльз Форс поехал туда? И София?, было ли это настояшим именем Джордан? Что планировал Посетитель для нее? И кто эта девушка, за которой следует Левиафан?

Было ли что-нибудь, что она могла сделать, чтобы предотвратить хоть что-то из этого? Или она собиралась просто ожидать пока наступит конец света, и все же быть беспомощной, чтобы сделать что-нибудь, но наблюдать за всем с первого ряда?

Глава 26

Мими

Она ударела по двери так сильно, что она свалилась на пол, создавая громкий шум. Но после, все стало тихим. Не было никакого сопротивление против ее вызова. Мими проползла через дверной проем, нащупывая на стене выключатель света. Когда она его включила, она увидела, что стоит посреди огромного беспорядка; все в этом месте было перевернуто и раскинуто.

"Гм, смахивает на поле боя? сказала Мими Кингсли, гримасничая, окидывая все это убожество суровым взглядом. Мими зажала нос, пытаясь не дышать. "Что это?" спросила она, практически задыхаясь. Запах был сладкий и прогорклый(Приобретший неприятный запах и горький вкус вследствие порчи). Как будто что-то сгнило.

Кингсли покачал головой. Мими решила, что она действительно не хочет знать. Она могла слышать, как братья Леннокс ломают другую дверь. Они двигались по груде хлама.

Было что-то не нормальное во всем этом беспорядке, начиная с перевернутого дивана с порванными подушками, перьяот которых были повсюду, в каждых перевернутых и открытых ящиках стола и бюро, содержимое которых было вывернуто на пол. Там были пустые бутылки и раскиданные всюду газеты, остатки пищи, платсиковые обертки, грязные бумажные тарелки, полупустая пачка M amp;M’s, неоткрытая банка Ред Булла.

Что-то в этом беспорядке выглядело знакомым. Мими поняла, что она видела его прежде; городской дом Форсов был обокраден несколько лет назад, и в комнатах ее родителей рылись в этой же манере: все перевернуто вверх тормашками, все вывернуто. Она помнила, как странно было видеть шкатулку с драгоценностями Тринити по середине кровати, сломанной и пустой, среди разбросанной одежды и старых семейных фотографий, которые воры нашли в стенном шкафу. Это было точно также: тотже подчерк, каждый предмет в комнате был оценен и выброшен. Кто-то что-то

искал. Кингсли подал Мими знак, чтобы она продолжала перемещаться, они медленно двигаться через прихожею. Они нашли две спальни, с таком же беспорядке, как остальная часть дома. Сэм и Тед, зашли со стороны кухни.

"Есть что-нибудь?" спрсил Кингсли, все ще держа на готове свое оружие. "Ничего, кэп."

"Этот еще не старый," сказал Кингсли, поднимая пакет с логотипом МакДональдс. "Он еще теплый. Осмотритесь," сказал он, приказывая им быть бдительными.

Мими продолжала осматриваться. Во время их ограбления в Нью-Йорке, воры ушли с ценностью в 4 миллиона долларов алмазами ее матери. Но ограбление не было худшим из этого. Она вспомнила, какой осквернённой она себе ощущала, думая о том, что какие-то незнакомцы находились в их доме. Один из них оставил чашку кофе на обеденном столе, оставляя уродливый след на дереве.

Это не было таким ужасным, как потеря камней, хотя Мими расстроена, что не унаследует эти драгоценности, это была принципиальная вещь: знать, что кто-то сейчас на твоем месте. Кто-то, кого не приглашали, неприятный, использовал ваш дом, как собственной детскую площадку. Остался грязный след на спинке ее кровати, крошки от печенья на белом коврике, следы шоколада (Мими надеялась, что это был шоколад) на ее постельном белье.

Приехала полиция, сняла отпечатки пальцев, и начала расследование, не то чтобы это помогло, конечно. Чарльз сказал, что большинство воров драгоценных камней имеют дела с черным рынком, где их ломали на части, камни замаскированные и стертые по системе продавались теневым лидерам на 5й Авеню. К счастью, страховка покрывала часть ущерба, так же, как и камни, так что не было реальных финансовых потерь, только сентиментальные ценности и чувства несправедливости.

Родители Мими перекрасили всю квартитиру за ночь и выходные. Домоправительница поступила верно. Однажды пришел страховщик, Тринити держала Гарри Винстона и несколько аукционных домов на коротком поводке. Спустя несколько месяцев Мими полностью забыла об этом: жизнь продолжалась.

Этот беспорядок, сделанный Серебряной Кровью, оживил ее воспоминания о той ужасной ночи. Чарльз мертвенно бледный,

плачущая Тринити, и Джек, ударяющий кулаком о подушку кушетки. Мими взглянула на перевернутый вверх дном дом и заявила, “Мы перебираемся в люкс St. Regis.”

Что они по возможности искали здесь? Интересовалась Мими. Это была лачуга посреди джунглей. Что же спрашивается, могло иметь такую ценность для кого-либо? И где Джордан? Если они забрали ее отсюда, то почему они искали что-то? Мими встала на колени и порылась в хламе, пытаясь найти смысл вещей. Она отодвинула груду гнилого картона и обнаружила странный образец на ковре.

Следы.

Маленькие.

Двигающие или выходящие из ванной. Мими вошла в небольшое место. Эта комната также была перевернута вверх дном, дешевый пластиковый занавес был закреплен вокруг кольца, в ванной лежала груда полотенец, разбитое зеркало, битый стакан в крови. Были знаки борьбы, остатки борьбы…

Мими раздвинула полотенца. Там что-то было…

Спрятанное под упавшим душевым занавесом…

Мими оттолкнула раздавленную пластмасску своей ногой, ее сердце застучало… Могло ли это быть… Дрожащими руками она разобрала груды битого стекла и убрала груду грязных полотенец.

Там было меленькое, мертвое тело в ванной, одетое в грязную фланелевую пижаму. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Нет. Они опоздали; она чувствовала это. Они продвигались в тумане слишком медленно… Они были такими медлительными… Но, она все еще не хотела верить. НЕТ!

"Кингсли?" крикнула она. Она не хотела быть самой собой, когда переворачивала тело.

Глава 27

Шайлер

Она привыкла быть одной. Она было одиночкой большую часть ее жизни. Ее бабушка не была сторонником данного времяпровождения, волнующей практики современного воспитания. Не было ни одного домочадца, который наблюдал бы за несколькими школьными играми, в которых она учавствовала, не было никого, ктобы мог подбодрить ее с боковых рядов на субботних играх в футбол. Это был вопрос о победе или поражении Корделии: никакого риска? что потопить себя в большом колличестве внимания. Со стороны, детство Шайлер было одиноким: ни братьев, ни сестер, ни родителей, и даже ни одного друга, пока Оливер не вошел в ее жизнь.

Но был секрет: Шайлер не была одинокой. У нее была живопись, ее рисунки, ее искусство, и ее книги. Ей нравилось быть одной. Это был компания, которая сигнализировала ей; она понятия не имела, как начать бесполезную болтовню, или как интерпретировать и подражать мягким социльным жестам, которые объединяли людей. Она всегда была Маленькой Борющейся Девочкой на окне, дрожащей от холода. Но в то время, как люди пугали ее, она никогда не боялась темноты.

По крайней мере, до сего момента. Темнота, окружавшая ее. была абсолютной: такой полной, даже вампирские способности были бесполезны. Она пряталась в туннеле до тех пор, пока крики и звуки не прекратились, исчезая в темноте. Она должна был остаться; о чем она только думала? Почему она оставила его в одиночестве? Она оставила Оливера, а теперь еще и Джека. Но у нее не было никакого оружия; у нее ничего не было. Джек хотел, чтобы она убежала, и она сделала это. "Джек? Джек?" позвала она, ее голос повторился внизу туннеля. "Ты в порядке? Джек?"

Ответа не было.

Тишина была более, чем тревожна. Было настолько тихо, что она могла слышать звук дождя, льющегося где-то выше катакомб, могла слышать кажду каплю каждой струйки, которая проливалась сквозь

трещины в стенах и ударялась о пол. Она крепко обняла саму себя, неуверенная в том, что делать. Ее плечи болели, и чувствовалось, как ее мускулы замерзали. Так вот, чего стоило боятся в темноте. Быть испуганной и одной в темноте. Шайлер звала Джека по имени, кажется часами, но ответа все не было. Не было также и знака Серебряной Крови, это ничего не значило. Возможной уни ушли, только вернутся позже. Она не хотела думать о том, что могло произойти с Джеком… Могли они забрать его? Был ли он уничтожен? Потерян? Сломлен?

Джек ушел. Нет. Шайлер покачала головой, даже при том, что она спорила сама с собой. Не было ни одного способа, из-за которого она бы пал. Не он. Не то, чтобы его ослепляющий свет внушал страх. Нет. Она видела его истинную форму, и это было удивительно, чтобы созерцать. Столб огня. Тасячи великолепных солнц, горящих в пламени, окрашивающих самую глубокую ночь. Ужасный и великолепный, и более пугающе, чем что-либо, что она когда-нибудь видела. Нет!

Он вернется за мной.

Она верила в это. Она оглянулась на лабиринты туннелей. Она понятия не имела, где она находиться, или окуда она пришла. Ты можешь потеряться здесь на столетия, говорила Шайлер Джеку.

А это идея.

Что я делаю? Я такая идиотка. Пересечение! Это было единственное настоящее место. Что сказал Чарльз? Пересечение. Место, где они не могут пересечься. Все туннели вели туда. Где это? Она не могла видеть, поэтому она ползла вдоль стены. Там было перепутье. Она чувствовала. Два туннеля. Развилка на дороге. Но который? Она прощупывала текстуру, пытаясь уловить что-нибудь. сли она не может видеть, может быть она может почуять…

Оно должно пахнуть чистотой, она не забывала думать. Она ожидала, что подземная пещера пропахнет плесенью, как влажное полотенце, которое оставили слишком надолго на полу. Но когда она и Джек, сперва исчезли в катакомбах, она была удивлена, вдохнув свежий воздух. Это первое, о чем она подумала. Этот запах только немного более свежее, как будто он приведт к более свежему воздуху, возможно к лестнице, ведущей наверх и на выход. Она приняла решение. Она шла по темному туннелю, с кончиками

пальцев в роли гида.

У Шайлер было такое чувствово, как будто она шла в темноте мили, но ее нос не подвел ее, воздух очистился, и от далеко она могла видеть это… свет, сияющий в темноте. Джек. Это должен был быть Джек.

Наконец она достигла своей цели, пересечение всех дорог.

Но свет был от факела, который нес Джек, до того, как на них напали.

И там не было никого.

Глава 28

Блисс

Это было в последнюю неделю августа, и Костволд был наконец-то продан, после снижение цены на сто тысяч, плюс-минус. Российский олигарх купил дом в Хэмптоне и все в нем, начиная от последней диванной подушки морской тематики и, заканчивая коллекцией автомобилей. Новая семья хотела заселиться сразу же, поэтому было мало времени на сборы. И с тех пор, как Блисс подслушала разговор об исследовании Форсайта, Посетитель отступил для самого продолжительного отсутствия. Суббота, их первый день во возвращении в Нью-Йорк, была пятым днем с тех пор, как она ушел. Почти целая неделя.

Было облегчением, снова вернутся в город. Она стала уставать в Хэмптоне, поскольку, в конечном счете, все приходят к этому. И в то же время у нее была свобода, Блисс старалась узнать, что происходило. Она позвонила в дом Форсов, не уверенная в том, что скажет, не то чтобы это имело значение, в любом случае, их горничная сказала, что никого нет.

Чарльз пропал, Тринити в округе Колумбия, и близнецов тоже не было. Тогда она позвонила Шайлер на мобильный, но он не обслуживался. Она позвонила в дом на Риверсайд Драйв, и Хэтти сказала, что Шайлер… далеко. Домоправительница казалась напуганной, чтобы сказать Блисс что-либо еще. Хазард-Перри проводили лето в Мейне, но когда Блисс позвонила на тот номер, никто не поднял трубку. Там даже не было автоответчика. Это было очень странно и не обнадеживающе.

Она просмотрела исследования Форсайта прежде, чем оно было убрано и попыталась связаться с Амброузом Барлоу. Она подумала, если Форсайт и Посетитель глумились над ним, то возможно Страж Барлоу был одним из хороших парней. Но когда она позвонила в резиденцию Барлоу, Стража там не было. Она не знала, какое сообщение оставить, чтобы не выдать его Посетителю. Она должна была удостовериться, что он в неведении о том, что она планирует.

В конце концов, она решила отправить анонимное письмо. Не по электронной почте, которую можно проследить на ее компьютере, а записку на хорошей почтовой бумаге, которая заставит Барлоу обратить внимание на нее, и не заставит подумать, что это какая-то макулатура. Боби Энн хранила красивую коллекцию открыток, и Блисс выбрала одну из них.

Дорогой Варден Барлоу,

Вы меня не знаете, но я должна предупредить вас о кое-чем. Остерегайтесь Форсайта Левеллина. Он не тот, кем вы его считаете.

Друг

Боже, это звучало не убедительно. Но что еще она могла, не выдав себя? У этого было так много зубов, как на надписи осторожно, злая собака на неогороженной лужайке, но Блисс понятия не имела, что еще она могла сделать. Она не могла рисковать, Посетитель мог узнать о ее действиях, и если бы пришел кто-то из Конклава, спрашивая о ней, то Форсайт узнал бы, что происходит.

Это было лучше, чем ничего не делать.

Может это даже поможет. Она надеялась на это.

После того, как она отправила послание, Блисс бесцельно шла по Пятой Авеню мимо Музея Гугенхейма. Погода была влажная и жакркая, один из тех Нью-Йоркских дней, когда можно жарить "яйцо на тротуаре", но Блисс это не волновало. Она была рада быть дома. Вернуться в город, который она так сильно полюбила. Она слонялась, приближаясь к Столичному Музею Искусства. Она шла по знакомым местам, уклоняясь от туристов, устраивавших себе пикник в тени деревьев. Когда она вошла в огромный мраморный холл и открыла сумку на проверку охраннику, терпеливо ожидая пока он проверяет ее содержимое, она почувствовала боль в сердце.

Сюда Дилан привел их на первое свидание.

Ей причиняли острую боль воспоминания о том, как Дилан заплатил десять центов за два входных билета. Подходя к кассе, Блисс поняла, что у нее не хватит смелости, повторить его поступок.

Это произошло почти 2 года наза, когда он привел ее в музей. Он был так взволнован, приведя ее в Египетское крыло, и Блисс подсознательно начала идти к нему, проходя мимо стеклянных витрин со скарабеями и лепных драгоценностей. Она прошла мимо

витрин с саркофагами. Она вспомнила, как Дилан попросил ее закрыть глаза и провел ее через коридор, и, когда она открыла их, она уже стояла перед ним. Храм Дендура. Реальный египетский храм, воздвигнутый в комнате Метрополитена. Это было похоже на ожившую часть истории.

Такое древнее и красивое.

И такое романтичное. Она вспомнила, как Дилан стоял перед ним, его глаза светились, как яркие звезды. Блисс бесшумно подошла к зданию, вспоминая… Свет, пробивающийся в комнату, отбрасывая тени на мемориал. Она была поражена печалью, подавляющей ее, она должна успокоить себя или она упадет.

"Вы в порядке?" спросила девочка.

"Я в порядке", кивнула Блисс. Она села в шаге от крушения и глубоко вздохнула. Девочка продолжала ее любопытно разглядывать, но оставила ее в покое.

Блисс все еще была на том же месте спустя 4 часа, когда начал мигать свет и начали давать объявления по громкоговорителю. "Музей Метрополитен закрывается через тридцать минут. Пожалуйста пройдите к выходу." Это объявлние повторялось каждые несколько минут на различных языках.

Блисс не сдвинулась со своего места. Все остальные в комнате, студенты факультета искусств, групка туристов, группа преподователей, полсушно шли к выходу. Что я делаю? – интересовалась Блисс. Мне стоит пойти домой.

Но проходили минуты и верхний свет предупреждая продолжал мигать, и когда Блисс услышала шаги охраников музея, она спряталась в щели храма и сделала себя невидимой для людей. После того, как кажется прошло много времени, свет наконец-то потух, стало абсолютно тихо, и лишь призрачный лунный свет пробивался в музей.

Она была одна.

Она шла прямо к храму, прикасаясь к грубому камню, помещая свои пальцы в углубления выгравированных иероглифов. Дилан, в первый раз, поцеловал ее здесь.

Она так по нему скучала.

"Я тоже по тебе скучаю."

Что это было?

Она осмотрела пустую комнату. Свет создавал фантастически сумасшедшие тени на всем, напоминая ей, как она боялась ивовое дерево за окном своей спальни, когда она была ребенком.

Она подошла к фонтану, расположенному в комнате и бросила в воду четвертак, наблюдая за его падением. Мгновение она думала, что услышала его голос, но теперь она дейтсвительно сходит с ума, не так ли?

"Ты не сумасшедшая."

Она раздражалась, волновалась. Кто бы ни говорил с нею, должен был остановить это.

"Там кто-нибудь есть? Эй?"

Ее голос отозвался эхом по всей комнате. Все ответы были эхом ее вопроса:

ЭйЭйЭй…

Но если голос был не отсюда… тогда возможно… возможно… он прибыл откуда-то… изнутри… Но не был голос Посетителя, она была уверена в этом. Она закрыла глаза. Что за бред? Это не было теми странными вещами, которые уже происходили. Она заглянула внутрь себя. Было пусто там, где обычно был Посетитель, пустота. Посетитель определенно был все еще далеко.

Но впервые, она ощутила другое присутствие, и другое, и так много других, сотни других… О, боже, так вот что делала Серебряная Кровь? Они забирали кровь, бессмертные сознания, так, чтобы их жертвы жили внутри, как в тюрьме. Множество душ запертых в одном теле. Отвратительно.

Под ее сознанием были сотни душ, также как и она, они были пойманы в ловушку на заднем сидении (может быть даже в чемодане?). Это было похоже на одну из братских могил… но вместо трупов, они были все еще живы…

Она хотела закричать… Это было настолько хуже, чем присутствие Посетителя. Это было… Она почти потеряла это, но потом… опять этот голос… Низкий, хриплый, и скрипучий, как будто бы он выкурил очень много сигарет и провел очень много

ночей в шумном переполненном городском баре. Это был голос парня, который видел все и жил, рассказывая забавные истории об этом, с углублением и грубостью, но с милой остринкой, которая проникала в твое сердце. Может ли это быть?

Как это может быть?

"Дилан?" прошептала она. "Это ты?"

Тишина.

Тогда, из темноты, она увидела, как она материализовался прямо перед ней, увидела его тело, его лицо, его прекрасные печальные глаза, его кривую усмешку, его темные взъерошенные волосы. Он вышел из пустоты прямо на свет.

"У меня не так много времени," сказал Дилан. "этот твой Посетитель скоро вернется."

Глава 29

Мими

Мими чувствовал, что кто-то подошел сзади, но когда она обернуласьлась, это не был ни один из Венаторов, это был призрак. Почерневшая, сожженая фигура. Гуляющий труп был с пустыми глазницами, прорезью для рта и забинтованным туловищем. Сожженный, изуродованный, ужасвющий… но так или иначе живой.

“Ты…” Привидение направило свой костлявый пальц на Мими, и заговорило в свистящим, скрипучим шепотом, напоминающем шелест мертвых листьев. “Ты смеешь…”

Этот голос. Даже в этом жутком исполнении, Мими узнала этот голос. Это когда-то произносило речи с требун, когда-то приветствовал элитных гостей на захватывающих представлениях кооператива Авеню Парка.

“Страж Катлер?” Мими шептала. “Но я… Я убила тебя.”

Это показалось абсурдным, как только она сказала это. Но она поразила Нэн Катлер, оставил ее сгорать в черном огне на вилле Альмейды. Как она смогла выжить? Это было смешно. И было также абсурдно со стороны Мими увертываться или высмеиватьс ходящим и говорящим мертвым приведением.

Еще один шаг и я выпью твою кровь,” прохрипел безликий ужас. Там, где на ее теле не было обуглено или покрывалось пузырями, были кости, это была отвратительная картина.

Рука Мими дернулась немного. Она не должна была убирать свой меч. Было ли у нее время? Где, к черту, вся ее команда? Услышал ли Кингсли ее? Где были парни, когда она нуждалась в них? Почему она отклонилась от группы; Венаторов учили, что они всегда должны оставаться парами. Как, было глупо с ее стороны следовать за теми следами… Это была ловушка, с самого начала.

Хватит ли у нее времени, достать мечь прежде, чем Нэн накинется нее? Нет времени думать, ей надо обнажить меч? но как только она сделала это, в этот момент Мими поняла, что оказалась в

смертельной хватке полумертвой Серебряной Крови.

Монстр, кто когда-то был самой популярной хозяйкой Нью-Йорка, был слишком силен, и как Мими не брыкалась и не царапалась, демон не ослабил хватку. Мими чувствовала его вонючее дыхание на своей шее, знала, что не долго ждать прежде, чем его клыки пронзят кожу и высосут ее кровь…

Нет!

Она толкнула стража в стену со всей изо всех сил. Но Нэн опередила и ударила Мими о бетонный пол. Это могло вырубить многих вампиров, но Азраэль был сильнее многих. Однако, это вызвало головокружение, она чувствовала трещину в черепе и рану, из которой пошла кровь… Она теряла сознание…

В этот момент появился Кингсли. Мими подумала, что никогда не была так счастлива видеть кого-то в ее жизни.

"Кроатан?" проревел он. “Absed! Absed abysso!” Возвращайся в ад! Мощно пронзив своим мечом, он нанес удар прямо в сердце.

Послышался шипящий звук, как если выходил воздух из проколотой шины, немного разочаровывающе, пока тело внезапно не загорелось ярким серебряным пламенем, моментально ослепляющим, и температура в комнате повысилась до солнечного уровня, дух втягтвался в себя в сверхновую звезду. Мими прикрыла глаза, пока их было не безопасно открывать. Она думала, что страж исчезнет, но труп был все еще там.

Только теперь не было ничего угрожающего в этом. Только куча костей. Кингсли вынул свой меч из груды костей, и он превратился назад в маленький складной нож, который он носил в своем кармане. “Ты в порядке?” спросил он, становясь на колени около Мими. Он смотрел на ее рану на голове, его осторожно дотронулся пальцами до раны и стал медленно массажировать. “Раскололась как яйцо, но ты будешь в порядке. Уже начало заживать.”

"Как она выжила? Я разрезала ее на две части," Мими была в шоке.

"Ты не ударила ей в сердце. Это единственный способ. Это была моя вина. Я должен был убедиться. Я думал, что ты знала," вздохнул Кингсли. "Лоренс был прав. Конклав не потрудился обучить чему-то большему, и новая культура вампиров забыла многие вещи."

"Я думала, что это только миф… ну знаешь, как в фильмах, когда люди думают, что они могут убить нас заколов нам сердце," сказала она.

"Всегда есть доля правды в мифах," сказал Кингсли любезно. "конспирация привела к этому. Так чтобы Красная Кровь не чувствовала потребности в поиске правды."

"Что ж, кто-то должен был сказать мне. Я тебе обязана," сказала Мими. "В любом случае, чего ты так долго?"

"Мы нашли два трупа из Серебряной Крови на заднем дворе," сказал он. "Но о них позаботились должным образом. Что ты нашла?"

Отвечая, Мими поднялась. "Я нашла кое-что. Кое-кого. В ванной." Она привела его в комнату и показала тело.

Когда Кингсли увидел маленькую фигуру во фланелевой пижаме, он перекрестился. Они обменялись мученеческими и горькими взглядами.

“Сделай это,” сказал он. Мими кивнула.

Медленно она перевернула тело.

Это была Джордан Левеллин. Мими узнала серые глаза девочки. Они были открыты и смотрели на потолок. Мертвой она выглядела еще моложе, чем в свои 11 лет. Она была одета в неряшливую пару пижамы, в ту же самую, в которую она была одета в ночь похищения. По болезненному цвету лица девочки Мими обнаружила то, что не нуждалось в объяснении: каждая капля крови Джордан была выпита. Полное истребление.

Мими почувтвовала, что будто собирается подпрыгнуть. Ничто не подготовило ее к такоу. Это было настолько хуже, чем быть взятой полумертвым стражем. Она присоединилась к Венаторам, чтобы найти приключения, выбраться из Нью-Йорка… Она никогда не думала, что они потерпят неудачу в их поиске. Никогда. И узнать, что они были настолько близки, но оказались настолько далеки… Она была не готова увидеть мертвое тело ребенка. Это изображение останется с ней навсегда.

Мими была уверенным человеком. У нее была непоколебимая вера в себя и в свои способности, и она верила, что Кингсли сможет найти Джордан. Она верила, что он не подведет. Она смотрела на него и чувствовала, как буд-то ее предали.

Кингсли делал что-то странное. Он вынул лупу из своей сумки Венатора и стал изучать глаза мертвой девочки. “Леннокс, что ты думаешь? Ты видешь это?” он спросил Теда, который затаился вдверном проеме.

Тед всматривался сквозь стекло. Спустя несколько минут он передал его брату, который поступил точно также. "Нет. Я не вижу."

"Я так не думаю," сказал Кингсли, были нотки победы в его голосе. "Форс, присмотрись? Ближе, ты видишь это? Или болле корректно, разве ты не видешь этого?"

Она взяла лупу и изучила глаза Джордан. На что она смотрела? Что она, как предполагалось, не видела? Это было болезненно. Выражение Джордан было пустым, демонстративно пристальный взгляд. Наконец она заметила это. В глазах Джордан не было зрачков. На их месте, не было ничего, ее глаза были одной простой поверхностью. Она была похожа на куклу.

“Что с ней случилось? Что это значит?” спросила Мими.

Перекошенное лицо Кингсли выливалось в усмешку. "Это значит, Форс, что мы еще не провалились. Наблюдатель жива."

Глава 30

Шайлер

Ожидание было тяжелейшей частью. Шайлер вспомнила, как она сидела в аппартаментах на Перри Стрит ожидая, прямо как сейчас, пока прийдет Джек на их тайное рандеву. Это всегда было похоже на чудо, каждый раз, когда он проходил через дверь. Настолько невероятно, что он принадлежал ей, и что он ждал встречи с ней столько же, сколько она стремилась видеть его.

Это было, как будто она оставила его только вчера, эмоции, которые она испытывала к нему, вызывали головокружение, воспоминания, которые он возвратил, были столь сильны. Она любила наблюдать как он заходил в квартиру. Она помнила, как его лицо вырожало беспокойство, когда он появился в дверном проеме, пытаясь если что быть готовым к разочарованию. Вопрос застывал в нем… Ждет ли она там его? Она так любила его за это. Зная, что он был столь же уязвим, столь же возбужден, как она была. He had never once taken her for granted.

Теперь она ждала его. Он вернется к ней, она так считала. Верила намного больше, чем когда она ждала, сидя на полу в катакомбах в Париже, больше чем когда она сидела на диване в квартире в Нью-Йорке.

Она верила, что он вернется за ней, потому что, если он не вернется, это значит – нет. Нет. Он не может быть убит. Но что если, что если ему навредили? Что, если он лежит где-нибудь в одном из тех темных туннелей, в туннеле, который она не выбрала? что если он был где-нибудь там, истекая кровью и без сознания? Что тогда?

Она не могла даже думать о том, что произошло с Оливером. Она надеялась, что Джек был прав, что Серебряная Кровь оставила его в покое… Кроатан не интересовался людьми… не так ли? Как она могла оставить его? Она никогда не простит себя за то, что бросила его. И теперь, Джек тоже… Джек ушел также. Была ли она обречена потерять их в одну ночь?

Она должна пойти. Она достаточно долго ждала. Джек нуждался

в ней. Она должна была пойти, искать его; она не могла просто ждать не делая ничего. Она подняла с пола факел. Как только она направилась к первому туннелю, она услышала шум позади себя.

Шаги. Она обернулась, размахивая пламенем.

"Не подходи!" провозгласила она.

"Это я, не волнуйся, это всего лишь я." Джек стоял перед нею. Он выглядел нетронутым, невредимым. Ни одной выбившейся волосинки. Ни пореза на его щеке. Его одежда была чистой, и выглядела недавно выглаженной. Он выглядел идеально, как и всегда, и не так, как будто он только что боролся с группой монстров из Серебряной Крови.

Она не опустила факел. Джек ли это? Она вспомнила темно-красные глаза барона. Она сначала не видела Серебряную Кровь, замаскированную под человека. Был ли это Джек Форс или это что-то другое? Другой, изменивший форму враг?

"Как я узнаю, что ты это – ты?" спросила она, держа факел так, как будто он спасет ее от любого создания, стоящего перед ней.

"Шайлер, я только что, еле спас свою жизнь. Ты наверное шутишь," сказал Джек.

"Держись от меня подальше?"

Одна мысль посетила ее: Что если все это часть плана Серебряной Крови? Смертельная уловка? Маскарад? Что, если они планировали, чтобы Джек "спас" ее, таким образом войдя в ее доверие? Прошел год, привязанность изменилась. Как она узнает, что он не был обращен? Они были так далеко от всех новостей шабаша ведьм, что если… что если…

"Шайлер, я не Серебряная Кровь?" сейчас Джек выглядел сердитым, а вены на его лбу вздулись. Его голос был хриплым от криков. "Прекрати это. Тебе нужна доверять мне! У нас не так много времени, мой отец не сможет сдерживать их так долго. Мы должный убраться отсюда!"

"Докажи это!" просвистела она. "Докажи, что ты тот, кто ты говоришь!"

"У нас нет времени на это! Ты действительно хочешь, чтобы я доказал тебе,что это я?" спросил он.

"Да!" спорила она.

В ответ, он взял ее в свои руки, подниvая ее и прижимая к стене. Он вжался своими губами в ее, и с каждым поцелуем она могла заглянуть в его сознание, в его душу. Она видела год ненависти… видела его одиноким, отчужденным, испытывающим боль. Она солгала ему и бросила его. С каждым поцелуем он заставлял ее видеть, заставлял почувствовать… каждую эмоцию, каждую мечту о ней… каждую унцию его ожидания и его потребности… и его любовь… всю его сущность, подтверждающую его любовь к ней.

В темноте они снова нашли друг друга… и она поцеловала его в ответ, так жадно и нетерпеливо, она никогда не хотела прекращать целовать его… чувствовать его сердце напроти ее, они переплетались вместе, его руки на ее волосах, затем внизу на ее спине. Она хотела плакать от переполнивших ее эмоций, которые охватили их обоих…

"Теперь ты мне веришь?" хрипло спросил Джек, на мгновение отделяясь от нее, чтобы они смогли посмотреть в глаза друг другу.

Шайлер кивнула, задыхаясь. Джек. Каждой фиброй своего тела она чувствовала любовь и желание, и раскаяние, и прощение. О, Джек… любовь ее жизни, ее любимый, ее душа…

Но как?

Как он все еще мог испытывать чувства к ней? Он уже должен быть связан со своим вампиром близнецом, не так ли? Она видела приглашения. Мими, в ее белом соединяющем платье.

"Соединение…" прокаркала она.

"Это никогда не произойдет. Я не соеденюсь с моим близнецом."

Он все еще был свободен. Он все еще был самим собой, тот же парень, в которого она так сильно и безвозвратно влюбилась, что даже год врознь, не мог затушить ее любовь к нему. И он все еще любил ее, теперь она знала это. Они смотрели на друг друга, понимая все между ними, которые не была сказанна.

Джек выпустил первый. Он посмотрел на развалины и нахмурился. Серебряная кровь была уничтожена на каменных ступенях, которые вели к выходу на десятый этаж. Шайлер увидел небольшой источник света из отверстия выше

“Это – пересечение. Если мы пересечем его, они не смогут

следовать за нами. Держись,” сказал он, вытаскивая смотанную веревку из сумки Венатора. Он сделал петлю на конце и обвязал вокруг ее талиеи. “Не смотри вниз,” сказал он, увеличивая их, как пару супер героев.

"Подожди! Кто-то есть внизу! Я думаю, я думаю, что это может быть твой отец. Да! Это Чарльз! Стой, Джек!"

Веревка скользила; это была борьба, поскольку их тянули снова вниз, назад к глубинам… и Шайлер могла видеть в далеке Чарльза Форса, борющегося с Левиафаном, демон принимал форму василиска, дракона, и химеры, изменяя форму и насмехаясь над нападавшим с безрадостным ликованием.

“УБИРАЙТЕСЬ ОТ СЮДА!” проревел Чарльз Форс, когда он увидел их, висящих на веревке над ним. “СПАСАЙТЕ СЕБЯ!” И она почувствовала это, почувствовала его свирепую мощь, выбрасывающую их через отверстие, заставляя их лететь в воздухе и выбрасывая их на тротуар. Они оказались на поверхности как раз вовремя.

Позади или внизу, она не была уверена, она чувствовала огромную волну, как будто молния ударила в сантименте от нее. Вселенная колебалась.

Рябь.

Слеза.

Рана.

На мгновение мир был не в фокусе. Шайлер могла видеть необъятность и бесконечность вселенной. Поралельные вселенные. Альтернативные концы. Альтернативные последствия.

Она чувствовала дрожь глубоко внутри себя, так словно каждый атом в их вселенной дрожал, как будто само время было расстроено, как будто сама земля, сам мир, в котором они жили, мог быть разрушен.

Но вдруг, так же внезапно, все вернулось на свое в место. Время зафиксировалось. Вселенная прекратила дрожать. Мир стал тем же, так же как это было раньше.

Шайлер растянулась на тротуаре. Она ничего не чувствовала: ее ноги, ее руки, все оцепенело. Джек лежал на земле около нее. С с

последними силами она доползла до него, аккуратно дотрагиваясь до него кончиками пальцев, он сжал ее руку. Он жив. Ее сердце ликовало. Он жив. Они выжили.

Но ни где не было даже следов Чарльза Форса.

Глава 31

Блисс

“Это – действительно ты? Как это возможно?” спросила Блисс, поражаясь, как хорошо он выглядел. Дилан, которого она помнила, был кожей и костями, но этот Дилан выглядел здоровым. Его щеки были розовыми, и у него опять были ямочки.

“Это – действительно я,” уверял Дилан. “Ты знаешь, развращение превращает вампиров в демонов, срабатывает вытягивая душу через кровь, и со временем что, мм… ты знаешь…”

Блисс кивнула. Когда Посетитель владел ей и высасывал кровь Дилана, она взяла достаточно его духа в себя, так что это изображение оболочки, или поблекшая версия, часть его сознания, жило в ней.

“И так…ты жив?” Блисс спросила.

"В некотором смысле," сказал он. “В этом я могу думать, и я могу все еще чувствовать.”

“Но ты не настоящий, не так ли?” она спросила.

Он печально покачал головой. “Нет. Я не. Не в таком смысле, как ты. Я имею в виду, никто больше не может видеть меня, кроме тебя.”

“Это плохо? Чувствуешь себя странно?” спросила она.

Некоторое время, Дилан только улыбался, это была та самая изогнутая грустная улыбка. “Я не знаю, как объяснить это, но часть меня здесь, с тобой, и другая часть… где-то в другом месте. Я не знаю, но я знаю, что я не полон. Я похож… как… матрица… ты знаешь, как вертуальная личность, пойманная в ловушку в компьютере,” объяснил он.

Он подтвердил то, что она уже знала: то, что было множество, возможно сотни других душ, живущих в ней.

Кроатан безумны, потому что ни один из духов не имеет полного контроля над телом. Они становятся нестабильными и

непредсказуемыми, шизиками, как говорят люди. Обычно это происходит потому что настоящий дух хозяина теряет контроль над собственной индивидуальностью.”

Она дрожала. “Как я.”

“Посетитель. Да. Но ты знаешь о вторжении, что означает, что ты была в состоянии сопротивляться этому. И есть еще кое-что еще, что отличает тебя. Знаешь что это?"

"Не совсем"

"Твои человеческий фамилиар, Морган. Помнишь его?"

Блисс вспомнила симпатичного ассистента фотографа из Montserrat shoot.

"Красная кровь яд для Кроатан, и все же это не навредило тебе. Это означает, что часть тебя все еще не искажена"

"Что ты имеешь ввиду?"

“Я держу их. Охраняю стену,” сказал он. “это – единственное, что я могу сделать. Представь, что есть занавес, который стоит между твоим сознанием и другими. Я – этот занавес.”

“Значит все, что стоит между мной и безумием… ты?” спросила она.

“Да.” Он пожал плечами. "Я".

Блисс улюбнулась. Внезапно она не чувствовала себя больше настолько одинокой. У не был кто-то, с кем можно поговорить, кто точно понял бы, что с ней случилось. “Мне нравится эта возможность,” сказала она.

Она собиралась сказат что – то еще, но была внезапно охвачена гневом, изнурительным первобытным гневом, она чувствовала пену во рту, душашию ее собственной желчи; она задыхалась, согнувшись и сжимая живот, что это было? Что произошло? Почему она была настолько сердита? Тогда она поняла. Это был не ее гнев, не ее ярость. Она чувствовала это, но это пришло не от нее.

"Что случилось?" прошептала Блисс. "Это он, да? Посетитель? Он расстроен."

"Да" ответил Дилан "попытайся не чувствоать это так сильно. Отодвинь на задний план. Не дай его эмоциям взять верх над своими"

Она кивнула, сжав зубы, пытаясь, чтобы шквал сильных эмоций прошел мимо нее.

ГНЕВ! НЕНАВИСТЬ! КАК ЭТО МОГЛО СЛУЧИТСЯ? КТО ВИНОВАТ? Я РАЗРЕЖУ ИХ ГОРЛА И ВЫПЬЮ КРОВЬ ИХ ДЕТЕЙ, ВОРОТА БЫЛИ ТАМ! У НАС В РУКАХ БЫЛ ПРИВРАТНИК! ДОРОГА БЫЛА В ПРЕДЕЛАХ НАШЕЙ ДОСЯГАЕМОСТИ! ИДИОТЫ! ИДИОТЫ!

Она оттолкнула это назад. Нет. Нет. Это не я. Он. Не допускать его. Не допускать его. Не допускать его. Убирайся от меня, из моих мыслей, из моей жизни. Я не ты. Я не ты. Я не ты.

"Он ушел" выдохнув сказала Блисс. Она открыла глаза. Она попрежнему была в музее и Дилан сидел в шаге от нее.

"Хорошо" сказал Дилан "Очень важно что ты держишь его на расстоянии, это значит, что ты не…не дашь ему взять контроль"

"Не дам" Она рассказала ему что в состоянии оставаться, когда Посетитель возвращается.

"Я думаю, он пытается что-то сделать, но у него не получается. Что-то пошло не так. Поэтому он был так зол сегодня."

"Да, но я чувствую, что это еще не все. Ты должна продолжать бороться. Сопротивляйся ему. Оставайся как ты сказала. Смотри и наблюдай. И ты должна будешь действовать, когда придет время." сказал Дилан.

“Но что, если он узнает?”

“Я помогу тебе настолько, насколько я могу. Я обещаю.”

А что насчет тебя. Ты всегда будешь здесь? спросила она его. "Я могу не уходить" ответил Дилан. "Мы связаны"

Можно я? спросила она протягивая руку. Она положила сою руку на его, надеясь. Ноне ощутила ничего. Воздух. Он был воздухом и светом. Дымом и зеркалом. Память. Призрак.

Он был не настоящим. Все было не настоящим.

"Я так хочу поцеловать тебя" шептала она, смотря в его темные глаза. "Но на самом деле тебя нет. Ты не настоящий, верно? Я сошла с ума. Наверное я придумала тебя, чтобы чувствовать себя нормальной." сказала она, и прежде, чем она смогла остановиться,

она начала рыдать. Слезы стекали по щекам. Величина ответственности сокрушила ее. Она не знала, в состоянии ли сделать это. Было много вопросов. Она не могла противостоять Посетителю. Люциферу. Он был слишком могущественным.

Дилан положил руку ей на плечо, она это видела, но не могла почувствовать. Но она слышала его голос. "Все хорошо, Блисс" нежно сказал он. "Все будет хорошо"

Глава 32

Мими

Мими хотела кричать. Загадки и ключи и мертвое тело и сейчас еще другая тайна. Она хотела объяснений и она хотела их сейчас.

"Что ты имеешь ввиду под она не мертва?" она плакала. Но Кингсли и команда были больше заинтересованы исследованием тел Серебряной Крови в данный момент.

Мужчина и женщина. Мими узнала, они были из Комитета. Пара была соседями Форсов на Пятой Авеню. Мой бог, Мими думала, ее сердце выпрыгнет. Скрытая Серебряная Кровь была как террористическая спящая клетка, кто знает, сколько много их было в Ковене? Тэд исследовал рану на груди женщины. Это была марка посередине ее и имела неясный цвет крови. Это было тату в виде меча, проникающего в облако, прямо там, где должно быть сердце.

"Это то о чем я думаю?" спросила Мими.

"Символ архангела". Кингсли кивнул. "Ты видишь золотую корку вокруг раны? только один меч в мире мог сделать это. Михаила."

"Я не понимаю", сказала Мими. "Я не понимаю ничего из этого".

Кингсли закрыл свои глаза в жестокой концентрации.

"Они взяли ее в отеле год назад. По какой то причине, они нуждались в ней живой. Нэн Катлер выжила и выступала в роли бабушки Джордан, скрывая ее в фавеле, где Джордан должна была быть в состоянии оказывать поддержку их детям. Но София знала, что мы приедем, она послала нам записку, сказала детям кому ее отдать. И она знала, что Серебряная Кровь будет держать ее здесь, но я думаю, мы должны были спасти ее. Это то, что она увидела. Это то, почему она послала нас сюда, чтобы предотвратить случившееся. Но почему то ее время вышло. Они решили убить ее раньше, чем она ожидала."

"Но она преуспела в борьбе с ними. Она обнаружила меч

Михаила, который, должно быть, она и искала. Ты знаешь, он был украден из кабинета моего отца. Видимо Серебрная Кровь хотела заполучить его," сказала Мими, размышляя о грабеже. "Так, теперь мы знаем, как были убиты эти двое," сказала она. "Но тогда, что еще случилось…"

"Да. Нэн Катлер вернулась, и это было удивительно. Джордан не увидела, что она вернется," сказал Кингсли.

"Так, Нэн убила ее, ну, или по крайней мере думала, что убила."

"Да."

"Но глазные радужки?, ты сказал, что она не мертва," сказала Мими. "Но Джордан мертва."

"Да. Но Джордан была только физической оболочкой Наблюдателся." Кингсли смотрел на Мими. "Ты действительно ничего не помнишь об этом? Тебе должно быть стыдно."

"Я не должна приносить извинения за что-либо?" Но она чувствовала, что должна.

"Наблюдатель, не совсем одна из нас. В то время, как ее дух не может быть призван кровью для перерождения в новом цикле, существует кое-что, чего не знает Серебряная Кровь. В Риме, когда София стала первой, кто признал Люцифера в Императоре Калигуле, когда ее цикл был завершен, Шабаш Ведьм решил, что она слишком ценна, чтобы быть связанной одной только кровью. Так, Михаил освободил ее дух. Она – больше, чем вампир. Она, как призрак. Она вселяется в тело, в механизм, но она может покинуть его, или поменять все, в любое время.

"Так, значит Нэн Катлер убила ее тело, но у Джордан было время, чтобы перенести свой дух во что-то еще? Во что?"

Кинглси посмотрел за окно, на яркую птицу, сидящую на дереве. "Я думаю, что она перещла в одну из тех трех ар. Интеллегентная птица. Но это должно быть только временным убежищем. Она будет искать Красную Кровь, так скоро, как сможет."

"Так значит, ты говоришь мне… она где-то там? Живет в другом теле?" спросила Мими скептически.

"Да."

Мими сложила свои руки. "Человек. Красная Кровь."

"Да." терпение Кингсли было на пределе. "Они также являются физической оболочкой, как и мы. Человеческий организм."

"И ты знаешь все это, что она все еще жива, только посмотрев в ее глаза?"

"Если бы Наблюдатель был действительно уничтожен, у глаз Джордан не было бы зрачков. Ты знаешь что они говорят… глаза… окна… душа. Должен ли я все это объяснить тебе, Форс?"

Они похоронили Джордан около водопадов. Кингсли сделал крест из двух ветвей и закрепил его на холмике. Четверо встали вокруг могилы, в то же время он сказал несколько слов.

"Мы предаем земле тело Джордан Левеллин, которая несла в себе дух Пистис Софии. Мы просим землю принять ее, и приносим ее с благодарностью, и любовью и горем. Покойся с миром."

Мими и братья Леннокс тихо прошепатли – Аминь.

Позже, они сложили тела мертвых из Серебряной Крови на заднем дворе, и кремировали их. Только, когда первые огни затушил ветер, Мими поняла, что уже стемнело. Солнце село. Больше 48 часов прошло без сна. Мими была вампиром, но прямо тогда, ей действительно захотелось любимой комфортной кровати. Она наблюдала, как огонь поглотил тела и послал искры в вечернее небо.

Все это и все еще никакого Наблюдателя. Так, что если Наблюдатель все еще жива: на сей раз они даже не знали, кем она все еще была, или на кого похожа. Она могла быть любым.

"Куда пошла бы Наблюдатель, чтобы быть в безопасности?" спросил Кингсли. Он говорил сам с собой. "К тому, кто вызвал ее. Но Корделия ушла, а Лоренс мертв, у нее есть только одна надежда на помощь. Алегра Ван Ален."

"Но Алегра в коме. Она не принесет много помощи кому-либо," указала на это Мими. "Только, не говори мне…"

"В распоряжении у Наблюдателя есть и другие средства коммуникации, даже более глубокие, чем наши проникновения, которе были не в состоянии проникнуть за стену, которую воздвигла вокруг себя Габриэлла." кивнул Кингсли. "Кроме того, я чувствую это после года проведенного в трущобах Рима, я уверен, что она чувствует это тоже…"

"Чувствует что?"

"Я думаю, что Наблюдатель хочет того же, чего хочешь и ты, Форс," сказал он мягко. "Что это?"

“Она хочет пойти домой.

Глава 33

Шайлер

Оливер отследил Шайлер и Джека у подножия Эйфелевой башни, он узнал их местонахождение по GPS сигналу телефона Шайлер, который работал в настоящее время, поскольку они находились за пределами острова Сен-Луи. Его костюм был разорван и подпален, казалось год назад, он и Шайлер сошли с этого автобуса. Сердце Шайлер забилось, когда она увидела его. Оливер! Живой! Целый! Это было то, о чем она мечтала

Они оба плакали, обнявшись друг с другом

"Я думала, что ты мертв", прошептала она. "Не когда не делай это снова. Никогда.

"Я могу сказать то же самое тебе", сказал Оливер.

Он сказал им, что после того, как они покинули вечеринку, там творился хаос. Левиафан и Серебряная Кровь начали поджигать все, спаливая верхушки деревьев и деревья, примыкающие в опасной близости от здания. Выглядело так, как будто резня в Рио снова началась. Но потом появился Чарльз Форс и отбил их одного за другим, выводя их за площадь. Потом они исчезли. Было похоже на то, как будто они ушли под землю.

"Да," сказал Джек. "Чарльз отвел их на пересечение. Часть проникновения, в которую Серебряная Кровь может войти, но никогда не выйти. Место между мирами."

"Неопределенность." кивнул Оливер.

"Так что происходило там до этого?" спросила Шайлер, вспоминая сранные ощущения, которые они испытывали.

Джек покачал головой. "Я не совсем уверен. Не зависимо от того, что это было, я думаю Чарльз каким-то образом изменил весь процесс, прекращая неиствоство и восстанавливая ранение. Иначе, не один из нас не стоял бы здесь."

Но Джек не говорил о том, что они и так все знали. В то время,

как Серебряная Кровь потерпела неудачу, не обошлось и без небольшой победы. Чарльз Форс ушел. Он никода не выходил на поверхность, а катакомбы были пусты.

"Так он мертв?" просто (тупо) спросила Шайлер.

"Я не уверен. Я думаю, что он заблудился," ответил Джек.

"Что ты будешь делать?"

"Я пока не знаю," вздыхал он. "Конклав уже не тот, что был раньше. Я не предвижу помощи в будущем от руководства. Но она все, что у нас есть." Джек выглядел опустошенным. "Что на счет тебя? Что ты будешь делать?"

"Бежать," твердо сказал Оливер. "Мы продолжим бегство."

“Ты не можешь бегать вечно, Шайлер. Дрож, твоя болезнь, ты не можешь скрыть это. Это – часть твоего преобразования. Ты должна пойти к специальному доктору, который может помочь тебе. Ты только подвергаешь себя опасности, держась отдельно. Я могу ручаться за тебя в Конклаве. Я заставлю их понять. Они отзовут венаторов. Доверься мне. ты будешь в безопастности в Нью-Йорке. Ты не можешь больше рисковать быть одной. Шабаш ведьм ослаблен и сейчас не имеет лидера, но мы перегруппируем. Возвращайся в Нью-Йорк.”

Вернись ко мне. Джек не сказал этого вслух, но Шайлер услышала это громко и ясно.

Она шаркала ногами. Два парна стояли с обеих сторон от ее, засунув руки в карманы. Подбородок Оливера был почти на его груди, его голова была склонена столь низко. Он не мог смотреть ей в глазах. Джек смотрел на нее пристально. Она любила их обоих, и она могла чувствовать, что ее сердце разрывалосьиз за них. Она никогда не смогла бы в выбрать. Это было невозможно.

Оливер говорил ей продолжать бежать, в то время как Джек хотел, чтобы она вернулась домой. Больше всего, она хотела возвратиться в Нью-Йорк; чтобы остановиться, отдохнуть, оправиться, но она не могла принять решение одна. Как сильно она все еще любила Джека, и как сильно это сделало ее несчастной навсегда, если она оставит его снова, но она хотела считаться с Оливером. Ее нежным искренним другом.

"Что ты думаешь, Олли? Что мы должны делать?" сросила она,

поворачиваясь к парню, который оберегал ее больше года.

Глава 34

Блисс

Это была ночь перед первым днем в школе. Прошла неделя, с тех пор, как появился Дилан, и иногда Блисс была убеждена, что он только снился ей. Хороший сон, но только сон. Но потом, ьон возвращался и разговаривал с ней, рассказывая о тех вещах, которые она не знала (которые никогда не произойдут во сне: так или иначе, она всегда знала, что просто разговаривала со своим подсознанием), и она наконец-то решила, что это был Дилан, с которым она болтала, или по крайней мере его версия.

Она никогда не знала, когда он вернется. Иногда она закрывала глаза и ждала, но ничего не происходило. В другое время, когда она была занята чем-нибудь, заказывала кофе или примеряла обувь, ей приходилось выбраться от туда так быстро, как это было возможно, и найти где-нибудь место, чтобы она могла побыть одна. В тот день она выкладывала свои книги для занятий. Она любила запах новых учебников, и любила пробегаться пальцами по глянцевым страницам. Начала нового учебного года всегда обещало так много хороших вещей. Она была рада вернуться.

"Мне тоже это нравится," сказал Дилан, смотря через ее плечо. Было поразительным для нее, видеть его стоящемя рядом, опиравшимся рукой о стол.

“Боже! Ты испугал меня.”

"Прости. Ловко, вставать перед тобой, ты знаешь. Я должен сделать так, чтобы ты видела меня, хотя сейчас, когда ты знаешь, что я здесь, это легче." Он продолжал смотреть через ее плечо. "Что ты выбираешь в этом году?"

"Обычное. Часть из программы АР (для подготовки к экзаменам при поступлении в университет) и государственное управление. Я могу также попробовать и Индивидуальное Обучение Искусству. (коряво, но перевела, как смогла).

Дилан кивнул и поднялся на край ее стола, так что его длинные

ноги качались над полом. "Хочешь увидеть что-то классное?

"Конечно"

И вот, без предупреждения, Блисс внезапно оказалась с Диланом, сидя на крыше Клойстерса, музея, расположенном на самой верхней части Манхэтана. Конечно, они были там только в ее подсознании, или в его. В реальности, она все еще сидела на своем стуле за своим столом в квартире. Дилан объяснил, что это была его память, перенесшая их туда. Блисс никогда не была в Клойстерсе.

Дилан объяснил, что они могут быть где угодно. Они не обязаны находиться в темной пустоте, ничем не окруженные, или где бы ни была в этот момент Блисс. Они могут идти куда угодно, так далеко, где один из них уже побывал. Это было похоже на то, что у тебя есть паспорт куда-нибудь в их прошлое. И Дилан любил Клойстерс. Вид с крыши был очень захватывающим.

"Ю-хууу," сказала Блисс. "Он вернулся."

Дилан посмотрел через свое плечо на грозовые облака, которые внезапно собрались над городом. Даже в своем отдельном пузыре они не могли избежать Посетителя. "Ты знаешь, что делать," сказал он.

"Я?" спросила Блисс. Но Дилан уже ушел, а Блисс оставила их счастливый момент на крыше.

Посетитель взял контроль на себя, и проскоьзнув в темноту, Блисс стала неподвижной статуей. В то время, как снаружи, ее тело проходило по комнате, отдавая приказы Форсайту. "А Конклав?"

"Барлоу передал решение о том, что Чарльз Форс будет главой Конклава, снова, как только вернется," сказал нервно Форсайт. "Он был весьма непреклонным."

Кобра задрожала, раскрыв свой капюшон. Это было потрясением. Михаил! Они всегда обращаются к Михаилу! Они забыли, кто привел их в Рай! Форсайт тревожно ослабил узел своего галстука.

"Ах, да… и о Париже. Левиафан подтвердил, что в Лютеции болье нет врат. Только пересечение, Левиафан избежал засады в нем. Это было то, почему разрушение не сработало, потому что не было никаких врат для разрушения. Мы были обмануты. Чарльз проложил ловушку для нас. Но Левиафан, выпустив белую смерть на пересечение создал вакуум времени. Левиафана почти затянуло туда.

Но хорошие новости в том, что он верит, что ловушка Чарльза также унижтожила его. Архангел уничтожен."

“Он может доказать это?”

"Нет, мой лорд. Но, с Парижа, не было ни одного признака Чарльза Форса."

"Так. Значит Михаил тоже играл с нами в игры," размышлял Посетитель. "Я был там, ты знаешь, в день, когда она подделал ключ от врат. В день, когда он провозгласил себя хранителем."

"Он хитер, мой лорд. Михаилу никогда нельзя было доверять."

"Ловкач, вот кто он. Но теперь мы знаем. Врата больше не в Лютеции. Он должно быть нашел способ переместить их." Некоторое время Посетитель размышлял. "Решение Барлой должно быть опровергнуто. Но делай это осторожно. Ты должен убедить Конклав, что они не могут двигаться дальше без заполненных позиций. Дух Шабаша Ведьм нуждается в Регисе. Они передумают, поскольку проходят недели и месяцы, а Чарльз все еще отсутствует. Ты должен сначала отказаться, но они надавят на тебя, чтобы ты принял пост. Тебя будут называть Регисом."

“Как пожелаете, мой лорд.”

"Когда все установится, наша настоящая работа сможет начаться. Без Чарльза, без Лоренса, они будут искать нового лидера. Ты должен будешь ступить в пустоту. Они вернуться ко мне. Они будут умолять меня вести их снова, и через тебя, Форсайт, наша настоящая работа может начаться…"

Без предупреждения, Блисс внезапно оттолкнули в пустоту.

“Что случилось?” Дилан спросил. “Почему ты вернулась сюда?”

"Я не знаю… Я расстроена… Он должен был почувствовать что-то…" Она сказала ему то, что слышала.

"Ты должна вернуться туда снова. Сама. Сделай это."

Блисс концентрировалась Она старалась, так силько, как могла. Она прошла сквозь линию, которая отделяла ее от реального мира, заставив себя смотреть на мир так, как делал это Посетитель.

И на этот раз, она была прямо в его сознании.

Но он больше не говорил с Форсайтом.

Вместо этого, она видела то, что он видел. Тела. Трупы. Наваленные друг на друга. Дети, настоящие. Они лежали в аудитории. Они что-то пили. Микстуру. Яд. Смешанный дьяволом. Она видела худого призрачного мальчика, держащего гитару, и красивую, но с твердым взглядом девочку с темными волосами, и другого мальчика, статного и опрятного, и беспокоящегося. Они были всеми, кто стоял противодействуя этому бедствию. Этой резне невинных. Так много детей… Красная Кровь… жестоко убитая.

Затем она увидела демона: он был формой друго мальчика. Хорошо выглядивший ребенок, но с уродливой насмешкой на губах. Он был причиной этого. Другой ребенок Люцифера.

Изображения продолжились, одно за другим: смерть, разрушение, ненависть, война. Работа дьявола.

Затем, так же резко, видения прекратились. Блисс очнулась. Она сидела за своим столом, в одиночестве. Она так дрожала, что уронила свою ручку. Что случилось с Чарльзом Форсом? Был ли он уничтожен, как они думают? О чем они говорили? Какие врата Посетитель хочет уничтожить?

И эти видения, которые она видеал, кем были эти дети? Это было будущее? И что будет делать Посетитель, как только Форсайта назовут Регисом? Что они планируют? Нельзя даже описать тот ужас, который она испытывает. Дилан был прав: она должна найти способ остановить это, что бы это не было, до того, как произойдет.

Она закрыл глаза. "Дилан?" позвала она. "Дилан? Ты там? Где ты?"

Но не было никакого ответа, ни внутри или снаружи.

Глава 35

Шайлер

"Скай, проснись! Просыпайся! У тебя кошмар! проснись? "Шайлер открыла глаза. Она села, одеяла и простыни на кровати выглядели так беспорядочно, как будто был ураган. Оливер сидел рядом с ней, положив руку на ее плечо. "Это был кошмар," сказал он. "Все тот же сон?"

Она винула, положив подбородок на колени. "один и тот же. Постоянно." С тех пор, как она сбежала от Левиафана в ту ночь в Париже, Шайлер снился один и тот же сон, один и тот же – каждую ночь, как будто бы ее подсознание застряло на одном канале, повторяющем одно и то же жуткое шоу.

Она никогда не могла вспомнить о чем он был, только то, что во сне она была переполнена глубокой, больше отчаяния – агонией. В течение многих дней она просыпалась с криком.

"Ты в порядке?" спросил Оливер. Его глаза были опухшими от сна, его волосы взъерошены и грязные, часть из них, на затылке, лежала прямо, такие же мягкие, как маленький утенок как-то так). На нем были одеты трикотажная рубашка Дачезне и фланелевые пижамные брюки, его обычная одежда для сна. Однажды Шайлер поддразнивала о его удивительном школьном духе. Оливер, в дневное время, никогда не одевал ничего со школьным логотипом.

"Я в порядке," сказала она. "Возвращайся в постель."

Они были в капсуле отеля в Токио. Прошла неделя с тех пор, как они покинули Париж. Сначала они провели 3 дня в Берлине. Токио казался безопасным местом, чтобы отправиться туда, таким далеком от Франции, насколько это возможно.

Когда они прибыли в Японию, Шайлер была истощена, даже без сил, чтобы выполнить ритуал, который приободрил бы ее. Она была сверх опустошенной, но после того, как снова увидела Джека, и после того, как испытала все старые чувства, чувствовалось, что лояльность Оливера не простирается на многое. Поэтому она ограничила себя в

том, чтобы выполнить Священное Целование.

На этот раз она хотела взять послушного незнакомца в роли фамильяра, вместо своего друга, но это выглядело как предательство, даже простая мысль об этом. Той ночью в Токио, Оливер отодвинулся, его голова была на подушке, он отвернулся от нее, свернулся калачиком на своей стороне, так же, как всегда это делал. Это то, как они спали, как они всегда спали, с тех пор, как началось их путешествие, на одной кровати, спиной к спине, с лицами направленными на их врагов, буквально прикрывая спины друг друга. Это был способ, который выучил Оливер. Это был способ, которым Проводники защищали своих вампиров столетиями во время войны. Посреди ночи, когда Шайлер просыпалась, она всегда успокаивалась, чувствуя теплоту спины Оливера, давящую на ее спину.

Год сна спиной к спине, никогда не поворачиваясь к друг другу, даже во время ритуала. В кровати, это было бы слишком интимным… как другая слишком сильная вещь, которую они отложили так далеко – невысказанное соглашение – подождать подходящего времени. Потому что, что еще у них было кроме времени? Они были всегда вместе. Это они знали точно.

«Ты не спишь?» спросила Шайлер. Их комната была приблизительно размером с маленький гроб. Она могла только сидеть. Комнаты были небольшими коробками, сложенными друг на друга, со стекловолоконной дверью и занавеской для приватности, и одним окном. Капсулы нравились японским бизнесменам, которые были слишком пьяны, чтобы идти домой. Это была самая дешевое место, которое сумели найти Шайлер и Оливер. Они отдали на хранение свой багаж в лобби.

"Ага."

"Мне жаль, что продолжаю будить тебя. Это должно быть утомительно."

"Ага."

"Разве у тебя нет желания поговорить?"

"ммм…"

Шайлер знала, что Оливер был расстроен. И она понимала, что ему было спокойнее отвечать одним словом. Что-то встало между ними после Парижа. Что-то изменило их легкую дружбу; что-то

вошло в их герметичный небольшой мирок, который они создали.

Шайлер верила, что Джек Форс это часть ее прошлого, которую она оставила в квартире на Перри Стрит, это было концом всего. Но увидев Джека снова, в Париже, она почувствовала, что это еще не конец. Особенно, когда они поцеловались. Она не знала, что думать. Она винила во всем себя, иногда она даже не могла смотреть в лицо Оливеру. Но иногда, когда она вспоминала поцелуй, она понимала, что не может прекратить улыбаться. Это казалось только началом, как обещание яркого будщего, даже тогда, когда будущее стало тускнеть. И каждую ночь, как только она ложилась спиной к Оливеру, когда она закрывала глаза, она мечтала о парне, у которого зеленые глаза, а не ореховые, и начинала ненавидеть себя за это.

Так что если Джек все еще свободен? Что если он еще не связан? Она может сделать свой выбор. И она так сильно любила Оливера, и мысль о том, чтобы быть далеко от него – разбивала ее сердце, разрывая на миллионы кусочков. Она должна перестать думать о Джеке. Том поцелуе. Как начиналась та песня из фильма, который она и Оливер смотрели все время? Поцелуй это просто поцелуй. Вздох это просто вхдох. Это ничто. Это ничего не значит.

Может она была сконфужена, потому что устала перебираться в разные города каждые 3 дня. Может быть это было все, что было. Она так устала от аэропортов и вокзалов, и отелей и примитивности, от переоцененной гостиничной еды. Она скучала по Нью-Йорку так сильно, это было похоже на физическую боль.

Она пыталась забыть, как сильно она любила этот город. Как он всегда делал ее стойкой, как сильно она принадлежала ему.

За окном иллюминатора Шайлер могла видеть городской пейзаж Токио в неоновых огнях: нескончаемые мигающие огни, небоскребы, освещенные как видеоигры. Ее глаза закрывались, она дрейфовала ко сну, когда Оливер внезапно заговорил. "Ты знаешь, когда я отослал тебя с ним в Париже, это было самой трудной вещью, котороу я когда-либо делал,"

Шайлер знала, что он говорил о том, когда он оставил ее с Джеком, а не с бароном.

"Я знаю," сказала она, уткнувшись в подушку.

"Я думал, что ты убежишь с ним," сказал он, обращаясь к стене.

"Я знаю."

Она знала обо всем: она прочла это в его крови, но она понимала, что он должен сам сказать ей. Сказать это вслух.

"Я думал, что никогда не увижу тебя снова." Его голос был спокоен, но Шайлер чувствовала, как немного трясутся его плечи.

О, Оливер… Ее сердце скользнуло к ее горлу, а слезы наполнили глаза. Он так сильно меня любит, подумала она. Я никгода не смогу причинить ему боль. Я не могу. И так, в ответ, Шайлер повернулась и звдвигала рукой по его руке, и переплела их пальцы. Она прижалась грудью к его спине, и ее колени и ноги легли за ним, так, что они лежали, как 2 ложки. Она никогда не делала это раньше, и теперь она интересовалась – почему. Было так комфортно лежать рядом с ним. Положить свой рот на его шею, так, чтобы он смог почувствовать ее дыхание на своей коже.

"Олли, я никогда не брошу тебя," прошептала она, и она знала, что она сказала правду. Она оберегала его сердце.

Но он не отвечал, и при это не оборачивался, даже с намеком на ее объятия. Он держался спиной к ее спине всю ночь, так же как делал это каждую ночь.

Она уснула под равномерный звук его дыхания.

Глава 36

Мими

Для многих людей, Рокфеллер Центр был самим Нью-Йорком.

Сталь, бетон, и стеклянные составляющие в центре города были домом в большом городе среди самых известных и любимых учреждений. На верхнем этаже находилась Радужная Комната, а ниже располагался каток для фигурного катания. Середина сквера была любимым местом для организации художественных выставок, показа гигантских щенков, выполненных из цветущих цветков разной окраски, или установки огромного зеркала, направленного на небо. Даже популярное шоу называлось, как адрес этого здания. Мими всегда любила прогуливаться мимо ярко разукрашенных флажков по пути в Сакс, расположенный через улицу. Но чего многие люди не знали, так это конечно то, что у Рокфеллер Центра была намного более глубокая история.

В вампирских знаниях, это было священным местом, местом, где Михаил в первый раз занял титул Регисса, когда Шабаш ведьм переехал в Новый Мир. Земля была благословлена частью его души, из-за которой вероятно, Рокфеллер Центр стал так популярен среди Красной Крови. Люди, такие же понимающие, какими были, все еще могли чувствовать заряженную атмосферу, окружающую их, наэлектризованный воздух из священной земли. Убежище располагалось прямо там же, где на сегодня располагался почтенный аукционный дом Кристи. Было 9:30 утра, когда Мими прошла через стеклянные двери центрального входа. Аукцион начинался в 10:00, но она не должна быть там, предлагая свою цену за коллекцию.

Она прехала из Рио неделю назад, и пропустила первый день возвращения в школу, чтобы посетить эту церемонию. В Дачезне должены были понять, у нее были обязанности, которые существовали и вне школы. Школа приветствовала близнецов Форс назад после их "творческого отпуска", таким образом они могли начать свой старший класс и закончить среднюю школу. Комитет установил, что молодые вампиры должны заканчить свое обучение прежде, чем присоединиться к другой миссии Венатора, поскольку

они были все еще уязвимыми во время преобразования. Старшие навсегда препятствовали молодым расти слишком быстро, Мими так думала. Даже не имело значения, что она была членом с правом голоса в Конклаве! Нет. Она должна была получить свой диплом.

Она забрала свою paddle (трость?) у охраны и вызвала лифт до публичной аукционной комнаты. Аудитория была наполовину пуста, когда она прибыла. Возможно, дело во времени? Или в большом количестве иностранных покупателей, которые предлагали свою цену в режиме он-лайн через своих агентов, сидящих телефонных будках задних комнат? Мими не была уверена. Она вспомнила, что аукционы социально больше значили в реалии, когда ее родители следили за мероприятием. В приемной бы проходила коктейльная вечеринка, а женщины носили драгоценности, столь же бесценные, как и те, что продавались с молотка.

Она разыскивала несколько из своих коллег, разбросанных по помешению. Конклав длился до семи, но это было все в чем они нуждались для кворума. Джозия Арчибальд внимательно изучала художественный каталог. Элис Витни сжимала свой жемчуг. Эйб Томпкинс зашел и занял место с зади. Аукцион начался бы быстро в десять, и так начнется встреча Конклава. Они прибыли в это древнее место, чтобы выбрать их нового лидера. Форсайт Ллевеллин призвал к Белому Голосованию.

Принятие нового Регисa не было тривиальным вопросом, и никто в Клане/Шабаше ведьм не мог помнить много нового в такой быстрой последовательности. Они были во главе с Михаилом в его различных воплощениях с незапамятных времен, и только в прошлом году Лоуренс Ван Алена занял его место. Но теперь Лоуренс был мертв, Чарльз Форс отсутствовал, и Форсайт предлогал себя на это место.

(как-то так)

Мими выглядела удивленно, когда двое из участников, Минерва Моргана и Амброуз Барлоу, вошли в комнату и помчались в ее направлении. Минерва и Амброуз были среди самых старых живущих вампиров их цикла, и в то время как умы вампиров не теряли свою точность, плоть их старела, как и люди. Что хотят эти два морщинистых старикашек?

“Маделин,” сказала Минерва, садясь рядом, “Амброуз хотел бы

показать тебе кое-что.”

Амброуз Барлоу аккуратно вытащил конверт из кармана пальто. Он был свернут в четыре раза, и когда Мими открыла его, записка внутри была смята, а бумага такая тонкая, как будто ее постоянно перечитывают. Остерегайтесь Форсайта Левеллина. Он не тот, кто вы думаете.

Она была подписана «Друг». Мими передала ее обратно Амброузу с отвращением. Ее отец говорил ей – никогда не уделять внимания анонимным запискам.

"Ты думаешь это правда?" спросила Минерва.

"Я не знаю. Я не уделяю много внимания такго рода вещам," фыркнула Мими. "Возсожно это только розыгрыш."

“Но зачем кому-то посылать это? Очевидно это – кто-то из нас. Но кто? И почему? И почему посылают это Амброузу? Он удалился из Конклава уже по крайней мере около пятидесяти лет назад. Плюс, у Форсайта нет никаких врагов, и он – единственный, кто держит нас вместе,” сказала Минерва, взволнованно. “Разве ты не думаешь так, Амброуз?”

Амброуз Барлоу кивал. “Я соглашусь, анонимные письма – работа трусов. Но так или иначе я чувствую, что мы должны обратить внимание на этот. Это – странное время для нас… и с так много изменений происходит…”

Мими заметила, что Форсайт Ллевэллин проскользнул в комнату, и они прекратили говорить. Сенатор выглядел особенно здравым и еще более напыщенным чем обычно, особенно если учесть, что случилось с его семьей не так давно. Он увидел их троих, сидящих вместе, и сел рядом с Амброузом.

"Здравствуй, здравствуй," поприветсвовал он, поэтому Амброуз свернул записку и быстро положил ее в свой карман.

"Здравствуй, Форсайт. Я только что говорила Маделайн, что я все еще не понимаю почему мы должны сделать это так скоро," сказала Минерва. "Уверена Чарльз вернется и назовет Регриса, поскольку он все еще жив. Мне это не нравиться. После произошедшего в Париже, я думаю, что это поспешно для нас."

“Дорогая Минерва, я действительно слышу Ваше беспокойство, но меня беспокоит – то, что после того, что случилось в Париже,

время является теперь существенным. Мы не можем бездельничать, как мы это делали” сказал Форсит.

Минерва проворчала, в то время как Мими сдерживала выражение лица нейтральным. Бумаги Красные Крови были переполнены кровавыми историями о несчастье в Париже, ни один из вампиров не был убит или поврежден, но были несколько человеческих фамильяров, которые были растоптаны во время бунта. За это ответственность положили на неимеющий лицензию тайский цирк, неспособный управлять его животными, и нарушениями пожаробезопастности, где так много людей.

Джек рассказал Мими реальную историю, когда он возвратился на следующую ночь, и как Чарльз остановил худшее из этого. Но даже с усилиями Чарльза, отель Ламберт едва избежал быть сожженным до основания. Новые владельцы были рассержены и угрожали забрать свое предложение, но были успокоены графиней, которая предложила им часть исторической обстановки бесплатно.

Близнецы решили, что они не будут разделять новости об очевидной смерти Чарльза с Кланом/Шабашем ведьм. Джек продолжал полагать, что независимо от свидетельств, их отец жив, и Мими согласилась, что это было бы лучше, если бы все продолжало думать, что Чарльз спецыально держиться отдельно. Лучше всего не начать панику; Голубая Кровь была достаточно нервной, как это бывает.

Сеймур Корриган вошел в комнату, с извиняющимся видом за его почти-опоздание. Они все отчитывались. Семь стражей, символизирующих настоящие семь семей, как диктовала традиция.

Аукционист, трезво-выглядящий человек в синей блейзере и красном галстуке, шел к подиуму. “Приветствую, мои хорошие дамы и господа, на распродаже Импрессионизма и Современного искусства,” сказал он. Аудитория вежливо хлопала, и экран позади него показал портрет Kurt Cobain, увековеченный в ярком, цвета драгоценного камня. Мими думала, что это было похоже на одно из тех изображений из молитвенника. Рокер Grunge как святой. “Сначала, Элизабет Пейтон. Предложение открытия составляет пятьсот тысяч долларов.”

Глава 37

Шайлер

Они были в Сиднее, когда это произошо. Прямо в Китайском квартале, в небольшой аптеке, где продавался натуральный зеленый чай, который нравилось пить Шайлер по утрам. Дрожь началась в ногах, затем в руках, затем все ее тело забилось в конвульсиях и она упала на пол, роняя деньги, которые она держала, так как она корчилась и валялась на холодной плитке, покрытой линолеумом.

"Отойдите!, все в порядке – она… она эпилептик!" сказал Оливер, отталкивая всех подальше. "Просто освободите пространство, чтобы она могла дышать! Пожалуйста! Это пройдет."

Было странно для Шайлер не быть в состоянии управлять своим телом, найти, что оно было против ее желаний, словно его охватило злым духом. Она чувствовала, словно наблюдает за собой со стороны, как будто это былоне с ней, с другой девушкой, которая лежала на полу, в то время как ее руки и ноги перемещались рывками, и из ее рта шла пена.

“Простите, я сожалею,” она шептала, когда это наконец остановилось. Судороги прекратились, не смотря на то что она даже не двигалась, ее сердце все еще бешенно колотилось.

“Все хорошо. Ты в порядке,” сказал Оливер, мягко помогая ей встать, подставляя ей свое плечо, чтобы опереться.

“Здесь… вода,” сказал владелец магазина, поднося бумажный стаканчик к ее губам. Шайлер была благодарна за полные доброты глаза этого человека и других клиентов. Она продолжала опираться на Оливера, когда они вышли из магазина и пошли к автобусной остановке, где уже ждал автобус обратно к Рокс.

“Это было плохо,” сказал он, заплатив за проезд как студенты плату, и занял места в хвосте.

Он был добр. Это был вероятно худший эпизод, который она испытала. Массивная головная боль, пена изо рта почти задушили ее… Что доктор Пэт сказал во время ее последнего посещения? То,

что сила вампира была подарком, но в ее случае было также бремя. Ее человеческое тело рассматривало преобразование как болезнь, как что-то, от чего оно хотело избавиться…

“Ты уверенна, что ты в порядке?” спросил Оливер снова, поскольку Шайлер наклонилась вперед и оперлась головой в руки.

“Я в порядке,” сказала она. ‘действительно.” Это была последняя вещь, которую она сказала прежде, чем она упала в обморок.

*** * ***

В гостинице, ощущяя себя намного лучше, Шайлер сидела на небольшом балконе вне их комнаты, обернутой в купальный халат. В крошечной кухоньке Оливер добавлял последние штрихи к своему карри. Он принес дымящууся тарелку с ложкой и поставил это перед ней. Они оба учились готовить, во время их побега. Специальность Оливера была индийским bananaand-куриный карри, в то время как Шайлер понравилось делать интересные смеси из пасты и независимо от того, что она могла найти в холодильнике. (Иногда Оливер говорил, что они были слишком интересны.)

“Спасибо,” сказала она, с удовольствием беря теплую тарелку желтого карри и риса. Она поднесла ложку к своим губам и подула на нее, чтобы не обжечь язык.

Снаружи, парусные лодки и катера усеивали гавань Сиднея. Океан был цвета глубокой морской волны, мало чем отличался от глаз Джека, она думала, а затем остановила себя. Она не будет думать о нем, о том что он делает, или скучает ли он по ней. Она сосредоточилась на своей еде. Оливер наблюдал за ней через стеклянную дверь.

У него был тот взгляд на его лице, и она знала то, что это означало. Он вышел, поставил чашку чая рядом с ней, и сел на один из пластмассовых стульев.

"Скай, нам надо поговорить."

“Я знаю, что ты собираешься сказать, Олли, но ответ нет.” Она

сделала глоток чая. Удивительно, после того, что случилось, Оливеру все еще удалось быть твердым. Он действительно был хорошим Проводником.

“Скай, будь разумной.”

“Я не разумна? Они собираются поместить нас в тюрьму, или не важно, что они делают людям как мы.” Шайлер пожала плечами. Она знала наказание за уклонение от правосудия Конклава: тысяча лет Изгнания. Ваш дух запрут в коробке. Но что, если она не была бессмертна? Что они сделают с ней тогда? И что случиться с Оливером?

“Ты слышала, что сказал Джек. У Конклава есть проблемы побольше прямо сейчас чем мы. Кроме того, возможно на сей раз они поверят тебе. Огонь в отеле Ламберт был во всех газетах, и европейское Конклав готов к борьбе, у них есть свидетели, которые видели Левиафана! Они не могут отрицать это больше.”

“Даже если они поверят мне сейчас, они не позволять нашим действиям остаться безнаказанными. Ты знаешь это лучше меня,” сказала Шайлер.

“Да, но это было, когда Чарльз Форс был Регисом. Прямо сейчас никто не возглавляет Конклав. Они напуганы и дезорганизованы. Я думаю, что безопасно поехать домой.”

“Напуганные люди делают худшие суждения,” настаивала Шуилер. “Я не доверяю организации, которая сделала политику из страха. Как насчет тебя? Ты – также предатель, ты знаешь. Что относительно твоих родителей? Они пойдут после них.”

Пока семья Оливера была оставлена в покое, кроме их каждого движения, прослеживаемого Венаторами: телефоны прослушивали, счета анализировали. Родители Оливера сказали ему во время одного из их редких телефонных звонков, что они не могли пойти в Dean amp; Deluca, не чувствуя, что за ними наблюдали.

Оливер глотнул из своей большой банки Foster’s. "Я думаю, мы можем их купить".

Шайлер взгромоздила пустую чашку в пустую миску. "Прости?"

"Откупиться от них. Конклаву нужны деньги. Они практически сломлены. Мои родители на плаву. Я могу купить мой выход из этого положения, я знаю, что могу ".

Почему она спорила? Оливер говорил ей то, что она хотела услышать, что они могут вернуться домой, и все же она испугалась.

"Я не хочу идти"

"Ты врешь. Ты хочешь поехать домой. Я знаю это. И мы поедим. Конец дискуссии." сказал Одивер.

"Я забронировал билеты на следующий рейс. Я больше не хочу ни чего слышать".

Оливер не разговаривал с ней весь вечер. Она заснула с болью в шее от напряжения. Почему она так упряма, спрашивала она себя засыпая. Оливер хотел только лучшего для нее.

Почему ты так упряма?

Шайлер открыла глаза.

Она была в Нью-Йорке, в ее спальне. Поблекшая бродвейская Театральная афиша, с загнутыми от времени углами, закрывала желтые стены.

Ее мама сидела на ее кровати

Это был сон. Но не обычный. Сон о ее матери. Она не думала о ней много. У нее даже не было времени попрощаться с ней, когда она покинула Нью-Йорк год назад.

Это был первый раз, когда она видела свою мать с тех пор, как Аллегра появилась на Корковадо, держа меч.

Аллегра посмотрела на Шайлер серьёзно

“Ты знаешь, что он прав. Проводники всегда правы. Ты не можешь так жить. Без надлежащего ухода и заботы преобразование убьет тебя. Ты не можешь рисковать своей жизнью как сейчас.”

“Но я немогу вернуться домой,“ сказала Шайлер. “Как бы я не хотела, я не могу.“

"Нет можешь."

"Я не могу! Шайлер потерла глаза.

“Я знаю ты боиштся того, что случится, когда вернетесь. Но ты должна взглануть страху в лицо, Шайлер. Если ты и Аббадон предназначены друг другу, то нет ничего, что кто-нибудь, не он, не даже ты, может сделать, чтобы разлучить вас.”

Ее мать была права. Она не хотела возвращаться домой, потому что тогда Джек будет очень близко. Джек, который был все еще свободен… Джек, который целовал ее так неистово… кто мог все еще быть ее… Но если она будет держаться подальше, то она не будет испытывать желание видеть его и предать Оливера.

"Ты не можешь быть с кем-то только потому, что не хочешь причинить ему боль. Ты должна подумать о собственном счастье", сказала Аллегра.

“Но даже если мы будем вместе, то это убьет Джека,” сказала Шайлер. “Это против Кодекса. И он ослабеет…”

“Если он рискнет, чтобы быть с тобой, кто ты, что бы говорить ему, что делать с его жизнью? Посмотри на меня. Посмотри, как многим я рисковала, что бы быть с твоим отцом.”

“Мой отец мертв. А ты в коме. Я фактически росла сиротой,” сказала Шайлер, даже не пытаясь не непоказывать горечь в своем голосе. Она никогда не знала своего отца, он умер прежде, чем она родилась. Что касается Алегры? ну, не было больше отношений, которые мог иметь кто-нибудь с живым трупом, ну вот. Скажи мне, Мама, это стоило этого? Стоила ли твоя "большая" любовь к моему отцу, того что случилось с твоей семьей?”

Она не могла остановить себя и не говорить гадости. Но все выливалось из нее после стольких лет одиночества.

Она любила свою мать, да любила. Но она не хотела ангела, который только казался раз был в жизни, чтобы дать ей магический меч. Шайлер хотела реальной матери: той, кто был там для нее, когда она кричала, кто поощрял и подталкивал и раздражал ее, немного, только потому, что о ней заботились. Она хотела кого-то обычного. Как мама Оливера. Она понятия не имела, как госпожа Хазевей-Пэрри узнала, где они будут, но каждые несколько месяцев, в гостинице их ждала посылка, с конфетами и новыми носками и вещами, они даже не знали, что будут нуждаться в таких вещах, как фонарики и батарейки.

Аллегра вздохнула. “Я понимаю твое разочарование во мне. Я надеюсь, что однажды ты поймешь и простишь. Есть последствия для каждого действия. Это верно, я сильно, очень сильно сожалею иногда. Но без твоего отца у меня никогда не было бы тебя. Я была с тобой только в течение такого короткого момента времени, но я

дорожу каждым моментом, с тобой и твоим отцом. Если бы я могла выбрать, я поступила бы точно так же. Так что, да. Это стоило этого.”

“Я не верю тебе,” сказала Шайлер. “Никто в нормальном уме не выбрал бы такую жизнь.”

“Так или иначе, вернись домой, дочь. Я жду тебя. Возвращайся домой.”

Глава 38

Мими

Когда Мими открыла глаза, аукционной комнаты уже не было, и она была в Хранилище, в маленькой комнате с 4 стенами, сделанными из цветного стекла. Конечно, в подсознании, оно никогда не было разрушено.

Она стояла в кругу с пятью другими участниками; Форсайт, седьмой, стоял посередине. Они были одеты в длинные черные одеяния. Как группка жнецов (англов смерти), подумала Мими. Большая часть Голубой Крови просочилась в поп-культуру, но закрутила и лишила их уравновешенности.

"Привествую всех," сказал Форсайт Левеллин, выглядя очень надутым и самодовольным. Совершенно естественно, подумала Мими, так как он занимал самый высокий пост на земле, в качестве главы секретного правительства, о существовании которой Красная Кровь не знала. Его работа сенатором была полностью формальной. Мими слышала, что он только поверхностно работал, помогая разрешить финансовый кризис, охвативший всю страну. Мими не была полным служащим членом Конклава, когда был избран Лоренс, и у нее было смутное представление о слушаниях.

Сеймур Корриган сделал перекличку и начал церемонию. "С ранних дней этого мира, наш Регис держит душу Шабаша Ведьм в его сердце. Но прежде, чем выбрать его, он должен быть благословен этими Семью, и таким образом, сегодня, мы собрались здесь, для благословения."

Это была церемония, которая пришла к нам из Древнего Египта. Кроме того, в это время, не было никакой фальшивой козлиной бороды, никакого волшебного скипетра, никакого символического кожаного кнута, никакой короны из страусиных перьев. Но основные принципы оставались все те же.

Страж Корриган начала голосование, называя великие дома по именам на их Священном Языке.

"Что скажете вы, Домус Магнитификат? Дом Богатства представлял Джосиа Рокфеллер Арчибальд, чья семья построила центр, на котором они стоят.

"Мы говорим – да," пробормотал он.

"Что скажете вы, Домус Септем Санктимониалис?"

"Мы говорим – да," сказала Элис Уитни, которая была последней из линии Дома Семи Сестер.

"Что скажете вы, Домус Веритас?"

Конечно Венаторы были представлены на совете, но Мими было любопытно – почему Эйб Томпкинс говорил за них. Он не был активным Венатором много лет.

"Мы говорим – да," ответил старый Эйб.

"Что скажете вы, Домус Препозито?"

Дом Стюартов всегда назывался так, потому что был ближе всех к Регису. Левеллины, в настоящее время, удостоились этой чести.

Форсайт Левеллин улыбнулся. "Мы говорим – да."

"Что скажете вы, Домус Стелла Акилло?"

Дом Северной Звезды был одним из самых больших благотворителей художественных программ в стране. Амброуз Барлоу нервно посмотрел на Минерву Морган. Он склонил свою голову и прошептал, "Да."

Осталось только 2 дома. Мими чувствовала беспокойство, рядом сидящей Минервы Морган.

"Что скажете вы, Домус Домина?"

Дом Серой Дамы. Дом Смерти, но никто не называл его так. Семья, которая отвечала за записи, за циклы возрождения и изгнания.

Минерва Морган не ответила.

"Домус Домина?" откашлялся Сеймур Корриган. "Домус Домина?"

Минерва Морган вздохнула. "Да."

"Домус Ламия говорит – да," сказал Страж Корриган, немного угрюмо.

Дом Вампиризма; древнейшее название, и глава Конспирации.

Мими подготовила себя. Она была следующей.

Страж Корриган откашлялся.

"Что скажет Домус Фортис Валериус Инкоррупутус. Дом Чистой Крови, Неразвращенного, Отважного и Сильного, Защитника Сада, Командующего Армией Бога? Что вы скажете?"

Это была линия Михаила. Линия Гавриилы. Линия Ван Аленов, называемая сейчас Форс. Мими повысила свой голос.

"Мы говорим…" она вздрогнула. Она подумала о неуверенности Минервы Морган. Амброуза Барлоу, который был так стар, что они все думали, что он дряхлый старик. И все же она принес ей тот кусочек бумаги. Они рассчитывали на нее. Анонимная записка, но важная. Они были правы. Они не могли игнорировать это сообщение.

Мими внезапно поняла, что Амброуз и Минерва не могли сделать это сами, но очень хотели этого от нее. Она была молодой, но она безусловно их превосходила. Она представляла дом, который вел этот Шабаш ведьм бессмертных из столетия в столетие.

Дом, который теперь лишался власти, из-за их неверия и непонимания. Она не думала об этом до сегодняшнего дня, но это внезапное поражение дома, они что, только что собрались передать Шабаш ведьм Форсайту Левеллину? В любом случае, кто такой этот Форсайт Левеллин? Мими просмотрела свои воспоминания.

Незначительный ангел. Незначительный божок. Стюард. Он не был Регисом.

Она могла сделать это. Она боролась с Серебряной Кровью и отправила их обратно в преисподнюю. Она бы встала тогда, когда друге не смогли.

"Дом Чистой Крови хотел бы выразить возражение на эти действия," сказала она ясно и уверенно.

"Возражения?" Сеймур Корриган выглядел смущенным.

"Мы говорим – нет." сказала Мими.

"Нет?" спросил снова Корриган.

"Нет." В этот раз более убедительно.

Форсайт, со своей стороны, выглядел невозмутимо.

«Я просто не понимаю, почему мы должны передать дух Шабаша ведьм новому лидеру, когда мой отец все еще жив?» Вышла из себя Мими. Она глубоко вздохнула. «Поэтому, я должна возразить.»

«Белое Голосование должно быть единодушным,» сказал Страж Корриган встревожено. «Мы не можем отдать Шабаш ведьм на хранение Форсайту, если это не единодушное решение 7 семей.»

Он выглядел потерянным, в то время, как Амброуз и Минерва выглядели облегченными. Все остальные обращались к Форсайту за руководством.

Мими заметила это, Белое Голосование или нет, он уже был их лидером.

"Мы будем ждать установок, поскольку это желание Стража Форса," сказал Форсайт гладко. "У меня нет желания принять роль, в которой не все со мной согласны. Я также обеспокоен исчезновением Чарльза. Мы будем ждать."

Один за другим они заходили назад на слушание в аукционной комнате. Мими поняла, что она все еще держит свою руку вверх, так как она использовала свой дар.

Аукционист подарил ей блестящую улыбку. "И портрет де Фамм (Франсуа Гилот) переходит в… руки красивой молодой леди на первом ряду.

Она только что купила Пикассо.

Глава 39

Блисс

Окончание семестра в Дачезне всегда проходило одинаково, все было так же, как сто лет назад, предполагалось, что таким образом студенты более спокойны и ознакомлены с ритмом жизни частной щколы.

Это началось с последней неделей августовской ориентации, когда над поступающим новичком мягко издевались его выпускники – мучители с бритьем кремового пирога, бросая спор во внутреннем дворе, и бросаясь воздушными шариками с водой с балконов, и эпической игрой в Убийцу. В последний день ориентации была торжественная презентация классных колец и распевание школьной песни, достигающая высшей точки во внеучебной вечеринке после закрытия на крыше главного мужского корпуса, когда первый роман за Май – Декабрь расцветает, как правило между "старшей девочкой" (так школа называет старших девушек) и "новеньким мальчиком" (парень – новичок), и нет, как многие думают, другого способа.

Блисс поднималась по лестнице в главное здание, кивая к парочке знакомых лиц. Все были еще с легким летним загаром их Хемптона или Нантуки, девушки, не готовые променять летние платья и сандалии на шерстяные кофты и юбки в клеточку, в то время как парни щеголяли своими рубашками из тонкого сукна и с галстуками на боку, перекинув через плечо свои жакеты.

Блисс слышала, что близнецы Форс тоже вернулись в школу. Она должна была попытаться связаться с ними как можно скорее. Мими и Джек должны помочь ей. Она шла в раздевалку, читая имена, выгравированные на каждой металлической пластинке, она поняла, что имена Шайлера и Оливера отсутствуют. Это растроило Блисс. Она узнала наконец, что случилось с ними, Конклав сомнивался в версии Шайлер о смерти Лоуренса, и эти двое решили бежать от правосудия в лице Венаторов.

Но почему-то она действительно не верила, что они сбежали. В течение дня она надеялась увидеть Оливера, сидящего на батарее в ее

классе Европейской Истории, или Шайлер, разглядывающую ее глиняные горшки на уроке Независимого Искусства. Блисс шла к своему третьему классу перед обеденным перерывом, Древние Цивилизации и Рассвет Запада. Первая неделя школы была времем для посещения магазинов, пока студенты прыгали из класса в класс, решая, какие предметы им выбрать.

Название урока звучало интригующе, смесью истории и философии, изучая греков, римлян, и Египтян. Она села в среднем ряду, рядом с Картером Тукерманом, от него всегда пахнуло бутербродами с яйцами, которые он ел на завтрак.

Учитель был новичком, непохожим на учителей в Дачезне. Большинство учителей были в школе всегда, это выглядело так. Мадам Фрэли преподавала французский язык, и студенты были убеждены, что она в школе с 1880-ых. (Возможто, так как Мадам была Голубой Крови.) Or else they were recent college grads, kids who had somehow flubbed their Teach for America applications and were stuck with a bunch of preppie brats instead of needy hardship cases.

(не могу перевести)

Эта была другой. Мисс Джейн Марри была розовощекой крепкой женщиной раннего среднего возраста, с яркими красными волосами и румяным ирландским цветом лица. Она носила юбку из шотландки и желтую рубашку и жилетку с рисунком ромбиков. Ее волосы были подстрижены "под пажа", и ее синие глаза светились, когда она говорила. Мисс Марри (она написала это на доске, и это была несомненно "мисс" не "госпожа" (Она пошла к мисс Портер, и в ее уме леди не вызвала гудящий звук), не была похожа, что она была со времен эры динозавров, также она не имела пугающий вид университетской почты.

“Это – смешанный факультативный класс, и он будет в виде семинара, что означает, что я ожидаю, что мои студенты будут участвовать в обсуждениях и не только спать на ходу или цытировать друг друга. Я не обещаю развлекать вас, но Вы можете наскучить друг другу, если не отобразите ваши собственные мысли и идеи на доске,” сказала она радостно, озираясь с веселой улыбкой.

Когда подписной лист подошел, Блисс решила подписатьсь своим именем под списком, заметив, что почти все в комнате уже сделали это. Блисс могла прочесть реакцию в комнате: Мисс Мюррей

собиралась стать неотъемлемым новым дополнением в жизни Дачезне.

Прозвенел звонок, и пока Блисс собирала свои вещи, она подслушала двух девушек, оживленно говорящих, так как они проталкивались к выходной двери.

"Господи, наш год в старших классах будет потрясным!" сказала Ава Бретон.

"Точно!" провизжала Хейли Волш. "лучшим!"

Год в старших классах будет потрясным. Что за забавные сантименты, подумала Блисс, так как она шла следом за ними на выход. Это будут лучшие годы в их жизни. Господи, надеюсь, что это не правда.

Пока что юнность Блисс была вылажена на всеобщее обозрение и точно неприятно. Она окунулась в новый город, обнаружив, что она вампир, влюбилась и потеряла свою любовь, все за один сумасшедший год. А теперь она провела прошедший год, будучи одержимая демоном, который, между прочим, был еще и ее отцом, как это работало она понятия не имела.

Посетителя не было большую часть недели. А после того, как Блисс бросила взгляд на адскую бездну, которая была его подсознанием, она была рада, что он был далеко. Его образы приносили ей только ночные кошмары.

Она едва могла заснуть, не думая о том, что видела. Намного хуже, что Дилан не возвращался с того рокового дня. Она продолжала надеяться, что он где-нибудь внезапно найдется, или еще раз заберет ее на Клойстерс, но там была только тишина. Это было похоже на то, как будто бы она осталась совершенно одна в своем подсознании, и она знала, что это было не так.

В три, наконец-то, Блисс освободилась от школы и пошла домой. Она зашла в квартиру и обнаружила упавшего Форсайта за кухонным столом, окруженного пустыми бутылками от алкоголя, и ошеломленно выглядившуюженщину на драпированной кушетке. Обычно он был более осторожнен со своими фамильярами, а Блисс отвела глаза.

Он вскочил, когда она пришла, посмотрел смертвенно-бледным лицом. Он смотрел на нее со страхом.

"Что случилось?" Спросила она. "Что произошло?"

Как только она заговорила, смотритель успокоился. "Ах, это только ты," все, что он сказал. Потом он налил себе пинту виски в пивной стакан и выпил залпом. Для вампира, он был под воздействием алкоголя. Bliss посмотрела на него, затем поднялась в свою комнату и закрыла дверь. Она должна сделать домашнее задание.

Глава 40

Шайлер

Джек был прав. Когда Шайлер и Оливер вернулись в Нью-Йорк, в аропорту JFK не было ожидающих Венаторов, чтобы арестовать их. Однако, ни один из них не собирался довериться членам Конклава в близжайшее время. План состоял в том, чтобы держать возвращение Шайлер в тайне, пока Оливер будет заверять Конклав о том, что Шайлер оставила его, поэтому он смог вернутся к своей семье. Надеемся, что Старейшие поверят ему на слово, вместо того, чтобы передать его Венаторам для выявления правды. Это был риск, на который они должны были пойти, но Оливер был уверен, что он сможет доказать правдивость своей истории.

Оливер не очень сильно жаловал их идею об отчуждении, но Шайлер убедила его, что это единственный способ для обеспечения их свободы в Нью-Йорке.

Аэропорт Кеннеди, как обычно был в хаотичном беспорядке, так он вывел их через шумный терминал, ища автобус, который довезет их до метро.

"Добро пожаловать домой." зевнул Оливер и почесал свою щетину.

Это был 20-ти часовой полет из Сиднея. Было совсем не забавно на маленьком сидении в эконом классе. Они сиделе посереди пятиместного кресла, между парочкой, проводящей медовый месяц, которая шумно целовалась весь полет, и группой туристов справа, которые заигрывали с бортпроводницами, прыгающими с их заказанными коктейлями.

Оказавшись на улице терминала, Шайлер глубоко вдохнула и улыбнулась. Они приехали в середине сентября, и погода была еще мягкая, только слабый оттенок холода воздухе. Осень была ее любимым временем года. Шум города, водители лимузинов, разыскивающие своих пассажиров, длинная линия желтых такси и их диспетчеры лающие на всех, чтобы поторапливались. Было очень приятно вернуться.

Они зарегестрировались в неописуемой гостинице на шоссе Вест Сайд, в одном из тех огромных учреждений, которое было заполнено утомленными бизнес-туристами. Комната выглядела, как освещенная шахта, и с шумным кондиционером. Тем не менее, Шайлер впервый спала спокойно за месяцы.

На следующее утро, Оливер отрапортовал Конкславу свою историю, полностью отдавая свою жизнь сообществу Голубой Крови. Как он и предпологал, как только Конклав получила намек на то, что действительно предлагал (деньги), больше не было никаких вопросов.

Позже, вернувшись в их гостиницу, он сказал Шайлер, что стражи даже не выглядят озабоченными ее исчезновением, или предписанием любых дисциплинарных мер. То, что случилось в Париже, изменило игру. Это вынудило Конклав пересмотреть свои действия относительно возвращения Левиафана. С этим делом, у них появилось намного больше проблем, и она больше их не заботила. Или, так это выглядело.

"Тогда, ты готова идти?" спросил он. Он договорился для нее о встрече в клинике доктора Пат. Патрисия Хазард пользовалась наибольшим доверием у Конклава и также, получилось так, что она еще и тетя Оливер. "Чем занималась, во время моего отсутствия?"

"Ничем. Я взяла яйцо и сыр, и кофе в гастрономе через улицу. Затем я прочитала Пост," сказала ему Шайлер. "Это был рай."

Доктор Пат сделала ремонт. В последний раз, когда Шайлер была там, офис выглядел, как лобби (прихожая) – очень белый, очень минималистичный, слишком современной гостиницы. На сей раз офис напоминал причудливый, но невероятно забавный дом. Там были кристалические витрины заполненные стеклянными глазами. Было кресло для отдыха, выполненное из фигурок животных, которые были сшиты вместе; это было мило – на грани сумасшествия. Венецианские зеркала вислеи на стенах, а броские меха были свернуты на белых диванах. Он все еще был похож на вестибиль гостиницы, но на этот раз, вместо ледяной королевы, ожидалось появление Вилли Вонка.

"Хей, доктор Пат, что здесь произошло?" спросила Шайлер, так как она следовала за хорошим доктором в комнату для анализов (которая на ее радость, была все еще похожа на стандратную комнату

для анализов).

"Я стала уставать от всей той чистоты. Белое – действиетльно трудно поддерживать." улыбнулась доктор Пат. "Оливер, твоя мама хочеть знать, что ты хочешь на ужин," сказала она своему племянику, прежде чем закрыла дверь.

Доктор Пат приходила в их гостиничный номер прошлой ночью, чтобы сделать полную физическую экспертизу Шайлер, взяв образцы крови, она попросила, чтобы Шайлер приехала за результатами в ее офис.

"Нуу. Что со мной не так?"спросила Шайлр прыгая на стол.

Доктор Пат обратилась к своей таблице. "Ну, все твои кровяные показатели вернулись к норме как для человека, так и для вампира. Кровяное давление, щитовидная железа, все. В норме ".

"Но должно быть что-то."

"О, есть." Доктор Пат положила клипборд и прислонилась к стене, скрестив руки. "Изоляция не идет на пользу для бессмертной души," сказала она. "Ты должна находиться среди своего вида, ты была далеко слишком долго. Твое тело стало напряженным, токсичным."

"Это все?" спросила Шайлер. "Это и есть причина по которой я так больна в последнее время? Потому что я была далеко от других вампиров?"

"Это сранно звучит, но да." Доктор Пат вивала, показывая на стетоскопе. "Кровь призывает такую же кровь. Ты была одна, подвергалася напряжению, и отчуждалась из общества вампиров. Мой племяник сказал мне, что вы попали на Бал Вампиров в Парижн. Ты чувствовала себя лучше, когда была там?"

Шайлер задумалась над этим. Она заметила только адреналин в тот момент, но доктор Пат была права. В течение времени, когда она была окружена Голубой Кровью, она не испытывала некотролируемых сотрясений и дрожи. За исключением, конечно, тех нескольких минут, которые она провела в темнице в одиночку. Сто футов под землей, далеко от всех, до прихода Джека. Сострясения вернулись только тогда, когда она и Джек отправились в путь.

"Они говорят, что нет ни души на острове," размышляла доктор Пат. "Это – то же самое для Голубой Крови."

"Но, что на счет моего дедушки? Лоренс был в ссылке. Он жил один много, много лет, далеко от своих людей. Все же он никогда не выказывал ни одного из моих симптомов," спорила Шайлер.

"Твой дедушка, насколько я помню, был Неумерающим. Редкая порода. Способная к длительным периодам изоляции от сообщества. Он выбрал изгнание, потому что он знал, что он будет в состоянии управлять этим. Физически и мысленно."

Шайлер изучала диагноз. "Только… кажется… это слишком легкое объяснение," сказала она наконец.

"Ты знаешь, Шайлер, Красная Кровь также имеет слово во всем этом. Ностальгия это – не только часть подсознания. У нее есть и физические признаки. Твоя вампирская сущность делает тебя более сильной и бытрой, чем любой человек. Но вампир в тебе, также преувеличивает каждую человеческую болезнь, которую ты можешь чувствовать. У тебя есть лучшее из двух миров, так сказать."

Глава 41

Мими

Две недели спустя после так называмого Белого Голосования, Мими обнаружила письмо на ее электронной почте Конклава, где выражена просьба о встрече с Форсайтом в Хранилище в Башне Форсов, в полдень. Ее последний урок был на свободном посещении, так что она рано закончила и взяла такси.

Ей в любом случае необходимо побывать в Хранилище. Недавним вечером она искала свою любимую авторучку и подумала поискатьее в кабинете Чарльза. Она вспомнила, что оставила ее там в последний раз, когда ей было нужно тихое место, чтобы сделать домашнюю работу. Офис отца был столь же опрятен, как и всегда, со столом, на котором ничего не лежало, кроме, часов от Тиффани и настольного календаря. Мими проверила все ящики и кабинки, но не нашла свою драгоценную Монтбланк.

Она сидела за его рабочим столом на кожанном кресле и вращалась, осматривая комнату. Несколько не подписанных кассет, запиханных позади книжной полки, попались ей на глаза. Она встала и просмотрела их. Что делал Чарльз с таким старым звуковым оборудованием?

Они были отмечены – ХИ: Вен.Док. Хранилище Истории Аудиоархивов. Доклады Венаторов. Обычно записи с Хранилища шли вместе с письменными рашифровками стенограмм, но Мими ни одной не нашла. Она перевернула запись, чтобы посмотреть, кто из Венаторов оставил их. МАРТИН. Это были доклады Кингсли, с его мисси двухгодичной давности. С той, в которой его отправили в Дачезне.

Что они делают в офисе Чарльза? Их место в Хранилище. И, если Мими хочет прослушать их, ей необходимо позаимствовать старый магнитофон из архивов. Она знала, что сейчас Проводники загружают все данные на цифровые файлы, но они очевидно пропустили эти. Она положила записи в карман и осмотрела в последний раз комнату. В любом случае, где Чарльз? Что с ним

случилось? Джек убежден, что он не мертв. Если дух Михаила ушел с Земли, они определенно знали были, он подтвердил бы это.

Прошлой ночью, на встрече, Конклав проголосовал за то, чтобы послать Венаторов на поиски прежнего, без вести пропавшего Регисa, и команда стала собираться. Она знала, что ее брат был разачарован тем, что его не назначили на это задание. Но Форсайт был непреклонен: они нуждаются в близнецах здесь – как, сказал он. Они не могут оставить Шабаш ведьм будучи незащищенными.

В тот день, когда она зашла в Башню Форсов, ей стало интересно – о чем же хотел поговорить с ней сенатор. Форсайт никогда не искал повода поговорить с ней прежде, и они не обсуждали ее возражение о его коронацию.

"Вы хотели меня видеть?" спросила Мими, входя в заполненный светом угловой офис после того, как секретарь Форсайта объявила о ее приходе. Она заметила, что он выбрал учреждение в том же офисе, который избрал Лоренс, когда он был Регисом. Выглядит самонадеянно. Чарльз пользовался одним из старых зданий под 122 Блоком.

"Маделайн. Спасибо, что пришла," сказал Форсайт. "Дорис, попридержи мои звонки, хорошо дорогая?"

Его секретарь закрыла дверь, и Мими села напротив дорогостоящего стола из дерева грецкого ореха. Она заметила, что даже при том, что Форсайт взял офис Лоренса, он все еще хранил фотографии прежнего Региса с Шайлер на столе. Мими пожалела, что не была одета больше; она приехала прямо из спортзала, и даже не потрудилась сменить свою жалкую футболку для занятий спортом из Дачезне и красные шорты для бега. Она положила свои сумки на пол и ждала, когда он заговорит.

"Я только хотел похвалить тебя за твою работу с Венаторами. Вы хорошо поработали в Рио." Просиял он.

Мими усмехнулась. "Да. Верно. Мы не нашли ее."

"Это вопрос времени, моя дорогая. Кингсли найдет ее. Я не сомневаюсь. Он весьма… находчивый," сказал Форсайт, с намеком раздражения, которое Мими не могла не заметить.

"Хорошо. Что ж, спасибо. Я хотела пойти на другую миссию, но в Конклаве сказали, что сначала я должна закончить Дачезне. В

школе, мое место, не будет пустовать так долго."

"Увы, это правда. Это несправедливо, это вздор, что мы должны проживать человеческие детство и юнность. Но это Кодекс," сказал Форсайт, вставая, чтобы налить себе напиток из барной стойки. Он поднял графин и влил дозу виски в стакан.

"Хочешь один?"

"Нет, спасибо." покачала Мими головой. "Хм, это все? Могу я уйти сейчас?"

"О, я как обычно перебарщиваю. Блисс любит дразнить меня, называя большим хвастуном." Улыбнулся Форсайт, делая глоток и проходя вокруг своего стола, так что он мог опереться на его край и смотреть вниз, на Мими.

Мими сжалась на своем сидении. Левеллин редко говорил о Блисс. Ошеломительные действия, как отца, не очень хорошо ему походили: чувствовалось фальш, как будто он пытался продать ей поддержаный автомобиль, или пытался заставить поверить, что его хоть на йоту заботит его дочь. По крайне мере, Чарльз и Тринити, старались быть рядом с Мими и Джеком во время их преобразований. Насколько знала Мими, родители Блисс никогда не утруждали себя в объяснениях о том, что с ней происходит.

"Как Блисс?" – спросила она. Мими виделась с ней пару раз, и Блисс казалась достаточно дружелюбной, но их разговоры никогда ни к чему не приводили. Она не знала почему так происходило, но что-то в Блисс заставляло ее чувствовать нервозность и смех.

"Ей намного лучше." Кивнул Форсайт Левеллин. "Так или иначе, я позвал тебя сегодня, чтобы обсудить более щекотливое положение… и прости меня, если я тебя оскорбляю… я понимаю, что возможно это не совсем подходящее время, но я чувствую, что после всего, что произошло с Конклавом… сообщество нуждается в чем-то, что сейчас поднимет их дух, и возможно, если я смогу…"

Мими кивнула, позволяя ему продолжить.

"Простая услуга…для блага всего сообщества. Я знаю, что ты и Джек отменили ваше воссоединение из-за трагедии, но сейчас пришло время возобновить нравственность, показать нашим людям, что мы все еще сильны и увидеть вас двоих вместе. Наша сила, наше лучшее – принесет им надежду.

Кривая улыбка играла на губах Мими, не смотря на то, что ее сердце сжалось, и на ум прушло изображение ухмыляющегося Кингсли.

"Так вы мне говорите о соединение?" – спросила она.

Не было усилий сдерживать свой тон легким и свежим. В конце концов, она все еще остается той же Мими Форс, чье фото было изображенно на билбордах на пересечении Таймс Сквер. Мими Форс, которая измывалась над новичками в спорте, заставляя их выбирать и унижаться. (Как она могла пропустить неделю профориентации!)

Она надеялась, что все еще влезет в свое платье…

Глава 42

Блисс

Если Дилан не собирается приходить, может тогда она сможет придти к нему. Конклав убеждал своих новичков проходить терапию регресса, чтобы получить доступ к их прошлым жизням и учиться накопленным знаниям, которые были доступны им из необъятного прошлого опыта. Блисс сидела со скрещенными ногами на ее принцессорской кровати. Она закрыла глаза и начала глубокую сортировку сквозь множество жизненных линий и воспоминаний. Это были знания. Практика обнаружения того, кем вы были на самом деле. Она была в пустоте, в промежуточном месте между ее сознательностью и своей бессознательностью, кем она была раньше? Какое тело было у ее духа в предыдущих историях?

Она танцевала, пересекая переполненный зал. Ей 16 лет, и ее мама впервые позволила зачесать ее волосы наверх… и она смеялась, потому, что сегодня она может встретить парня, который может стать ее мужем, и даже прежде, чем он приехал, чтобы встать перед ней и пригласить на танец, она знала его лицо.

"Мэгги." Улыбнулся он. Он всегда причесывал свои волосы таким образом?

Даже в 18 веке, Дилан, или Лорд Барлингтон, заставлял ее сердце биться.

Но потом, что-то произошло на вечере, Посетитель прошептал ложь в ее ухо. Сказал ей убить. Мэгги могла слышать его. Мэгги не хотела этого, не верила в это… и до того, как Блисс открыла глаза, он почувствовала, как холодная вода окружила ее.

Мэгги Стэнфорд утопила себе в Гудзоне. Блисс видела темную мутную реку, чувствовала, как ее легкие не выдержали и как ее сердце перестает биться.

Так как Блисс вернулась, все оставалось по-прежнему. Гуди Брэдфорд подожгла себя, поливая бензин на свою голову, а затем она вся вспыхнула и позволила огню поглотить себя. Джулия де Медичи

«случайно», спрыгнула с балкона на семейной вилле во Флоренции, ее разбитое тело распласталось посреди площадки.

Быстрые, как порхание крыльев бабочки, каждое изображение, каждая смерть? Каждый испытанный Блисс способ был центром всей деятельности. Но потом… Мэгги вышла из похоронного бюро. Гуди Брэдфорд выжила в огне. Джулия встала после падения.

Ни одна из них не преуспела в самоубийстве, или не преуспела в изгнании демона, который овладевал ими. Они все пытались, и все потерпели неудачу.

Блисс поняла.

Мне нужно умереть.

Потому что, если она умрет, по-настоящему умрет, если она найдет выход, чтобы никогда не возвращаться, тогда Посетитель тоже умрет. У него никогда не будет шанса сделать то, что он планировал.

Вот что это. Это был единственный выход. Она знала это.

Не было никакого выхода из это. Не было никакого смыла в выживании. Она и Посетитель были заперты в фатальном объятии. Если бы она была в состоянии унижтожить свой дух, неумирающую кровь в ее руках, она бы так же принесла смерть и ему. Она должна принести эту жертву, или все те ужасные видения, это ужасное будущее, станут неизбежными. Она была сосудом для зла, и покуда она жива, он тоже жив.

"Дилан, ты знал, не так ли? Ты знал, что мне необходимо сделать. Все время," прошептала она.

Из темноты, наконец-то появился Дилан. Он выглядел мрачно. "Я не хотел говорить тебе."

Глава 43

Шайлер

Прошло несколько дней с тех пор, как Шайлер была в клинике доктора Пат, а ее новая жизнь в Нью-Йорке наконец-то стала налаживаться. Днем, она и Оливер зашли в офис по недвижимости, в котором находились ключи от квартиры-студии в Хелл Китчен, которую Оливер снял для нее, оплатив арендную плату на год вперед – наличными. Чтобы скрыть себя, Шайлер притворилась единственной дочерью матери-одиночки: бывшей хиппи, исполнительницы народных песен, которая, как обычно, находилась в туре со своей группой. Со способностью Шайлер трансформировать свои внешнии данные, она даже смогла бы симулировать образ "своей" матери, когда это потребуется. Изменяться стало легче, когда она почувствовала, что снова стала самой собой.

Они сели в метро, идущее через весь город, и остановились в шумной части 9-й Авеню, по соседству с которым находились корпоративные комнаты для начинающих с Уолл Стрит, так же как и ветхие здания, находящиеся по соседству со стрип-клубами и магазинами порно-видео. Но не далеко от туда находился продуктовый магазин, и Шайлер с Оливером накупили еды на неделю вперед: натуральные овощи, хлеб с кусочками изюма из пекарни с Салливан Стрит, косервированные бобы. Оливер вынудил ее разориться на ветчину и на кусок французского сливочного сыра. Чистые, широкие проходы супермаркета согревали ее сердце; было хорошо снова вернуться в Америку, где все настолько легко и удобно.

Студия была расположена в одном из более обветшалых зданий, как и хотела Шайлер, квартира была очень маленькой: если бы она встала на середину комнаты, то она смогла бы почти коснуться всех четырех стен кончиками пальцев. В квартире была электрическая плита, микроволновка, и раскладной диван, стоящий в углу. Одинокое окно, было похоже на свет в шахте. Однако, это было лучше,чем жить в гостинице. Это был Нью-Йорк. Это дом.

"Ты уверена на счет этого?" спросил Оливер.

Шайлер вошла в здание, изображая хиппи-маму, и она почувствовала, что стала самой собой, как только Оливер закрыл дверь.

“Ты не должна оставаться здесь, ты знаешь. У моего папы есть место в центре города, он остается там, когда работает допоздна. Ты можешь остаться там,” сказал он ей.

"Я знаю, здесь не так хорошо как у тебя дома. Или даже как в моем старом…" Сказала Шайлер, глядя в пустой шкаф и заметив маленькие черные пластиковые ловушки для тараканов по углам. "Но я не думаю, что следует, чтобы нас видели вместе. Мы не можем ставить под угрозу твой статус в Совете ".

В дом на Риверсайд Драйв можно просто доехать на такси. Хэтти была бы там, готовя свое жаркое, а Джулиус показывал бы ей карточные фокусы. Но она не могла вернуться. Пока нет. Она знала, что ту в минуту, когда она ступит через дверной проем, Конклав узнает об этом. Она понятия не имела, каким образом она узнала это, но она чувствовала это интуитивно и знала, что она права. Может, прямо сейчас, она их не интересует, но она чувствует, что это изменится.

Она уже чувствовала себя в безопасности, находясь в студии. Она уже ощущала себя Скай Хоуп, а не Шайлер Ван Ален. Она и Оливер решили, что это имя могла бы дать бывшая дитя цветов своему ребенку. Плюс, если люди звали бы ее по ее имени, она бы спокойно отвечала без шанса на то, что Шайлер бы ошиблась.

Высшая школа Александра Гамильтона была общественной, и они приняли Шайлер в последнюю минуту без вопросов или жалоб. Оливер настаивал на одной из других частных школ: Найтингейл, Спеснс, Брэрли. Но даже он должен был согласиться, что это слишком опасно. Эти учреждения были связаны с Голубой Кровью. В школе Гамильтона есть лишь маленький шанс на то, что кто-либо из Конклава обнаружит ее там. Элита могла лишь запудривать мозги (и давать деньги) по своим обязательствам к общественному образованию, но никогда не заходила так далеко, чтобы отправить учиться туда своих детей. Для Конклава – чтобы подтвердить историю о Шайлер и отчуждение Оливера – Оливер должен был вернуться в Дачезне без нее.

Но так или иначе, она должна окончить свое образование. Что

всегда говорил Лоренс? Школа является большим, чем просто академики; образвание подготавливало вас к обыденному реальной жизни: работе с другими, сдерживаению своей идивидуальности, чтобы слиться с общностью, но без потери своей изюминки, понимать факторы логики, рассуждения и дебаты. Для человека, вампира или человека в мире, чтобы преуспеть в мире, раскрытие тайн вселенной было недостаточным. Каждый должен раскрывать тайны человеческой природы.

"Ты уверена, что это не еще одна причина, по которой я должен быть здесь с тобой?" спросил Оливер.

Но она не хотела отвечать ему прямо тогда. Она все еще разбиралась в своих чувствах, начав задаваться вопросом – что если ее мама может быть права. Если любовь это что-то, за что ты должен бороться, независимо от того какова будет цена. Она не хотела делать больно Оливеру. Она бы лучше умерла, чем увидела, как он страдает. Но ей нужно время, чтобы подумать. В одиночестве.

"Я в порядке, я в Нью-Йорке, видишь, припадки, они прошли."

Сказала Шайлер, удивлено поднимая свои руки к лицу. Она просто тоскавала по дому, не так ли сказала доктор Пат? Часть ее крови обращалась к ее виду? Было ли это всем, чем это было? Правда? Правда, что она снова должна находиться поблизости к шабашу ведьм?

"Хорошо," сказал Оливер. "Итак. У тебя есть мой мобильник. Ты можешь звонить мне в любое время. Ты знаешь это."

"Я буду скучать по тебе,"сказала Шайлер."Я уже скучаю по тебе."

Но они должны сделать это, для безопасности каждого из них.

"Что ж. Повеселись," – сказал он неохотно, последний раз обняв ее, он вышел за дверь.

Когда она распаковывала продукты, она заметила, что Оливер оставил свою почту среди кипы бумаг на новую квартиру Шайлер.

Там был толстый белый конверт, застрявший среди счетов и журналов. На нем не было штампа, что означало, он пришел от кого-то из Конклава. Они всегда передавали письма курьером (из рук в руки).

Это было приглашение на Соединение, Шайлер поняла без проверки, она знала, что адресс тисненный на обороте будет особняк Форсов.

Глава 44

Мими

Старбакс на углу 5й и 95й был закрыт, поэтому Мими пришлось пройти несколько кварталов до ЕвроМилла, новомодного кофейного "бутика", который недавно открылся. ЕвроМилл перевел любителей кофейной культуры на новый уровень. У них есть полная компоновка, где посетитель сможет выбрать сорт кофейных бобов, тип жарки, дажа способ "извлечения" аромата (ручной отжим, сифон, Французская прессовка, или "соло"). Место напоминало худеожественную галерею: белые стены с квадратными школьными досками, кофемолки и машины для приготовления эспрессо, наполированные до блеска, отражающие демонстративные художественные работы.

"Чем я могу вам помочь? " спросил бариста с кольцом в носу (бариста – специалист по приготовлению кофе).

"Ла Монтана, медленный клевер," сказала Мими, имея в виду, что хочет чашку El Salvador жареного путем безосадочного французского отжима. "Два. С собой. Ох, и один из них, сказала она, указывая на шоколадный круассан за стеклянным стендом.

Резкий свист привлек ее внимание. За одним из центральных столиков, среди писателей, печатавших на ноутбуках и толпы частных школьников, идущих за их латте для завтрака, сидела остальная часть ее бывшей команды венаторов.

"Привет, ребята," сказала Мими с улыбкой. Неужели прошел всего лишь месяц с тех пор как четверо из них сражались с бразильскими наркобандами и Серебряной Кровью в джунглях?

Ее одарили редкой усмешкой со стороны парней Леннокс, которые вскоре ушли. Тед даже похлопал по ее спине.

"Форс". Кингсли кивнул. Он пнул стул рядом с собой из-за стола, чтобы она могла сесть.

"Дай угадаю. Cafe con leche? Четыре кусочка сахара? Усмехнулась Мими, так как она все еще пыталась успокоить

порхающих бабочек в своем животе.

Они не видели друг друга с приземления в Нью-Йорке. То, что произошло в Рио осталось в Рио, было ли это, как говорят, делом прошлым? Если она думала, что Кингсли будет искать ее впоследствии, она ошибалась. В любом случае, что это она беспокоится? Это не имело значения тогда, и уж точно не имеет значения сейчас.

Кингсли поднял чашку в ее честь. "Обратно в школу, верно? Выпускной год?" подразнил он. "Знаешь, забавно… я никогда не ходил в среднюю школу. Я имею в виду в нормальном понимании. Первый раз, когда я пошел, был тогда, когда я получил задание в Дачезне."

"Только не говори, что тебе этого не хватает" пошутила она. Ей стало интересно, сколько лет было Кингсли. Серебряная кровь была как Бессмертные, они были свободны от циклов. Они не старились, почти как если бы они были заморожены во времени. Она знала немного об истории Кингсли: он был склонен Серебряной кровью в Риме, но был прощен самим Михаилом и принят обратно в общество Голубой крови.

"Может быть, немного. Маленькие объявления в начале дня. Все эти консультации ровесников. Очень самореализующе." он усмехнулся, давая ей понять, что шутил, но не высмеивал ее.

Бариста закричал от прилавка. "Два клевера?"

"Это мое" сказала Мими, беря свой заказ. Некоторые вещи не изменилось: даже если это был не Starbucks, кофе все же подавали в чашке размером с кувшин. "Я должна идти, я опаздываю", сказала она Кингсли.

Она взяла сумку и забросила ее на плечо, держа два напитка в картонной опоре.

"Я слышал о соединении" сказал тихо Кингсли. Он поставил свою чашку кофе и сделал знак официантке для другого.

"Форсайт сказал тебе."

"Действительно. Он пояснил, что, поскольку Чарльз все еще пропал без вести, он будет посаженным отцом ".

"Так? И что с этого?" – бросила она вызов.

Кингсли мило улыбнулся. "Ничего. Я просто хотел поздравить тебя. Ты будешь прекрасной невестой."

Теперь настала очередь Мими несвойственно краснеть. Она не знала, чего ожидала. Чтобы он умолял ее? Просил не соединяться с Джеком? Смешно. Невозможно. Кингсли был в точности как она: эгоистичный, опасный, не в состоянии следовать правилам. Хотела ли она, чтобы он чувствовал что-то к ней, когда она ничего не чувствовала к нему?

Она уставилась на него, ее щеки медленно зарделись. Он уверенно ответил на ее взгляд.

"Чувак, я даже не знаю, почему я беспокоюсь," сказала Мими, и умчалась из кафе.

Год назад, когда Мими вернулась из Рио в Нью-Йорк, не было даже времени подумать о связывании. Все немедленно было отменено. Это было не верное время, и после всего случившегося, она и Джек все еще прибывали в шоке, думая об этом. Это было не верное время, и после всего случившегося, она и Джек были слишком потрясены, чтобы думать об этом. Депозиты были утеряны, ее платье отправили на хранение. Неделю спустя она понукала им из-за его маленькой интрижки с полукровкой, но они все урегулировали. В любо случае, Шайлер перестала быть проблемой: маленькая плутовка уехала из Нью-Йорка и от Джека. Она последовала по стопам своей матери, которые в конце приведут к трагическим последствиям, как надеялась Мими.

Но вместо того, чтобы отсутствие Шайлер привело их к более глубоким отношениям, между ними обоими, являющимися одним целым, возникло больше отчуждений. Но на это раз это Мими ушла. Она не хотела быть второй. Она не хотела, чтобы Джек был с ней только потому, что он не бог быть с человеком, которого он действительно любил.

Джек в ее руках был лишь относительно победой. Мими хотела, чтобы он ее любил и подразумевала это. Но каждый день, казалось, что он делают одну и ту же вещь: отплачивался запудриванием мозгов по отношению к их обязательствам, примеряя ее страхи ложью, в то время, как его глаза показывали более глубокую правду: его сердце все еще принадлежит другой.

И поэтому она убежала. Она присоеденилась к Венаторам. Она

оставила его. Посмотрите, как хорошо он обходится без нее. Она хотела, чтобы он скучал по ней. Она хотела, чтобы он скучал по ней так отчаянно, что точно поймет сколько она для него знаит. Она думала, что если она уедет, он поймет свои допущенные ошибки, и поймет те глубоки обязательства, которые стоят между ними. Она с таким же успехом могла остаться дома.

Ничего не изменилось. Джек нашел свой путь, а она свой. Когда она сказала ему о просьбе Форсайта, он принил новую дат их соединения без комментариев. Он соедениться с ней. Но ему не процесс ему не приносил радости: жених, идущий, как мертвец. Она устала от этого.

Она нашла Джека стоящим в углу, его сумка была перекинута через его широкие плечи. Ему действительно нужно подстричься, подумала она.

"Вот ты где." Она отдала кофе своему близнецу.

"Спасибо"

Они шли в школу, их шаги, с легкостью соответсвовали другим. Даже после года на расстоянии, она шли в линию, вместе. Странным образом, она всегда были связаны, даже без официальной церемонии.

"Держи, это твой круассан. Возможно не так хорош, как в Париже, верно?" – спросила Мими.

Джек надкусил его. "Он нормальный." Пожал он плечами.

Когда она упомянула Париж, его губы дернулись, как всегда, когда он расстраивался.

Но впервые за долгое время, Мими меньше всего заботило, что его беспокоит.

Глава 45

Блисс

"Где ты? Скучаю. Я вернулась и хочу увидеть тебя. Скай."

Блисс читала ее СМС. Ее палец был над кнопкой ответа, но в конце концов она отложила свой телефон. Нет. Она представляет опасность для окружающих. Она не хотела, чтобы ее друзья пострадали из-за нее.

"Извините," сказала она, когда заметила что Мисс Мюррэй смотрит на нее.

"Рада, что вы решили присоедениться к нам," сказала ее учительница со строгой улыбкой. Блисс не нужно было повторять дважды. Древние Цивилизации бытсро стали ее любимым предметом, и она не хотела пропускать не одного занятия. Это было похоже на особенно хорошую программу на Историческом Канале, за исключением отсутствия дурацких перепостановок. За прошедшие несколько недель они затронули такие разнообразные и очаровательные темы, как Этрусский феменизм (тех Этрусских chicks ruled, буквально), Египетские похоронные обряды и 4 типа любви согласно древним грекам (от платонической до страстной), и какие идеи были предпосылками зарождения Западной культуры.

Сегодняшняя тема была о господстве 3-го Императора Рима. Калигула. Когда Мисс Мюррэй дала это задание Аллисон Эллисон на прошлой неделе, было очень много смешков. Большая часть класса была знакома с неким фильмом, которое показывали по кабельному. Или нет, как и Блисс, они знали начало зарождения репутации императора: пороки в сексе, безумие, жестокость.

"Мой сегодняшний доклад, пожалуйста извините меня, мисс Мюррей? с тех пор, как занятия начали называться Древними Цивилизациями и Расцветом Запада, Запад, или его идеология умер с убийством Каллигулы," начала Аллисон. Высокая девушка стояла перед доской и уверенно читала с карточек с примечаниями.

"Интересная теория. Пожалуйста объясните," сказала Мисс

Мюррэй, наклоняясь вперед от своего стола, стоящего перед всем классом.

"Как вы все знаете, Каллигула была убит при заговоре, возглавляемым главами Сената. Они нанесли ему многократные раны. К тому времени, когда его преданные охраники прибыли, он был мертв. Тогда Сенат попытался восстановить Римскую Республику, но вооруженные силы не поддержали их, они остались преданы Имерии. С помощью Преторианской Охраны, они установили Клавдия, как императора.

"Так вы говорите, что смерть Каллигулы обернулась полной противоположностью от того, что планировал Сенат?" – подвергла сомнению доклад Мисс Мюррей.

Аллисон кивала с энтузиазмом. "Со смертью Каллигулы пришла погибель идеи о Республике. Империя была тем, что необходимо. Люди горевали о своем убитом императоре, не зависимо от того, каким жестоким и безумным представляли его им его враги. Со смертью Каллигулы, Республика почти что погибла. Римляне никогда не пытались снова ее возродить. То самое большое достижение Сената – убийство императора – укрепило преданность людей к Империи," сказала Аллисон. "Это нелепо, не правда ли? Тем более, что это было не первое покушение на жизнь Каллигулы. Его сестры Агриппина и Джулия Ливилла пытались убить его раньше, но потерпели неудачу. Они были неудачливы и сосланы. Но Сенат преуспел там, где они не смогли."

Была поднятая рука. "Я думала, что Калигула… гм, вы знаете, был близок со своими сестрами,"проинсуировала с ухмылкой Брайс Каттинг.

На сей раз мисс Мюррей прервала доклад. "Он был конечно "близок", как вы и говорит, со своей сестрой Друсиллой. Ее представляли, как главу по домашнему убранству, и когда она умерла, он оплакивал эту потерю, как вдовец. Он даже сделал так, чтобы Сенат провозгласил ее Богиней. Но по отношению к тому, были ли они близки в библейском смысле, история неоднозначна на этот счет. Поймите, класс, что точно также, как и сегодня, они пытались дискредитировать своих правителей сексуальными скандалами и всеми видами непристойной лжи. Если верите в половину тех вещей, которые читаете, значит, что все в старину были извращенцами. Возможно, что и Каллигула с Друссилой были

любовниками. Или, возможно, они просто хотели укрепить свою власть, управляя, как брат и сестра, также, как и египетские деспоты."

Блисс просматривала свои записи. По некоторым причинам она чувствовала, что она не слышала об этих отдаленных исторических фигурах, благополучно погребенных в прошлом и на страницах книг по истории. Вместо этого, когда она услышала имена – Друсилла, Агриппина и Джулия Ливилла,она почувствовала покалывание на своей коже. Это были люди, которых она знала.

"Дилан, я думаю, что я близка. Я думаю, что это то, что предназначалось мне знать."

"Спасибо, мисс М.", сказала Эллисон. "В любом случае, в общей части моего выступления, я хотела бы добавить, что хотя все мы называем его" Калигула ", это был всего лишь псевдоним, который он, вероятно, не очень любил, поскольку он означает" Маленький Башмак ". Его настоящее имя было таким же, как у Юлия Цезаря. Они называли его Гай ".

"Гай. Да. Именно так они обычно называли Посетителя."

И Аллисон была абсолютно права. Он презирал это произвище. Блисс чувствовала, как все возвращается, слишком быстро и слишком скоро, воспоминания падали, как снежинки, яркие и блестящие в ее подсознании, но это были воспоминания Посетителя: Рим, последние дни, обман, предательство. Первые были о его сестре, Агриппину он мог понять (Блисс была потрясена, обнаружив, что изображение Агриппины в прошлом – это глаза Мими Форс), Агриппина и Валериус были на стороне проклятого Кассиуса, независимо от того, что они примкнули тогда к Михаилу.

Но Джулия! Как она могла посупить так с ним, его младшая сестренка, самый молодой ребенок, она была настолько молода, когда она впервые заподозрила, и она была той, кто призвала внимание на корупцию Кассиуса, Джулия Ливилла… как ненавистно это имя, оно ей напомнило ее ужасную тетю, которую она презирала. Она бы хотела, чтобы ее назвали как-то по-другому…

София.

Он был так близок. Так близок к осуществлению своей мечты. Он подошел так близко, только для того, чтобы Кассиус разрушил все…

Мысленно, Блисс видела то, что посетитель видел тогда. Путь. Извилистый путь намного глубже города Лютеция, через туннели глубоко под землей, извилистый путь, который ведет в подземелье, на Совет демонов поклонившихся его короне… Он воскреснет, величественный и славный, Принц Рая опять… навсегда. Весь мир будет дрожать и сжиматься от страха.В реках будет течь кровь и всадники будут брошены в бой… Не будет места куда бежать от армии сатаны. Это был кризис в Риме.

Блисс задыхалась.

Демоны. Смерти. Коррупция. Все это происходило ранее. И это снова случиться. Если…

Она моргнула. Она сидела в классной комнате, здесь же была Алиссон, и каждый убирал книги и бумаги в их сумки.

Мисс Мюррэй смотрела на нее с любопытством. "Вы в порядке, Блисс?"

"Да," сказала она. "Я просто… Я думаю, что забыла позавтракать."

Мисс Мюррэй кивнула. "Вы знаете, Блисс, если вам нужно поговорить с кем-нибудь, я буду рядом."

Блисс кивнула. Учителя в Дачезне всегда были супер-сопереживающими. Школьной политикой был подход"рабочего коллектива". Они не ждали, что проблемные студенты сами решат пойти в офис школьного психолога.

"Конечно, Мисс Эм. Спасибо."

Мисс Мюррей улыбнулась ей так ласково, что она стала рассказывать, хотя ничего не хотела говорить. "Это просто… У меня проблема, понимаете… и я беспокоюсь о привлечении в эту проблему моей подруги… но у меня чувство, что она единственная, кто может мне помочь."

"Понимаю." Мисс Мюррей скрестила руки. "Иногда полезно просить о помощи, Блисс. И друзьями являются только те люди, на которых мы можем положиться когда у нас неприятности. Как бы там ни было, они для этого и нужны. Я уверена, твоя подруга была бы рада, что ты обратилась к ней."

Блисс кивнула. "Я думаю… я думаю, вы правы."

"Хорошо." Мисс Мюррэй улыбнулась. На мгновение, она напомнила Блисс кого-то, но она не могла понять кого.

Блисс вытащила сотовый телефон из сумочки. Ее учитель истории помогла ей принять решение. Она не могла сделать это в одиночку, а близнецы Форс не помогли бы. Стараться поговорить с Джеком по-существу было невозможно. Он шаркая крался по залам Дачезне, печально вздыхая, словно скорбя о потере чего-то ценного. Он теперь редко улыбался. Блисс даже видела его ругающимся на первокурсников, которые преградили ему путь, что было полностью ему несвойственно. Джек всегда был добр к новым студентам.

Что касается Мими, Блисс чувствовала искушение довериться ей, но до сих пор все, о чем Мими хотела говорить были помада и джинсы, и не было никакой возможности для Блисс направить разговор на более серьезные темы. Когда-то Мими была очень заинтересована в конклаве, но теперь она действовала так, как будто ей было наплевать, что случиться с Колубой Кровью.

Но был человек, который мог бы помочь. Был человек, который понял бы ее. Кто-то, кто так же тесно связан со всем, что случилось, как и она, и кто заслуживет знать все. Она не смогла бы защитить подругу, даже если она этого хочет. Она часть всего этого тоже.

Блисс быстро набрала ответ на экране.

Завтра. Встреть меня на распродаже в бутике Прада."

Глава 46

Шайлер

Шайлер были знакомы ужасные истории об американском государственном образовании: переполненные классы, вспыльчивые студенты, равнодушные преподаватели. Она не знала, чего ожидать: граффити на стенах? Метало детекторы? Скитающиеся банды режущие невинных жертв в коридорах?

Было начало октября, и поскольку она шла в школу, в неописумое здание на 22-й Улице, она попыталась выглядеть не слишком удивленной. Это была предосторожность. Металлоискатели были встроены на входе, таким образом, чтобы студенты не чувствовали, что они идут в тюрьму. Ты должен был пройти через металлоискатели, чтобы пройти в Мет, верно? Не то, чтобй это было похоже на Мет, но это также не было чем-то из Джонатана Козола. Она даже смогла войти в классы по АР и на занятия по предлагаемому госуправлению. У нее были шкафчик, комната и довольно хороший учитель по английскому.

Но даже при этом, она была удивлена тем, что Школа Гамильтона превысила ее ожидания, так как она шла через холл, который всегда пахнул Сосновы Маслом для уборки, она поняла с острой болью, как сильно она любила Дачезне. Особенно сейчас, когда она никогда не сможет вернуться. По крайеней мере она увидит Блисс завтра. Шайлер решила, что это достаточно, чтобы быть достаточным.

Было несколько людей, которым она могла доверять в этом мире, и Блисс, была одной из них. Она очень хотела видеть свою подругу, и задавалась вопросом, что так долго удерживало Блисс от того, чтобы вернуться к ней. Может быть она была огорчена ее отъездом, Шайлер и не надеялась, она должна доказать, чтобы Блисс поняла, что у них не было другого выбора, кроме как уехать. Оливер сказал, что в школе Блисс была дружклюбна, но не заинтересованна, действуя так, как будто они были простыми знакомыми и ничего больше.

Было болезненно думать о всех тех, кто вернулся в Дачезне без нее. Она не знала, что ждет ее в будушем, но у нее было такое чувство, что оно не принесет ПОСИДЕЛОК по подготовке к занятиям и ранним письмам для комиссий. Она здесь для того, чтобы последовать совету своего деда: узнать, как пройти в человеческое общество, не отдавая ее вампирскую кровь.

Одной вещью, в которой заключался недостаток Гамильтона, было отсутствие надлежащей библиотеки. О, в ней была крошечная библиотека, комната размером с туалет, демонстрирующая старые книги в мягкой обложке С.Е.Хинтона, с банком компьютерных терминалов, где все проверяли свои электронные письма. Обучение дома всегда заставляло Шайлер чувствовать зуд, и одну вещь, которую она любила в своем новом расположениее, было то, что она была недалеко от Нью-Йоркской Общественной библиотеки.

Ей нравился читальный зал на 2-м этаже, где работали писатели, одни из товарищества библиотеки. Там всегда было тихо. Однажды она шла по величественной лестнице, днем, после продолжительного дня занятий, когда тот кто спускался по лестнице оказался Джеком Форсом.

Он не выглядел сильно удивленным, увидев ее, вернувшейся в Нью-Йорк.

"Я рад видеть, что ты наконец-то прислушалась к моему совету," сказал он вместо приветствия. Он не улыбался. "С возвращением."

"Спасибо. Вернуться всегда хорошо," сказала она, пытаясь казаться столь же беспечной, каким был он. Джек позволил отрастить себе немного волосы, с тех пор, как они не видели друг друга, сейчас он больше не был Венатором. Они вились за его ушами и по воротнику его рубашки.

"В любом случае, что ты здесь делаешь?"

В Дачезне была прекрасная библиотека, на верхнем этаже, с видом на Централ Парк. И независимо от того, что бы ты не смог найти в библиотеке Дачезне, могло быть найдено в вампирском Хранилище.

"Тринити управляет Библиотечными Львами," сказал Джек. "С тех пор, как она находится в Колумбии, она просила меня, чтобы я побывал во время встречи."

Шайлер понимающе кивнула. Она вернулась в Нью-Йорк, но слишком поздно. Она проследила за приглашениями на другой вечер, ее сердце не стало биться дик в груди, ее рот не стал сухим, а ее глаза не увлажнились. Так или иначе, она ожидала это. Сейчас она спокойно относилась к новостям.

"О Конклаве," начала она. "Они…?"

"Не беспокойся о них. Ты сейчас в безопасности. Оливер хорошо потрудился над его историей о вашем отчуждении. К счатью, в Конклаве нет ни одно из тех, кто хорошо знает вас двоих. Потому что, если они поймут, что в этом нет никакой правды…," сказал он. "Он – хороший друг для тебя."

Она знала, что ему потребовалось усилие, чтобы сказать это, и она подумала, что може вернуть этот жест. "Так… я слышала… поздравляю. Тебя и Мими."

"А. Да." Он выглядел довольным.

Шайлер понимала, что они не будут говорить о том, что произошло между ними в Париже. Поцелуй. Это было как, если бы Джек стоял за глыбой льда. Он был недостижим. Его лицо было каменным. Он уже закрылся от нее. Он сильно старался много раз, и она всегда отвергала его. На Перри Стрит. В Париже. Он не даст ей другого шанса, она знала.

Она приехала слишком поздно. Она следовала за своим сердцем и приехала слишком поздно, как обычно. Через 2 недели он навсегда будет для нее потерян. Он будет связан с Мими, но по крайней мере он будет в безопасности. Это все, что она когда-либо хотела для него.

"Я рада за вас," сказала она блестяще. "Честно. Я иммею в виду… Я знаю, каковы это быть одной в мире, и я бы не хотела этого для тебя."

"Спасибо," сказал он. "Я желаю для тебя того же."

Джек задержался на лестнице. Выглядело так, как будто он собирался сказать что-то еще, но передумал. С волнением в его руке, он ушел.

Шайлер забыла – на поиски чего она пришла в библиотеку.

Она мигала, чтобы слезы не стали вытекать, и почувствовала, что ее горло сжалось. Вскоре все ее тело ужасно задрожало, как

никгода раньше, но оно не было связанно с болезнью при преобразовании. Она ошиблась. Она не была сильной. Ее сердце разбилось, она смогла почувствовать это, ничего не будет так же, как раньше. Ее глаза увлажнились, и она знала, что если она не остановит саму себя, она скоро зарыдает на лестнице.

Так вот, как заканчивалась любовная интрижка: случайной встречей на общественной лестнице. Несколько вежливых слов и никаких реальных разговоров, даже при том, что их миру приходит конец. И так, с большим самообладанием, которым она когда-либо обаладала, она высушила свои соезы, подняла свои книги, продолжила подниматься по лестнице.

Она только хотела вынести это.

Глава 47

Мими

Организовывать Соединение было легче, чем ожидала Мими. Тем более, что все расходы, ул. Собор Иоанна, прием в Метрополитен Опера Хаус, хор мальчиков Гарлема, оркестр Питера Дачина, и дюжина других деталей, все было решено год назад. Это был просто вопрос обеспечения в новые сроки и наем продавцов, большинство из которых были более чем счастливы принять Залог ее еще раз. Соединение было назначено на середину октября, самая ранняя дата, которая подходила всем.

Но Мими не думала о приближающемся соединении, так как она сидела в лобби отеля Мандарин Ориентал, ожидая вечером прибытия Кингсли Мартина. Это была самая последняя вещь в ее подсознании, как будто весь сценарий соединения был просто игрой роли, в которую она вступит в правильный момент, как хрустальная туфелька, которая должны была подойти. Но до тех пор, она могла делать все, как хочет.

Помощник из Хранилища, который обнаружил магнитофон, что смог проиграть ленту из кабинета Чарльза посоветовал не увлекаться, это было единственным, что они могли себе позволить. Он не мог даже разрешить ей взять его из здания.

"Венаторы не любят нововведения", проворчал он, вручая ей громоздкий черный предмет. "Мы дали им приставки для телефонов, но они по-прежнему пользуются своим старьем выдавая информацию. Однажды один отдал нам отчет на пергаменте. От руки. Представляете как трудно это читать? Не говоря о перепечатывании?"

Мими пробормотала слова солидарности, а потом нашла пустую кабинку и наушники. Она стала слушать.

Она провела почти всю ночь в хранилище, уйдя только, чтобы не пропустить первый урок.

Когда Кингсли, наконец, вошел в дверь, она задумалась, почему

почти каждый раз, когда она была с ним, она бодрствовала более двадцати четырех часов.

Когда он не спеша проходил, Мими заметила, как все в баре обернулись поглазеть на него. Заговорили об обаянии.

"Ты опоздал," сказала она, взглянув на свои часы.

"Нет, просто ты рано." Улыбнулся Кингсли и скользнул на сиденье рядом с ней.

Она потихоньку отодвинулась от него подальше. "Разве ты не остановился в этом отеле? Ты даже не извинился. Я ждала тебя больше часа."

И Мими Форс никогда никого не ждала. Это был новый и разочаровывающий опыт. Во взгляде официантки с коктейлем она прочитала, что выглядит жалко.

Кингсли зевнул. "Я знаю, что ты пришла не для того, чтобы поговорить о моей неспособности освоить управление временем. Так что же случилось?

"Сперва заказ," зарычала Мими, когда официантка плавно подошла к их столу. Мими заметила, девушка уже строила глазки Кингсли.

"Макаллан. Крепкий. И все, что пожелает леди," сказал Кингсли, подмигивая Мими.

"Я буду грязный мартини," сказала Мими.

"И мне придется посмотреть ваше удостоверение личности," сказала Официантка с фальшивой улыбкой.

У меня никогда в жизни не проверяли удостоверение личности! Мими захотелось закричать. Это Нью-Йорк! У тебя есть хоть одна идея о том сколько мне лет? Но прежде, чем Мими смогла что-нибудь сказать, или использовать проникновение в свое преимущество, Кингсли вытянулся и схватил ее кошелек, и вытащил водительское удостоверение Мими, чтобы показать официантке. Девушка даже не потрудилась взглянуть на них.

"Виски и мартини, прямо сейчас."

"Гладко. Что ты сделал? Поменял дату? спросила Мими. У некоторых вампиров была способность преобразовывать

неодушевленные объекты. Мими бы хотела обладать таким даром. Только вообразите, сколько копий она бы смогла преобразовать в настоящие Бёркин! Она заработала бы состояние.

"Неа. Нет необходимости. Она просто хотела наехать на тебя. Это мое внимание, она пыталась завладеть им ".

"Ты действительно нечто большее, не так ли?"

Кингсли усмехался. "Я скучал по тебе, Форс. Ты все еще сердита на меня с прошлого раза? Надеюсь, что нет. Никаких сложных чувств, да?"

Она фыркнула, но было сложно сердиться на него, когда он так улыбался ей.

Им принесли напитки, без намека на дальнейший флирт со стороны официантки. Тем временем, Кингсли, каким-то образом управлял всем так, что она фактически сидела на его коленях за их удобным столом.

"Перестань,"сказала она, отодвигаясь. "Я хочу поговорить с тобой кое-о-чем серьезном"

"Это кажется скучным," вздыхал он. "Я надеялся, что ты захочешь поговорить о чем-то еще."

"Послушай. Я нашла записи. Твои доклады двухгодичной давности. Они были в офисе Чарльза," сказала Мими, смотря ему в глаза.

"Теперь шпионишь за мной?" поднял Кингсли бровь и опустошил свой виски залпом. Но он сидел прямо и выглядел настороженным. Своей правой рукой он попросил счет.

"Я не понимаю?" прошептала она отчаянно. "Что ты делал для Чарльза? Почему ты призвал Серебряную Кровь? Что вы двое пытались сделать?"

"Ты действительно хочешь знать? спросил Кингсли. Он вернул ей прямой взгляд, так, что она могла смотреть прямо в его темные глаза. Она могла видеть намек на серебро на краю его радужек.

Мими не моргала. "Да. Расскажи мне. Расскажи мне все."

Глава 48

Блисс

Типовая распродажа Прада, в то время, по общественному признанию была исключительной (они проверяли по два удостоверения личности, сверяясь со спиком гостей у дверей) и заполнялась до краев маст-хэвами прошлого сезона, казалось разочаровала Блисс. Где были орды безумных молодых женщин, борющихся за последнюю пару шестидюймовых платформ с вышивкой? Была ли эта шумиха вызвана, тем, что экономика была на спаде, или возможно, потому что типовые распродажи были неотъемлемой частью тайной политики брендов? Было слишком много запасных проектов, продолжительность жизни которых составляла 3 месяца, что для законодателей моды являлось фактически изношенным материалом.

Потому что, кому нужна юбка, когда она больше не в моде? Или в это отношении, проверяется крокодиловый образец, который перевоплащает ногу в копыто. (жутко, но по-другому никак не переводиться)

Было ли это все еще модно, когда больше не казалось фешенебельным?

Блисс осматривала полки, таща сумку, чтобы посмотреть и тут и там. 400 долларов все еще очень большая цена за сумочку, подумала она. Они называли это обычной распродажей? Ее глаза заметили платье, одно из тех платьев в стиле бэби-дол, которые смотрелись так мило в рекламных кампаниях. Фиолетовое с желтыми цветами. Она взяла его.

Когда вошла Шайлер, одетая в свою многослойную одежду, но выглядевшая, как всегда эфимерно и красиво, Блисс смогла увидеть, что все другие законодатели мод стали размером с насекомое, и это заставило ее почувствовать гордость и счастье. Увидев Шайлер, Блисс вспомнила, что она не была каким-то столетним фриком, неким проклятым существом… этой ее части было 16 лет и она все еще невинная, и больше никто, никто в этой комнате, не поймет то,

через что она проходит…

За исключением девушки в сером тренче и черном свитере.

"Блисс! О, Боже! О, Боже! О, Боже?" кричала Шайлер, и они быстро обхватили друг друга, сильно обнимаясь, слезы текли по их щекам, создав вокруг бурю эмоций так, что другие покупатели отворачивались и пытались притвориться, что они не таращаться на них.

"Мы должны здесь остаться?" спросила Шайлер, любопытно смотря на Блисс. "Ты покупаешь это платье?"

"Я хотела… А что? Тебе оно не нравиться? Но нет, я имею в виду – да, будет лучше, если мы останемся здесь… но я думаю там есть комната, где мы можем поговорить," сказала Блисс, выводя Шайлер на выход к прихожей, и к небольшой приемной на другой стороне.

Они сели лицом к лицу, все еще обнимая друг друга. Блисс заметила, какая Шайлер худая.

"Когда я улышала, что вы ребята убежали, я так волновалась. Что произошло?"

Она слушала, в то время, как Шайлер рассказывала ей об исследовании и обо всем, что произошло позже. И она поняла, она понимала все больше и больше, как опасно рассказывать все Шайлер. Даже без титула, Форсайт уже возглавлял Конклав. Блисс чувствовала Посетителя, стоящего за всем этим позади. Но почему его заботит то,что произошло с Шайлер Ван Ален?

"Я видела Оливера в школе, но у нас не было шанса побыть вместе," сказала Блисс.

Она неуклюже встретила его. Они были друзьми по праву, подумала Блисс. Без Шайлер, она и Оливер не проводили много времени вместе.

"Чудно видеть его без тебя. Вы ребята всегда были близки."

"Я знаю," сказала Шайлер, крутя свои пальцы. "Это наилучший выход. Если Конклав узнал, что я вернулась…"

Блисс кивнула. Форсайт просил ее – если Шайлер свяжется с ней… – это значит, что Конклав все еще интересует ее местонахождение. Блисс конечно, ничего ему не сказала. Шайлер

была права, скрываясь. Но у Блисс было ощущение, что есть нечто другое, чем просто справедливый страх перед Конклавом, такое, что держало Шайлер и Оливера обособленно. Когда-то она надеялась, что Шайлер найдет счастье с Оливером, но дружба была одним, а любовь другим. Греки были правы в этом.

"Ты видала Джека?" спросила она.

"Да." Шайлер колебалась. "Все нормально. Все… мы… все кончено."

Она посмотрела прямо в глаза Блисс, когда сказала это и держала голову высоко.

"Я рада слышать это," мягко сказала Блисс.

Близнецы Форс, наконец-то собирались связаться, и она могла вобразить, наскольк это больно. Мими даже попросила, чтобы Блисс стала одной из ее свидетельницей связи, что было неожиданностью с тех пор, как они едва разговаривали друг с другом. Блисс сказала – да, для вежливости.

"А ты? Я… Мне жаль, что мы так и не поговорили о том, что произошло с Диланом. Я могу только вообразить, как ужасно…" голос Шайлер затих и ее серые глаза засверкали. "Мне действительно жаль, что я не была там с тобой. Я не хотела, чтобы ты оставалась одна после этого, но у нас не было другого выбора."

"Все хорошо. Я в порядке. Я действительно скучала по вам, ребята. Это было… несколько сумасшедшим для меня…" сказала она. В голове Блисс знакомый голос сказал, Скажи ей, что я передаю привет, который заставил Блисс улыбнуться. "В любом случае, иногда я чувствую, что он все еще со мной."

"Он всегда будет с тобой," сказала Шайлер, взяв руки Блисс и сжав их.

Блисс наклонилась так, чтобы они могли говорить, более уединенно. Она чувствовала, что темнота наступает, ощущение, мало чем отличающееся от достижения пропасти на роликовом устройстве. Зависание над пропастью, прямо перед снижением.

"Послушай, Скай, мне нужно сказать тебе кое-что. Со мной что-то не так. Я не могу говорить об этом слишком много, но то, что случилось со мной подвергает тебя большой опасности. Я пошла в тот класс… Древние цивилизации… и я читала о Риме… и я начала

вспоминать некоторые вещи… вещи, которые происходили раньше, и я думаю, они могут…" она собиралась сказать "могут произойти снова", но у нее не было возможности, потому что зазвонил iPhone Шайлер.

"Подожди. Господи, мне так жаль. Блисс, я должна ответить. Это с больницы моей мамы," сказала Шайлер, проверяя номер. Она поднесла телефон к уху. "Здравствуйте? Да, это Шайлер Ван Ален… Что? Жаль? Да… да, конечно… я приеду прямо сейчас."

"Что происходит?" спросила Блисс.

"Это – это моя мама. Она очнулась! Она зовет меня. Блисс, прости, мне нужно идти!"

Аллегра? Аллегра очнулась? Подожди Шайлер! Позволь мне пойти с тобой? Но было слишком поздно. Ее подруга ушла так быстро, как будто она исчезла без следа.

Глава 49

Мими

За окном виднелся восход солнца над Гудзоном. Мими натянула халатик, села на край кровати, размахивая ногами, что бы открылся лучший вид. Или, так по крайней мере, она ему сказала. Она чувствовала… себя растерянно. И ей это не нравилось. Она обшарила карманы халата в поисках сигарет, а потом вспомнила, что бросила курить. А жевательная резинка – не одно и тоже. Она утешала себя постукиванием пальцев по стеклу. За окном, небо отливало ярко красным и оранжевым, сумерки, окрашенные в багровый цвет,и желтый цвет смога смешивались с горизонтом.Но Мими наскучила картина красивого восхода, или может даже заката,в этом отношении: она находила их клише,неискренними, предсказуемыми. Каждый мог любить закат. А она была не кем – либо; она – Мими Форс.

"Вернись сюда."

Половина приглашений, половина команды.

Она повернулась. Кингсли Мартин лежал на кровати, руки заложены за голову. Высокомерный ублюдок. Рио было ошибкой. Наплыв эмоций после, того как они так близко приблизились к Наблюдателю, только, чтобы ее упустить… позже тем же вечером они встретились в отеле. Ну,что ж. Что сделано, то сделано. Она не могла этого изменить.

Она находилась далеко от дома и чувствовала себя скверно. Но ей не было оправдания за последние 24 часа. Ладно,после того, как Кингсли рассказал свою грустную, ужасную историю и поделился бременем своей тайны, они сидели до закрытия бара внизу, и что случилось после, казалось неизбежным. Встретится один раз было ошибкой. Но дважды? Дважды – уже привычка. Мандарин Ориентал было одним из любимейших мест Мими, где можно остановиться, и единственным в Нью Йорке особенно очаровательным. Если бы она только могла еще убедить себя, что находится здесь, что бы полюбоваться видом.

"Что ж? Я жду," объявил он шелковым голосом.

" Ты думаешь, что можешь позвать меня в любой момент?" произнесла она, распуская волосы по плечам: привычное движение которое она всегда использовала неожиданно. Она знала, что вид ее волос, рассыпанных по спине, возбуждал его. " Я знаю, что могу."

Она подошла ближе. " Кем ты себя вообще возомнил?"

Кингсли лишь зевнул. Он потянул за край халата, стягивая и оголяя плечо, пока она не остановила его на пол пути. " Что-то не так?" спросил он.

" У меня соединение через 2 недели, вот что не так," отрезала она, покрепче затягивая халат на талии. Тогда в Рои она спросила его, не случалось ли с ними этого прежде.и прошлой ночью она спросила снова. Если только они когда – либо были вместе… если… если… если…И конечно же Кингсли отказался отвечать. Он приходил в бешенство. Делай свои задания, сказал он. Занимайся своей регрессией (восстанавливай свои воспоминания).Он дразнил и насмехался над ней и отказывался отвечать на вопросы.

Если бы это происходило раньше, я бы могла простить себя, думала она. Возможно это единственная ее слабость. Может быть он и есть моя слабость.

"Можно тебя кое о чем спросить? " спросила Мими, наблюдая за тем, как Кингсли оделся и подошел к маленькому обеденному столику. Кингсли заказал завтрак, достойный короля. Не только обычная тарелка омлета с беконом. Там было блюдо из морепродуктов на льду, полная банка икры, тосты, зеленый лук, сметана и мелко нарезанный лук. Золотая бутылка запотевшего Cristal виднелась в ведерышке для вина.

" Все, что угодно," сказал он, зачерпнув икру пальцами, и затем облизал их. Он наполнил тарелку едой, потом открыл бутылку вина и разлил по бокалам. С улыбкой на устах он вручил ей один.

" Я серьезно… Я не хочу, что бы ты обиделся."

" Я?" ответил он, устраивая свой завтрак у себя на коленях поудобнее, когда сел на диван и поставил ноги на кофейный столик.

" Чем… чем питается Серебряная Кровь?" спросила она. " Я имею в виду, что-то кроме кофеина, сахара и креветок, размером с твою ладонь," сказала Мими, наблюдая как он ест. " Мне интересно, вы до сих пор совершаете Целование? С людьми, я имею в виду?"

Кингсли покачал головой. Он выглядел опечаленным, когда мокнул креветку в соус. " Нет." он откусил. " Нет, моя дорогая. Это больше не выход для тех из нас, кто вкусил бессмертной крови. Я думаю для Кроатана имеет значение лишь та кровь, которая течет по твоим венам."

Мими скрестила ноги, садясь напротив него на кровать… Она выгнула шею.

" Так, ты чувствуешь искушение?"

" Все время."вяло улыбнулся он.

" и что же ты тогда делаешь?"

"Что остается делать тогда? Я не могу. Я обещал чтить Кодекс. Я себя сдерживаю. Могу все еще есть еду… а иногда она имеет даже довольно хороший вкус." Он пожал плечами и вытер пальцы о край своей рубашки. Ей хотелось сказать ему не делать этого, но не хотелось исполнять роль матери. " Хочешь сказать, что не можешь ощутить вкуса всего этого?"

"Я пытаюсь."

" Но все те пончики…" сказала она, внезапно ей стало его жаль. Он был бессмертен в полном, истинном смысле этого слова. Не нуждался ни в чем, что бы выжить. Какой одинокий и странный образ жизни…

" Да, я знаю." он рассмеялся, но глаза выражали грусть. " Я ем много потому, что могу вкусить лишь крупицу того, что передо мной. У меня безграничный аппетит, который никак не возможно восполнить." Он подмигнул. " Именно по этой причине Серебряная Кровь проклята."

"Ты превращаешь серьезные вещи в шутку, так однажды ты мне сказал," сдерживаясь, произнесла она.

" В общем,да. В этом мы с тобой очень похожи," ответил Кингсли. Он поставил свою, уже пустую, тарелку и бокал, и встал прямо напротив нее. " Нам хорошо вместе, не так ли?" спросил он. " Признай это, в своем роде это развлечение… или нет?" Он лизнул ее шею, затем ухо, нежно прошелся поцелуями по спине и плечам. Она могла уловить запах шампанского на его губах.

Мими закрыла глаза. Развлечение, и это все. Это ничего не

значило. Ни для него, ни для нее. Совместное времяпровождение. И это все чем они занимались. Исключительно физическое и совершенное удовольствие. Никакие чувства не были замешаны, никакой божественной связи, и никакого небесного призыва (повиновения)… Было всего лишь развлечение. Чистое и обычное.

Кингсли все еще целовал ее шею, когда она ощутила легкое покалывание и пощипывание на коже, это были его клыки.

" Что это ты делаешь?" спросила она, чувствуя страх, и, в тоже время, возбуждение. Она не знала, какого это быть в роли жертвы. Как добыча. Он был опасен. Преобразованная Серебряная Кровь. Так же можно назвать его исправленным доберманом.

" Шшш… больно не будет… Я обещаю." Потом он укусил ее в шею, лишь маленький укус, для того, что бы она могла почувствовать, как его клыки погружаются и прокалывают кожу, и тогда она почувствовала его язык, слизывающий каплю крови. Он облизнул губы и улыбнулся ей. " Теперь ты попробуй."

Мими была в ужасе. Что он только что сделал? И как он мог хотеть, что бы она тоже это сделала? " Нет." Но она должна была признать, что искушение появилось. Ей всегда было любопытно, как это происходит.

почему Кроатан предпочел это обычному Целованию.

" Давай же. Ты не сделаешь мне больно. Уверяю тебя."

Время с ним давало ей чувство жизни и свободы. Что это могло испортить? Только прикосновение. Лишь одна капля. Одно поддразнивание. Пить его кровь ей вовсе не хотелось, но вдруг ей очень захотелось попробовать ее на вкус.

Это, как играть с зажженной свечой. Держать палец над пламенем, и убирать его, пока не обожгло. Как острие ножа, балансирующее между опасностью и развлечением. Как езда на Американских горках. Прилив адреналина был просто опьяняющий. Она выдвинула клыки и прильнула к его шее.

Взошло солнце, наполняя комнату светом. И Мими Форс отлично провела свое время.

Глава 50

Шайлер

Она чувствовала себя скверно, оставляя Блисс в таком состоянии. Но именно сейчас она была слишком взвинченной,что бы хотя бы думать о чем -то кроме одного, человек, которого она ждала всю свою жизнь, что бы поговорить… проснулся. Жива. Аллегра Ван Аллен была жива. Она открыла свои глаза полчаса назад и спрашивала о своей дочери.

Когда она вошла в стеклянные двери Пресвитерианской больницы Нью Йорка, и направилась к лифту, который доставит ее в отделение интенсивной терапии, Шайлер удивилась, сколько дней и ночей, сколько дней рождений, дней Благодарении и рождественских праздников, она провела, блуждая теми самыми, освещенными флуоресцентным лампами, коридорами, пропитанными запахами антисептиков и формальдегидов, ловля на себе сочувствующие взгляды медсестер, печальными группками собиравшихся в комнатах ожидания, их лица были опущены и выражали сожаление.

Сколько раз?

Слишком много, что бы сосчитать. Слишком много, что бы вспоминать. Все ее детство прошло прямо здесь, в этой больничном центре. Домработница учила ее ходить, говорить, а Корделия оплачивала счета. Но у нее никогда не было матери. Не было никого, кто пел бы ей песни в ванной, ил целовал ее в лоб перед сном. Не от кого было держать секреты, не с кем было спорить по поводу одежды, не было перед кем захлопывать дверь, не было никакой мягкости или разногласий, бесконечных путей отношений матери-дочери.

Было только это.

" Ты так быстро пришла," сказала медсестра, приветствуя ее улыбкой с своего места. Она провела Шайлер по коридору в частное крыло, где находились самые привилегированные и наиболее неподвижные (в вегетативном состоянии) особы Нью Йорка.

" Она ждет тебя. Это настоящее чудо. Доктора вне себя." Медсестра заговорила тише. " Говорят, ее могут даже показать по телевидению?"

Шайлер не знала, что ответить. Все еще не верилось, что это произошло на самом деле." Подождите… Мне нужно взять что-то в кафе." И она быстро пошла прочь, перепрыгивая целый пролет ступенек, ведущих на первый этаж. Она вылетела через дверь, удивив нескольких интернов, прокравшихся на скрытую площадку, для перерыва на кофе.

Она не была уверена, что сможет это сделать. Все складывалось слишком хорошо, что бы оказаться правдой., и она не могла заставить себя столкнуться с этим лицом к лицу. Она вытерла, накатившиеся на глаза, слезы и зашла в кафетерий.

Она купила бутылку воды и пачку жвачек, и сразу же вернулась на нужный этаж. Понимающая медсестра все еще ждала ее.

" Все хорошо," сказала она Шайлер. " Я знаю, это шок. Но иди к ней. Все будет хорошо. Она ждет тебя."

Шайлер кивнула. "спасибо," прошептала она.

Она прошла дальше по коридору. Все выглядело как и прежде. Окна выходили на мост Джорджа Вашингтона. Больничные карты с именами пациентов, назначенными лекарственными препаратами, и именами лечащих врачей. Наконец она дошла до нужной двери. Она была лишь приоткрыта, и Шайлер услышала.

Голос, за дверью, ритмичный и любимый. Звал ее по имени так нежно.

Голос, который она слышала только во сне.

Голос ее мамы.

Шайлер открыла дверь и вошла внутрь.

Глава 51

Блисс

“Что ты сказал?”

Блисс платила за свое новое платье, когда почувствовала толчок голоса Посетителя в своей голове.

"Вы принимаете Амекс?" спросила она продавщицу, сидящую за столом. Она пыталась поддерживать свое самообладание, в то время как волнение Посетителя доставляло ей головную боль.

“Аллегра бодрствует? Аллегра жива?”

"Почему это приносит радость тебе?" спросила Блисс. "Почему ты волнуешься? Она всего лишь коматозница в больничной комнате".

"Вы что то сказали?" спросила продавщица, запихивая фиолетовое платье в простой коричневый пакет и сшивая верх с квитанцией.

"Нет. Простите." Блисс забрала свои сумки и вышла из комнаты. Она наткнулась на несколько входящих девушек.

" У них все еще остались хорошие вещи, ил уже все разобрали?" спросила одна из них.

" О… Я не знаю," пробормотала Блисс, проталкиваясь вперед. Она знала они сочтут ее чрезвычайно грубой, но ее голова казалось взорвется и разлетится на куски.

Блисс подняла руку, что бы остановить такси. Было уже 5 часов дня и на всех такси красовались таблички “Off Duty”, и что еще хуже, начинал капать дождь. Ньюйоркская погода. На миг она заскучала за ролсом Бобби Энн и водителем, всегда заезжавшим за ней. На конец-то, Блисс поймала городскую машину, высадившую за углом какого-то служащего.

“Сколько до 168-ой Улицы?”

“Двадцать.”

Она проскользнула в машину, где оказалось довольно тепло и

уютно после, внезапно начавшегося, ледяного дождя.

Она все еще чувствовала возбуждение и волнение Посетителя. Почему это его волновало? Что ему за дело до какой-то глупой женщины в больнице?

" Соблюдай некоторое почтение, проговорил Посетитель холодным тоном. Не говори о своей матери таким образом."

" Значит это правда. Я ее дочь. Я дочь Аллегры," подумала она. Сердце так сильно колотилось в ее груди, что стало немного больно.

" Конечно, само собой разумеется," ответил Посетитель благоразумным голосом и Блисс почувствовала себя еще более взволнованной. " Мы сотворили тебя вместе. И сейчас, я думаю, как раз подходящее время навестить ее."

Глава 52

Шайлер

Больничная койка была пуста. Аллегра Ван Аллен сидела в кресле позади. Мама Шайлер была воплощением элегантности и сдержанности, одетая в простое черное платье и с ниткой жемчуга на шее. Она выглядела, так будто только что пришла с работы или с заседания совета благотворительности, а не так, как должна была выглядеть за последние 15 лет, проведенные лежа прикованной к кровати и недвижимо.

Шайлер вошла в палату с нерешительностью. Но как только Аллегра открыла свои объятья, Шайлер сразу же бросилась к ней.

" Мама." Аллегра пахла,как розы по весне; ее кожа была мягкой, как у младенца. Ее присутствие наполняло комнату ярким светом.

Аллегра пригладила волосы дочери.

"Шайлер. Ты пришла домой."

"Прости меня. Мне так жаль," всхлипнула Шайлер. "Прости меня за все, что я сказала тебе в Токио." Она подняла свое заплаканное лицо. "Но как?"

"Пришло время," сказала Аллегра.

Шайлер вырвалась из объятий матери, она не могла поверить своим ушам.

"Так ты говоришь мне, что ты могла очнуться в любое время?"

" Нет, моя дорогая." Аллегра покачала головой. Она жестом указала Шайлер на стул, что б та села напротив. " Я чувствую волнение глубоко в гломе… Что-то произошло в мире… Я это почувствовала. Было эгоистичным с моей стороны продолжать не пить кровь. Оставаться глубоко в своей изоляции."

Потом Шайлер увидела,что произошло, как будто она там присутствовала: женщина, находящаяся в коме, встает с кровати, и вгрызается в шею медсестры, которая пришла сменить простыни.

Шайлер подавила рыдание. "Лоренс?"

"Ушел. Я знаю. Я говорила с ним до того, как он перешел на другую сторону." кивнула Аллегра.

"Он рассказал мне о наследии Ван Аленов." сказала Шайлер. "Ты знаешь, что мне нужно делать?"

В ответ, мать только притянула ее поближе и заговорили так, что лишь Шайлер могла услышать. " Слушай внимательно, дочка. То, о чем я собираюсь тебе рассказать, можно поведать только в гломе."

" В те дни, когда мы еще называли Рай своим домом, пути между мирами были открыты.Ангелы свободно передвигались между Землей, Раем и подземным миром. Но после восстания Люцифера, когда Темный Принц и его последователи были изгнаны с Небес, дорога в Рай закрылась навсегда. Но 7 Путей Мертвых остались открыты.В Риме мы все еще доверяли Каллигуле, мы не знали, что под его маской скрывался Люцифер, так же как и не знали, что его целью стало отыскать их местоположения на Земле. Будучи императором, он приказал выстроить лабиринт из туннелей под городом Лютетия. Это произошло здесь, он нашел первый путь.

Будучи высокомерным, он поделился секретом с Михаилом. Утренняя Звезда никогда не был один в сокрытии своей славы, которая будет ему стоить (за которую придется заплатить). Михаил настоял на том, что бы возвести врата на пути, и выковать ключ, который будет хранить Михаил. Люцифер согласился.

Но конечно же все это была ложь. Превращение Люцифера в Кроатан тогда уже почти завершилось. За предательством Кодекса Вампиров, последовал кризис в Риме. При первой же возможности он украл ключ и выпустил Мерзость в мир. Но мы и не догадывались об этом, пока не стало слишком поздно.

Голубая Кровь выслеживала и охотилась на демонов и их собратьев Серебряной Крови. Мы превратили Лютетию в убежище. Михаил победил Люцифера, забрав его дорогой мертвых в подземелье, и закрыл за ним врата. Тогда Михаил приказал Голубой Крови отыскать оставшиеся 6 дорог и возвести врата над ними, что бы сохранить мир на земле. Хранители ворот назывались Орденом Семи, в состав которого входили семь старинных семей Конклава.

Хранители ворот согласились рассеяться по всей земле, скрываясь друг от друга. Знание о вратах должно оставаться в семье

хранителя, и передаваться из поколения в поколение.

Наследие Ван Алленов это последнее название работы, которую Лоуренс и Корделия начали по прибытии в Новый Мир. Когда молодая Голубая Кровь вновь начала вымирать, они поняли, то чего они боялись столетиями было правдой: врата начали ослабевать (потерпели неудачу), каким-то образом Люцифер и Серебряная Кровь выжили после сражения в Риме и планировали свое возвращение к власти.

Найти все врата и всех хранителей, предостеречь их о надвигающейся опасности, стало для Лоуренса работой всей его жизни. Но Чарльз никогда не верил в Наследие Ван Алленов. Он возмущался, что отец сомневался в работе, которую он проделал на протяжении столетии. Так Лоуренс оказался в изгнании. И о Наследии Ван Алленов забыли.

"Но Лоренс был прав," сказала Шайлер. "Они вернулись."

" Да, они вернулись, и отчаянно ищут способ открыть врата и освободить Дьявола из заключения Ада. Это стало причиной того, что мы еще давным давно ввели их в заблуждение (Обманули). Чарльз не являлся хранителем ворот Лютетии. Основание(крепление) земных ворот было нарушено. Истинный хранитель заметил это уже давно."

"Как ты узнала это? Ты хранитель?"

" Нет. Только Лоуренс был хранителем из всей семьи Ван Алленов. Вспомни Орден Семи. Одни врата в каждой семье."

"Левиафан и Корковадо." теперь Шайлер поняла.

" Да. Твой дедушка был хранителем Ворот Отмщения (Мести), тюрьмы Левиафана. После того как Лоуренс пролил невинную кровь, врата открылись и высвободили Левиафана. Но одного Голубая Кровь не знала, Врата Отмщения были solom bicallis. Ими можно воспользоваться только один раз, и лишь в одном направлении. Сразу же после освобождения Левиафана путь закрылся для всех.

Серебряная Кровь не будет ждать. Они будут искать всех хранителей и все врата пока все Дороги Мертвых не будут открыты.

Шайлер, тебя все зависит от тебя, ты должна отыскать оставшихся членов Ордена, предостеречь их об опасности, и сохранить врата в безопасности. До тех пор пока врата остаются

местом заключения, Люцифер не сможет перейти из подземного мира в земной. Это и есть Наследие Ван Алленов, и теперь оно твое. Это и есть Наследие Ван Алленов, и теперь оно твое.

"Ты имеешь в виду, это наше."

" Увы, это не возможно. Я не могу помочь тебе в твоих поисках. Я должна найти Чарльза. Он затерялся, где-то между мирами, когда Серебряная Кровь выпустила субвертио. Во всей вселенной что-то сломалось, и лишь мы вдвоем можем это исправить… что тоже является частью твоего путешествия."

" Мама, ты оставляешь меня. Снова. Теперь, когда я нуждаюсь в тебе больше чем когда либо," прокричала Шайлер, шокированная новостью и чудовищной ответственностью, возложенной на ее плечи. Найти врата? Отыскать хранителей? Спасти мир? Как она сделает это сама?

"Я не ухожу. Я всегда с тобой," сказала Аллегра, держа Шайлер в своих руках. "Моя дочь, я в тебе. Никогда не забывай это."

"Так это была действительно ты, тогда, с мечом? В моих снах?" спросила Шайлер.

" Конечно." Аллегра нежно улыбнулась и встала. " Теперь слушай внимательно. Следы Левиафана обнаружены в Париже. Мы знаем, он ищет врата, прежде расположенные в Лютетии. Врата Времени. В этом я уверена, так как Михаил и я сами назначили его хранителем. Их охранял Тибериус Гемулус. Найди его. Обеспечь безопасность вратам."

Глава 53

Мими

Когда Мими вышла из школы тем днем, Кингсли уже ждал ее у ворот Дачезне, где уже собрались неряшливо выглядящие парни в ожидании своих подружек из частной школы. Только совсем не выглядел неряшливо. Он выглядел будто только что сошел с обложки глянцевого журнала (как с иголочки): сверкающая улыбка, блестящие причесанные темные волосы, свежевыбритое лицо. Он был одет в черную кожаную куртку поверх белой рубашки и потертые синие джинсы. Так, что рок звезда отдыхает.

" Что ты здесь делаешь?" тревожно оглядываясь, потребовала Мими. " Джек может тебя увидеть?" Не то что бы это ее сильно волновало. Может быть ее близнец даже приревнует, увидев их вместе. Если только Джек был способен хоть на какие -то чувства к ней. Кто знает о чем он вообще думал своей тупой головой?(Какие мысли роились в его тупой голове?)

Кингсли проигнорировал ее слова и притянул ближе. Он поцеловал ее на глазах у всей толпы возбужденных первокурсников.

" Форс. Садись в лимузин." Мими увидела блестящую машину длинной в целый квартал, припаркованную у тротуара. Шофер уже держал дверь открытой.

Мими всегда питала скрытое увлечение лимузинами. Довольно броско было ездить на них в городе, иначе ты рисковал выглядеть как турист или ты собирался на выпускной. Но этот сиял опасным блеском. Она должна это признать: у парня был свой стиль.

Она бросила взгляд на Кингсли и проскользнула внутрь. Он последовал за ней и закрыл дверь.Он поднял водительскую перегородку так,что та закрыла скрыла их из виду. Стекла были затемнены. Они оказались, во всех смыслах, одни. Машина была настолько просторной, что возникло ощущение будто они находились в движущейся гостиной. Под ногами красовался пышный коврик, а сидения были такими широкими, что казалось сидишь на кровати.

" Ну, на чем мы остановились?" спросил Кингсли, наклонившись так, что практически оказался на ней, с одной рукой под ее блузой, а другая стягивала пояс ее юбки.

" Подожди. Подожди." задыхаясь произнесла Мими, и поставив руку ему на грудь, оттолкнула. И она думала, что слишком спешит. Кингсли был,как всемирный талантливейший и преуспевающий художник. Она едва попала в машину как оказалась практически раздетой.

" Солнышко, я ждал целый день," вздохнул он, зарываясь лицом в ее шею. Но он сделал как она просила и убрал руку с ее бедра.Он овладел собой и откинулся на спинку сиденья. " Вот. Так лучше?"

Мими старалась выглядеть не слишком польщенной. Приятно быть желанной. Кингсли с его ненасытным аппетитом.

" Куда мы едем? Или правильнее спросить, куда ты меня везешь?" поинтересовалась она, когда машина свернула на FDR Drive. В ответ, Кингсли показал пару авиа билетов.

" Париж. Парни Леннокс уже в JFK. Мы улетаем сегодня вечером."

"Мы?"

Ты же не собираешься дезертировать и бросить команду, Форс?" Он улыбнулся. " Не беспокойся, у меня есть все, что тебе может понадобиться. Достал тебе новое снаряжение Венатора. Конечно, это не идет в сравнение с твоей непрактичной обувью, но уверен, ты найдешь что-то подходящее в Городе Света.

Мими принялась застегивать свою блузку. " Ты наверное шутишь. Сейчас же разворачивай машину. Я не собираюсь лететь ни в какой Париж."

"Почему нет?"

Он действительно еще тот парень, тот самый, подумала она. Она действительно должна об этом напоминать?

" Ты забыл? У меня соединение в следующее воскресенье. "

" Разве?"

" К чему ты клонишь? Джек моя…" Родственная душа казалось прозвучит ни к месту. " Он мой близнец. Мы принадлежим друг

другу. Так было всегда."

Кингсли кивнул, будто всерьез принял во внимание все ее аргументы." Правильно. И именно поэтому ты тайком прокрадывалась в мой отельный номер каждую ночь всю последнюю неделю."

Каждую ночь! Это было каждую ночь? несомненно он ошибался. Она непременно провела хотя бы одну ночь сама. Она все отрицала. Все зашло слишком далеко. Она с этим покончим прямо здесь и прямо сейчас.

" Ты же знаешь Кодекс, " сказала она." так должно быль. Я не могу отказаться от соединения."

" Связи созданы, что бы их разрывать." сказал он." Так же как и правила."

" Говоришь как истинная Серебряная Кровь," огрызнулась она.

Лицо Кингсли стало серьезным. " Тебе известен мой секрет. Ты знаешь с чем нам придеться столкнуться, чудовищность нашего задания, если то, что подозревает Чарльз, правда. Ты нужна команде. Присоединяйся к нам."

Мими залилась румянцем. За всю свою жизнь она еще ни разу так себя не чувствовала. За все свои жизни. Любовь к Аббадону была всем, что она когда либо знала. Но потом в ее жизнь ворвался Кингсли и перевернул все с ног на голову. Но действительно ли он ее хотел? Действительно ли он заботился о ней? Любил ли он ее? Или же ему просто хотелось видеть ее рядом ради собственного удовольствия?

Кингсли ей улыбнулся, и она знала, это была улыбка триумфа, улыбка мальчика, который всегда получал желаемое. Без сомнения, сейчас он ее хотел, но что случиться, если он передумает? Она знала,что из себя представляет соединение, самоотверженность, преданность друг другу и служба, оказанная обществу, в целом. Вампиры стали вымирающим видом, это все, что она знала. Голубая Кровь нуждалась сейчас в них больше, чем когда либо. Она подумала о всех деяниях, совершенных вместе с Джеком: Они победили Люцифера в Риме, они открыли Новый Мир… Она Азраель. Она верна своему слову. Она не отмахнется от того, что от нее требовалось. Кем она себя возомнила, а ее брат? Непостоянная, нерешительная, не способная сделать выбор между безрассудством и

долгом?

" Нет, Кингсли. Я не могу." Покачав головой, ответила она. " Выпусти меня отсюда. Останови машину."

Кингсли долго и пристально на нее смотрел. Затем, прокашлявшись, снял трубку телефона и попросил водителя свернуть в сторону и остановиться. " Как пожелаешь"

Глава 54

Блисс

В Нью-Йоркском Пресвитарианстве приемные часы закончились, когда пришла Блисс, но это не имело значение. Аллегра Ван Ален ушла к тому времени, пока она добиралась до туда.

"Но что вы имеете в виду, говоря, что ее нет? Я только получила сообщение о том, что она очнулась… Я ее дочь!" кричала Блисс.

"Шайлер была здесь час назад," сказала медсестра, выглядя смущенной. "она вышла с Аллегрой."

"Я имею в виду, я другая ее дочь. О, неважно," сказала Блисс, уходя прочь и разбрызгивая капли дождя по всему полу.

"Она ушла. Аллегра ушла. Ее не было поблизости достаточного колличества времени, чтобы поговорить со мной. Она не заботиться обо мне. Она даже не знает, что я жива. Ты слышишь это, отец?" кричала она в своей голове. "Где ты, в любом случае?"

Но это было так, как будто Посититель знал, что они не найдут Аллегру в больнице. Во время плотного движения в городе, он снова отступил.

Блисс вернулась домой, как обычно, в пустую квартиру. Она приготовила картофель в микроволновой печи на ужин. Даже если она действительно не чувтвовала голод, пытаться когда-либо нарушить 3-х разовое питание в день было сложно.

После нескольких кусков, она выбросила картофель в мусор, и пошла в свою комнату, чтобы примерить новое платье. Шайлер была права. Ей не стоило покупать его. Оно было слишком тесным в груди и слишком коротким. И цвет был неправильно подобран; глубокий фиолетовый оттенок сделал ее еще более бледно выглядещей, чем обычно, и контрастировал с ее рыжими волосами. Она должна вернуть его. Сняв платье, она закинула его в сумку, чтобы принести его обратно в магазин. Она надеялась вернуть хоть часть денег. После банкротства Форсайт стал сокращать ее карманные деньги.

Аллегра была ее матерью… Правда приносит боль, как и то, когда ты подслушиваешь, что твои друзья действительно о тебе думают. Она снова позвонила Шайлер, но никто не ответил.

Блисс закрыла глаза и отправилась на вершину Клойстерса, ища своего друга. Она должна поговорить с кем-нибудь. Но, вместо того чтобы увидеть Дилана, она увидела кого-то еще.

Человека в белом костюме. Посетителя. Люцифера. Ее отца.

"Здравствуй, дочь."

"Где ты был? Я пришла в больницу, но ее уже там не было."

"О, я знаю," сказал он. "она была слишком быстра для нас. Всегда была. Но это не важно. Мы достаточно скоро поймаем ее. Здесь хорошо. Как ты называешь это место?"

"Клойстерс," сказала Блисс.

"А, так вот где ты и твой молодой человек встречаетесь. Но не волнуйся; он больше не побеспокоит нас."

Блисс почувствовала спазм в животе. "Что ты имеешь в виду?"

"Я знаю, что ты собиралась сделать. Я знаю все, что ты знаешь. Ты не спрячешься от меня, Блисс. Я слышу каждую твою мысль. Я знаю, что ты видела то, что в моем сознании, и я рад. Поскольку ты должна быть готовой."

"Готовой? К чему?"

"Услышав об Аллегре, я вспомнил, что у нас есть незаконченное дело. Ее полукровная дворняжка-дочь – Шайлер Ван Ален. Твоя очень хорошая подруга, как я могу скахать."

"Что с Шайлер?" спросила, нервничая Блисс.

"Форсайт был неспособен принести ее ко мне. Левиафан также потерпел неудачу. Удивительно, насколько слеп я был к преимуществу, которое существует в пределах моей досягаемости. Потому что ты не должна подвести меня, моя дочь. Нет. Ты приведешь ее ко мне."

Блисс покачала головой и отступила, почти к краю крыши. "Ни за что! Ты сумасшедший, если думаешь, что я сделаю такую вещь когда-либо."

Лицо Люцифера было спокойным. "Почему? Это потому что, ты ошибочно веришь, что Шайлер Ван Ален твоя подруга? Какая подруга оставит тебя? Она никогда не звонила, не единожды, не так ли? Никогда не хотела узнать, как ты. Какая она подруга? Как она смогла бросить тебя в одиночестве, зная, как сильно ты страдаешь?"

Блисс продолжала трясти своей головой так энергично, что подумала, что она сама вызвала у себя головокружение. "У нее не было выбора… она убегала… Форсайт сделал ее беглецом!"

"Все же, у каждого из нас есть выбор. У каждого из нас есть свобода выбора в том, как действовать, а она выбрала оставить тебя в одиночестве. Наедине со мной." Люцифер снова улыбался, и на этот раз Блис смогла увидеть его клыки.

"Нет.Я не буду. Ты должен будешь сделать это сам, если хочешь, чтобы все получилось."

"Я попытался, моя дорогая," вздыхал Люцифер. "не забывай: у нас есть, как вы молодежь говорите, "будь там, сделай это."

Блисс поняла, что Люцифер пытался навредить Шайлер в течение всего времени, когда он был во главе, когда у Блисс были все те провалы в памяти.

"Но пока я действительно не был в состоянии навредить девчонке. Защита Габриэллы скрыта в ее крови и должно быть поэтому она отклонила мое вмешательство. Но ты, моя дорогая, в тебе тоже есть кровь твоей матери. Как и у Шайлер. Ты будешь в состоянии пройти там, куда я не был способен.

"Я никогда не сделаю это." Блисс сжала свои кулачки в карманах ее пальто. Ее отец безумен, если думает, что она когда-нибудь навредит своей подруге.

"Хорошо, теперь у тебя есть выбор: ты можешь сделать, как я прошу, или ты никогда не увидишь снова своего молодого человека."

"Меня это должно заботить? Он не настоящий," настаивала Блисс.

"Он столь же реален, как и я. Ты думаешь, что только твой мир это – правда? Существует бесконечное число миров во вселенной. Мир в твоем подсознании столь же реален, как и мир за его пределами."

Блисс посмотрела вниз с крыши музея. Если бы она прыгнула, если она упадет во время проникновения, в своем подсознании, может ли она навредить себе?

"Что ты собираешь сделать? Что ты хочешь, чтобы я сделала… с Шайлер?" прошептала она.

"Моя дорогая? Разве не понятно? Ты идешь убивать ее."

Глава 55

Мими

Все таки он был прав, выглядела я лучше голой, подумала Мими, разглядывая себя в зеркалах спа. Ростом в 5,9 футов, с длинными стройными ногами, широкими плечами и высокой, не слишком большой, но и не слишком маленькой, грудью, не нуждающейся ни в уменьшении ни в увеличении, у нее было тело, как у девушек с обложки Sports Illustrated, спортивное и подтянутое, но все же женственное и сексуальное, с узенькой талией,как у Барби и изящными стройными бедрами. Соединение назначено на следующий день и она старалась больше не вспоминать Кингсли. Но иногда он всплывал в мыслях в очень неподходящие моменты. Плохая привычка от которой она пыталась избавиться.

" Готова?" спросила ее мама, закрывая дверцу шкафчика, и окутала ее торс пушистым белым полотенцем. Тринити смотрела неодобрительным взглядом на Мими, такую беззастенчиво нагую по середине раздевалки. Традиции взывали невесту быть полностью раздетой для церемонии, хотя сейчас это было уже без надобности. Но Мими предпочитала следовать старинным традициям и с нежностью вспоминала прежние купания с этой же целью, в Найл Ривер, в мраморной ванне в Версале, во вновь установленной сауне в Ньюпорте.

Женщины- надзирательницы, горстка девушек Голубой Крови из Дачезне, и несколько кузин уже ждали их у огненного бассейна.

" Давай сделаем это." Кивнула Мими и проложила путь к подземной пещере. Прошла уже неделя как Кингсли попросил ее поехать с ним Париж. Иногда она задумывалась, чем он занимается, думает ли он о ней, но большинство времени она проводила в приготовлениях к завтрашнему соединению.

Спа принадлежало Голубой Крови, только учреждение, и было создано по образцу римских бань античности. Мими забронировала ее для, необходимой перед соединением, церемонии: купание невесты женщинами их народа.

Ритуальное купание являлось традицией, которой придерживались столетия, и в разных культурах она проявлялась под различными названиями: В еврейской культуре это миква, в индуизме, купание рекомендовали в 4 час утра, во время брахма мухоратам, или в более благоприятное время дня. На священном языке его называли sanctus balineum (священное купание).

В просторном подземном комплексе находилось 4 разных бассейна, ледяная ванна с шокирующей температурой в 57 градусов по Фаренгейту; " туманный " бассейн, насыщенный парами, что было хорошо для пор; бассейн " гармония" являлся сутью релаксации(расслабления); И огненный бассейн, нагрев которого достигал такой температуры, что только вампиры могли вытерпеть. Человек бы сгорел в огненном бассейне, но для вампиров это было восстановительная и освежающая процедура.

Мими зашагала вниз по каменной плите и почувствовала как теплая вода обволакивает ее кожу, когда присоединилась к группе девушек и женщин, образовавших круг. Мерцая и двигаясь, как водяные нимфы, они начали напевать с закрытыми ртами как только она подошла ближе.

Она встала посреди группы, скрестила руки на груди, сделала поклон, что бы они знали как она ценит и уважает их присутствие на этом важном этапе ее жизни.

Тринита последовала за ней в круг, высоко неся золотую чашу. Она окунула ее в бассейн и наполнила живительной святой водой. Священное купание требовало воды не из труб. Для этой цели была собрана ключевая вода, доставленная из тайного источника в спрятанном резервуаре.

Медленно поливая голову Мими, она произнесла следующие слова: " Она – дочь Небес," она запела сладким, мелодичным голосом, отдающийся эхом по каменной комнате. Постепенно свет в комнате начал затухать, пока не наступила полная тьма, и тела вампиров накалились докрасна (ярко засветились)в гломе.

" Аминь, " будто в один голос, пробормотала группа.

Тринити кивнула и продолжила говорить монотонным голосом. " Сегодня мы все здесь собрались, что бы очистить ее от грехов мирских."

" Аминь." Женщина принялась ходить вокруг Мими, при этом

напевая нежно " Аллилуя."

" Мы готовим ее к соединению, которое не должно быть разрушено. Что бы произнести слова клятвы, которые должны быть выполнены."

Каждый из присутствующих круга подходили, один за другим, поливая голову Мими водой из золотой чаши, благословляли ее своими молитвами.

Когда ритуал был завершен, Тринити положила руки на голову Мими. " Она – дочь Небес. Сегодня она очистилась от своих мирских грехов." Она окунула Мими глубже так,что бы девушка погрузилась полностью в воду.

Мими почувствовала как теплая вода пощипывает и успокаивает ее кожу, почувствовала легкое головокружение, когда очистился разум также,как и тело. Она вынырнула из воды умиротворенная и полная сил.

Она почувствовала себя очищенной от всех своих сомнений и волнений. Не было больше мыслей о Кингсли и о том, что он ей предлагал. Она была едина со своим духом, с ее жизнью, светом и ее судьбой. Она была готова к соединению.

Глава 56

Шайлер

Прошло уже 2 недели как Шайлер встретила Блисс на распродаже. После их радостного воссоединения, Шайлер думала,что сможет чаще видеться с Блисс, но все оказалось совсем наоборот. Блисс всегда находила оправдание, что бы не встречаться с ней. Шайлер старалась не огорчаться нежеланием своей подруги поити вместе погулять. В любом случае, ее мама поставила перед ней устрашающее задание.

Хранилище Истории было первым местом для поисков фамильных записей, но так как для Шайлер там было небезопасно, Оливер притащил все книги в ее студию. Расставание было хорошим шагом в их отношениях. Больше не было никаких маленьких раздражающих размолвок, ставших последствием совместного проживания 24 часа в сутки 7 дней неделю. Без сомнении, они все еще виделись довольно часто. Не смотря на то, что Шайлер больше не училась в Дачезне, она видела Оливера так часто, как будто все еще училась. У него были ключи от ее студии.

" Да здесь же полно книг." открывая дверь,произнесла Шайлер.

" Проводники вносят всю информацию в компьютерную базу данных, но они дошли только до 18 века," радостно сказал Оливер.

Он выставил запыленную гору на кухонный стол. " Как ты, между прочим?", чмокая ее в щеку, спросил он. Вдвоем они вернулись в обычную рутину. Оливер немного расслабился, когда стало очевидно, что Шайлер больше не стремится возродить их с Джеком дружбу. Угроза миновала.

"Хорошо."

Она рассказала ему обо всем случившемся с Аллегрой, о том, как странно снова разговаривать с мамой, только пришлось оставить ее так скоро. Ей даже не удалось расспросить Аллегру о ее так называемой сестре. Нет. Было так, Это наследие Ван Аленов. Спаси мир, пока ты жива, И когда нибудь мы увидимся по другую сторону

чего-то, когда- нибудь.

И все же. Шайлер должна приступать к работе, и она радовалась, что Оливер вместе с ней. С его помощью они уже далеко продвинулись вперед, учитывая то, что они искали генеалогическое дерево своими корнями уходящее еще в античность (древний мир). Повезло еще, что Голубая Кровь сохранила тщательные выражения и учетные записи. Шайлер поставила чайник и села напротив Оливера, который уже раскрыл книги и разложил их перед собой.

" Вот, что мы уже знаем," подытожил Оливер. " Тибериус Гемулус, являясь внуком и истинным наследником Цезаря Тибериуса, должен был воссесть на трон императора, в отличии от Каллигулы, который, в действительности, занял его место, а также он был усыновлен. Но Тибериус отдал предпочтение Каллигуле, и в последствии чего, назвал его своим приемником на трон императора. Тебе может показаться, что Гемулус огорчился, но записи показывают, что он был очень близок с Каллигулой и любил его как брата.В книгах по истории Красной Крови ничего не значится о Гемулусе, что весьма логично, так как большая часть настоящей (правдивой) истории скрыта от них, я имею в виду нас, ну ты понимаешь, что я подразумеваю."

Шайлер понимающе кивнула.

" Но здесь действительно нет ничего про Гемулуса или его семью, ни в одной из записей Голубой Крови.Как будто его никогда и не существовало. Или был недостаточно важным, что бы оставить хотя бы намек на упоминание о нем," предположил Оливер, вставая с места, и направился к, уже издающему свист, чайнику. Затем он расставил пакетики чая по чашкам и залил их кипятком.

" Но он важен," взяв свою чашку, ответила Шайлер, и прежде чем сделать глоток, сдула пар с поверхности горячего напитка.

" Он был Хранителем. И довольно значительным для того, что бы Михаил и Габриелла призвали его к Порядку Семи. Но где же он сейчас? Что с ним случилось? В кого он превратился?"

Шайлер спросила." Как же нам найти человека, если его нет в книгах?"

Оливер с Шайлер посмотрели друг на друга. Они оба подумали о, в некоторой степени, необычном дневнике, на который они натолкнулись 2 года назад.

И Оливер взволнованно произнес, " Обычно, если чего-то нет в книгах, значит…"

" Это тщательно скрывали," сказала Шайлер.

" Точно." Оливер положил свою кружку. " Ну и где же он, здесь мы его не найдем.," оттолкнув книги, сказал Оливер.

" Он был братом Каллигулы. Любимым императора. Его ближайшим советником. Олли, у меня идея. Называй меня сумасшедшей, но тебе не кажется, что возможно Гемулус… был Серебряной Кровью?"

Глава 57

Блисс

Когда Мими попросила Блисс стать ее лучшей подругой на свадьбе,то сначала Блисс была озадачена. Девушки не виделись уже больше года, и вряд ли были еще подругами. Но казалось Мими в отчаянии, и пожалев ее, Блисс согласилась. И так, солнечным октябрьским утром, когда Мими и Джек должны были соединиться, Блисс прибыла пораньше в салон для прически и макияжа, следуя указаниям Мими.

Тринити Форс и еще несколько дочерей членов высшего ранга Конклава, уже облаченные в мантии, сидели, читая журналы и попивая шампанское. Сама Мими находилась в центре происходящего. Быть соединенной означало надеть легкую белую мантию, но тем не менее она выглядела, как с картинки. Нанесенный макияж делал лицо изысканным, как у куклы, с ярко- красными губами и лишь намеком на румянец. Ее блестящие волосы цвета платины,с вплетенными в них белыми цветочками, были собраны назад в шиньон. Она выглядела роскошно.

"Блисс! Я так рада тебя видеть?" сказала она.

" О Боже! Я знаю! Ты волнуешься?" спросила Блисс, подражая голосу Мими." " У тебя же сегодня день соединения?"

" Уже дано пора, тебе так не кажется?" почти прокричала Мими.

Блисс почувствовала запах алкоголя в ее дыхании, но что-то в волнении Мими казалось… принужденным. Мими так сильно старалась улыбаться, что ее лицо казалось потрескается.

" Ты здесь. Данил о тебе позаботится. Но помни, Данил, сделай мою подругу красивой, но не красивее меня? хихикала Мими.

" Эй, между прочим, мне жаль, что я пропустила ммм…тот ритуал с купанием," сказала Блисс, стараясь не выглядеть неловко.

" Не волнуйся. Теперь ты здесь, а это главное," сказала Мими, блистательно улыбнувшись.

Она осталась все той же Мими Форс, подумала Мими. Тщеславной, самодовольной и эгоцентричной, а может у нее просто испуг перед соединением.

Блисс беспокоилась по поводу предстоящего события. Она надеялась, соединение пройдет быстро и она сможет убежать от всех. После очередного визита Посетителя, она чувствовала себя потрясенной и неустойчивой, и не вполне безопасно было здесь находиться. Не то что бы она когда нибудь, хоть когда нибудь, в ее правильном (здравом) уме, когда нибудь могла сделать такую ужасную вещь, как убийство ее подруги. Она должна убедить Шайлер покинуть Нью Йорк как можно быстрее. Чем дольше Шайлер оставалась в городе, тем опаснее было для нее. Блисс должна обеспечить своей подруге в целостность и сохранность… и держаться самой от нее подальше. Но еще оставалось придумать, как поговорить с Шайлер так, что бы Посетитель не догадался.

Она хотя бы знала, что Шайлер не придет на церемонию соединения, и Блисс не придется сегодня об этом беспокоиться. Хоть и меленькое,но это было желательное временное облегчение, даже незначительное, и она все еще нервничала.

Стилист выпрямил волосы Блисс и наложил такой толстый слой макияжа, что посмотрев в зеркало, Блисс не сразу себя узнала. Ее волосы достигали локтей, они значительно удлинились после вытягивания, а лицо стало шаблоном идеальности, хоть и спрей для загара придал ему слегка оранжевый оттенок. Она взяла такси домой, что бы переодеться в свой наряд, черное платье без бретелек. Довольно обычный наряд для для лучшей подруги невесты, ничего такого, что могло привлечь внимание от прекрасного зрелища, которым, без сомнения, должна быть Мими.

Вернувшись в пентхаус, Блисс в последний раз, смотрясь в зеркало,поправила свой макияж, стараясь смягчить бронзовый оттенок на щеках. Где был Дилан? Посетитель удерживал его, она знала, и еще больше начинала ненавидеть его за это. Его где-то удерживали? Он ранен? Была ли это ее вина? Как такое могло с ней случиться? что она могла сделать? Иногда ей казалось, что она действительно сходит с ума.

Когда она увидела свое отражение в зеркале, то заметила, что изумруд, подаренный Форсайтом 2 года назад, все еще у нее на шее. Проклятие Люцифера. Она прикоснулась к холодному камню, и с

большим усилием, сняла ожерелье. Она не хотела ничего, что напоминало о ее отце. Она швырнула его на столик в гардеробной. Казалось, оно оставило свою отметину на коже, но конечно же это только ее воображение.

Не осталось никого, с кем можно поговорить. Ни Дилана. Ни Шайлер. Она действительно была одна. Покидая комнату, она заметила букет, доставленный флористом Мими, этим утром. Огромная композиция из белых лилий. Взяв его в руки, она нашла,спрятанный в цветах, маленький конвертик с ее именем.

Она открыла конверт. Внутри находился тоненький кусочек стекла. Когда она к нему притронулась, внезапно он превратился в меч.

" Что за…?" сказала Блисс, держа и букет и меч неловко. Она отставила букет в сторону и присмотрелась к мечу повнимательнее. Выглядел он как-то очень знакомо. Это был Меч Михаила. Тот самый меч, которым Джордан пыталась заколоть ее. Как он здесь очутился?

Когда она его опустила, он снова превратился в маленький кусочек стекла. Нельзя было просто так его здесь оставлять. Она спрятала его назад в букет и отправилась на церемонию.

Глава 58

Шайлер

Что я здесь делаю? задавалась вопросом Шайлер. Она, как предполагалось, дома, изучает некоторые новые книги и документы, котрые Оливер откопал в Хранилище. Он хотел, чтобы она посмотрела файлы, которые он нашел, и позвонила ему, как только закончит читать их. Но каким-то образом ее ноги притащили ее в жилой район города. Она прошла восемьдесят блоков по Казедрал Парквэй и Амстердам Авеню.

Я должна сама это увидеть. Я должна увидеть его в последний раз, до того, как она свяжется с Мими. Как только он станет ее, я уйду.

Когда она жила на Риверсайд Драйв, Шайлер обычно посещала воскресные службы в церкви Святого Иова. Корделия предпочитала ее часовню на 5-й Авеню, но у Шайлер были нежные чувства к готической церкви эпохи возрождения, построенной в 1892 году, но все еще не законченной. Так долго, сколько помнила Шайлер, южная башня была покрыта деревянными подмостками, а часть фасада все еще пропускала вырезанные каменные скульптуры.

Каждый год, чтобы отметить день Святого Фрэнсиса, церковь организовывала формальное благословение жифотных. Шайлер вспомнила чувство радости от наблюдения за всеми животными, включая слонов из цирка, норвержского северного оленя, верблюда, и золотого орла среди прочего зверинца. На приводила Бьюти несколько раз для благословения. Она надеялась, что ее бладхаунд в порядке, в комфортабельном доме с Хэтти и Джулиусом. Шайлер подошла к церкви, наблюдая, как процессия из черных городских автомобилей и желтых такси привозит элегантно одетых гостей, которые окрикивали друг друга, так как уже прибыли. Было праздничное настроение, поскольку Голубая Кровь прибыла, чтобы отпраздновать один из их самых священных обрядов посвящения.

Солнце висело низко над горизонтом. Церемония начнется только после заката. Шайлер задержалась посреди улицы. Она

должна уйти. У нее нет права находится здесь. Она даже не была приглашена. Это была очень плохая идея. Место было забито Голубой Кровью, и она, как предполагалось, находится в бегах. Но Шайлер это не помогло. Против своих же верных суждений, она приближалась к церкви. Она должна увидеть это сама. Потому что, возможно сделав это, она прекратит испытывать эти чувства. Если она увидит Джек связанного с Мими, и то, как они счастливы, может быть, тогда ее сердце начнет исцеляться.

Шайлер протиснулась через боковую дверь к скамейке позади колонны. Оркестр заиграл Штрауса, и в воздухе повис запах ладана. Собравшиеся гости шептались с друг другом, во время ожидания.

Джек уже стоял на алтаре, выглядя великолепно в смокинге. Он высматривал, когда она появится, и она могла чувствовать его взгляд по всей нижней части длинного вестибюля. Его глаза вспыхнули с надеждой. Шайлер сжалась на своем месте. Он не может… Мне лучше уйти… Но было слишком поздно. Джек увидел ее.

"Шайлер? Это ты? Что ты здесь делаешь?"

Вот, дерьмо. На закрыла свой разум от него. Она должна убраться отсюда, это было не правильно. О чем вообще она думала? Но тем путем, каким она пыталась улизнуть, она поняла, что она направляется прямо на свадебную церемонию, которая уже началась. Она заметила Блисс среди дежурных. Она в ловушке. По крайней мере до тех пор, пока невеста не вышла, тогда она будет в состоянии улизнуть незаметно.

Но кое-кто еще заметил ее. Кто-то, кто был приглашен на свадьбу. Оливер и его семья шли к противоположной двери, когда она вошла, но он не подал и признака на ее присутствие. Он просто продолжил идти к своему месту.

Глава 59

Мими

" Ты выглядишь великолепно, моя дорогая. Если б тебя сейчас мог видеть твой отец," сказала Тринити Форс, поправляя вуаль Мими уже в машине.

" На самом деле он мне не отец. Ты это знаешь, правда?" спросила Мими. " Как и ты не моя мама, а Джек не мой брат. В противном случае, зачем нам соединение?

" Семья есть семья." сказала Тринити. " Хотя мы и другого вида, но мы все таки семья. У людей тоже можна кое чему научиться. "

" Как скажешь," закатив глаза, ответила Мими.

Ну вот. Наконец- то он наступил. День соединения. Она надела платье своей мечты. Сделанный на заказ шедевр: настоящий Бальтазар Вердуго. Сшитый из 50 ярдов самого лучшего парижского шелкового джакарда, сотканное из десятков маленьких розовых бутончиков,показных пайеток, антикварных кружев и страусиных перьев, 200 000 часов ушло на само изготовление, не учитывая 1 000 часов, потраченных на вышивку бельгийскими монашками. В сумочку она положила четки: те самые, что она надевала на последнее соединение, в Ньюпорте. Серьги с алмазами и жемчужинами от Бучелатти были единственным ее украшением. Мими взглянула на свое отражение в зеркале заднего вида, любуясь своими красными сочными губами, видевшимися из под вуали.Она выглядела безукоризненно, если бы только так себя и чувствовала. Вместо этого, Мими интересовало, не делает ли она самую большую ошибку в своей жизни.

Связи созданы, что бы их разбивать. Так же как и правила.

Машина подъехала к церкви. Внутри ее ожидает все Сообщество. Вампиры сегодня будут праздновать. Будут танцы и фейерверки, множество тостов за счастливую пару. Все было идеально спланировано. Все,что от нее требовалось, так это вжиться в роль. Ей бы это удалось, если бы не голос Кингсли у нее в голове.

Мими вышла из машины и внезапный поток ветра поднял с ее лица вуаль. Мама отвела ее в прихожую, где она должна была дожидаться своего выхода.

В церкви лучшие подруги невесты медленно шли по проходу, за ними следовали маленькие девочки в нарядах лепестков.

Тринити повернулась, что бы дать последнее материнское напутствие дочери.: " Иди прямо.Не сутулься. И, ради Бога, да улыбнись ты! Это же твое соединение!"

Потом она тоже вошла в дверь и прошла по проходу. Дверь за ней закрылась и Мими осталась одна. Наконец Мими услышала оркестр, играющий первые аккорды " Свадебного Марша" Вагнера. Затем приставы открыли двери и Мими направилась к порогу. Толпа издала высоко оценивающий вдох, когда Мими появилась в своем фантастическом платье. Но вместо того, чтобы признать свой триумф самой красивой невесты Нью- Йорка, Мими смотрела вперед, как и Джек, такой высокий и прямой, стоящий у алтаря. Их взгляды встретились, а он даже не улыбнулся.

" Давай закончим с этим побыстрее."

Его слова были,как нож в сердце. Он меня не любит. И никогда не любил. Не так,как он любит Шайлер. Не так, как он любил Аллегру. Он всегда приносил с собой на соединение этот мрак. Это сожаление и неуверенность, сомнение и отчаяние. Она не могла этого отрицать. Она знала своего близнеца, и знала, что он чувствует, и это не была радость или хотя бы облегчение. Что же я делаю?

" Готова?" Форсайт Ллевеллин внезапно произнес за ее спиной. О,да, она вспомнила, как Форсайт предложил повести ее к алтарю, а она согласилась.

И дальше больше ничего. Как в тумане, Мими взяла его под руку, а слова Джека все еще эхом отзывались в голове. Она шла,как зомби, по проходу не замечая ни вспышек камер, ни удовлетворительного перешептывания толпы, которую трудно чем-то удивить.

Где- то на пол пути она заметила того, кого не ожидала увидеть, почти наступив на атлас пятками, она замерла.

Кингсли Мартин стоял, со скрещенными на груди руками, в конце ряда скамеек. Он так же был одет в смокинг. Как и любой

другой гость. Что он здесь делает? Он должен быть в Париже! Он собирался уехать! Он смотрел прямо на Мими.

Она слышала его голос ясно и отчетливо в своей голове." Брось его."

" Зачем? Что ты можешь мне пообещать?"

" Ничего. И все. Жизнь, полную опасностей и приключений. Шанс быть самой собой. Брось его. Иди со мной."

Он действительно нервничал. Она уже сделала свой выбор! Она не может оставить своего близнеца посреди церемонии, на виду у всего Сообщества! Они будут смеяться над этим веками, она это точно знала. За кого он ее принимает? Он ухмылялся? Определенно да. Он знал, что заставлял ее испытывать неловкость. Ну, она ему покажет. Она бросит это ему в лицо, заставит его желать этого… он никогда…

О чем она думала? Кингсли был здесь. Не имеет значения,что он сказал, его действия говорили больше, чем его бойкость. Он должен быть в Париже, но вместо этого он здесь, в церкви, на церемонии, поэтому возможно, только возможно, он что-то к ней чувствует, что-то настоящее и искреннее и прекрасное и что-то,что он не может отрицать, не важно сколько бы шуточек он не отпускал по этому поводу.

Возможно он был здесь, потому что любил ее.

Давай с этим покончим, мысленно произнес Джек. Джек полюбит ее как только они соединятся. Но только, как обязательство. Только потому,что соединение его заставит. Мими сказала все взглядом, смотря на Кингсли.

"Я не могу…"

Глава 60

Блисс

Что делала Мими? Почему она остановилась по середине прохода? на кого она смотрела? Кингсли? Мартин? В последний раз Блисс видела Кингсли еще на суде…Странно, что он пришел на церемонию соединения. Он же Венатор, или что-то в этом роде?

Мартин!

Появилась фигура. Худенький мальчик, болезненный и хрупкий, следующий по пятам за своим старшим, сильным, умным братом. Мальчик, обожавший своего героя детства, его Гай, его защитник и лучший друг.

Гемуллус.

Блисс это увидела: лорд император Каллигула принимает трон, у него за спиной младший, слабый брат. Тибериус Гемулус. Истинный наследник. Но в сердце Гемулуса не таилась ненависть. Только обожание. Он настолько его любил. Он сделает все, что прикажет император. Даже согласиться на Извращение.

Она видела их: Калигула пьет кровь Гемулуса, а тот превращается из слабого мальчика в сильного. Сильнее, чем он когда либо мечтал; быстрее и могущественнее, вся его сущность преобразилась. А потом отчаянье… агония несвязанной души… крики столь многих в бессмертной крови, а потом епитимия (кара) Михаила… и прощение… и миссия.

Внезапно все стало на свои места. Голос Посетителя говорил так быстро, что Блисс ничего не понимала.

" Конечно же. Гемулус. Без сомнения. Михаил был коварным. Верить в него значить верить предателю. Мы должны нанести удар сейчас же. Сейчас!"

Незаконченная церковь. Согласно священным законам, церковь должна быть завершенной для полного освящения. Конечно же. Где лучше всего спрятать врата, как не в священном месте, которое и

вовсе таковым не является. Церковь, куда даже Серебряная Кровь может войти.

Не зная, что творит, Блис закричала голосом страшнее, чем глубочайшие эшелоны Ада.

" Кроатан! Ко мне! Это наша судьба! Врата времени здесь! Восстаньте, темные демоны из глины! Восстаньте и пробудитесь, ваше время настало!"

Внезапно все покрылось туманом, как только в церковь вошла Серебряная Кровь, единственная церковь на целом свете, куда они могли войти, они окружили Кингсли, окутывая его серебряным туманом, густым и непроницаемым. Они погрузили церковь в темноту, их смех сводил с ума и заставлял биться в агонии.

" Девушка! Не забудь девушку!" прохрипел голос.

Блисс посмотрела. Шайлер бежала по проходу, что бы помочь Кингсли пока Собрание оставалось в шоке. Выглядело, как будто Шайлер двигалась в замедленной съемке, пробираясь через толпу.

" Нет! Шайлер! Не вмешивайся!" вскричала Блисс, бросаясь спасти свою подругу от демона.

Но Левиафан опередил ее.

Глава 61

Шайлер

Она находилась в гломе, все падая, падая и падая. Демон схватил ее и потащил вглубь. Вниз, к самому темному и глубокому центру сумеречного мира. Когда Шайлер наконец открыла глаза, то увидела, что она прикована цепями к чему-то, похожему на врата, по обе стороны которых стояли два человека.С одной стороны находился красивый мужчина, весь в белом.

Она тот час же его узнала. Люцифер, когда-то – Небесный Принц, Утренняя Звезда. Она и подумать не могла, что мужчина может быть таким прекрасным; красота его была настолько ослепительна, что больно было смотреть. Как нож, который глубоко врезается под кожу, его красота требовала быть оцененной зрителем. Она осознала разницу между ним и ложным представлением о Корковадо.Истинная Утренняя Звезда сияла чистым неизбежным светом. Он стоял на пути лавы, скалы выпускали шипящий пар и Шайлер знала: это Дорога Мертвых. Они стояли перед Вратами Времени, где удерживали Люцифера.

Она стояла с Люцифером по одну сторону ворот, с убийцей ее дедушки. Так как демон был одет в плащ с капюшоном, Шайлер могла только краем глаза увидеть его обугленную кожу и светящиеся красные глаза, как тлеющие угольки. Она должна была бы испугаться, но вместо страха ее охватило чувство убийственного гнева. Еще не знала как, но она выберется отсюда и заставит их заплатить. Звучало абсурдно и неубедительно, но Шайлер знала, до тех пор пока она жива, пока она дышит, она сделает все возможное, что бы победить белое светящееся существо, стоящее перед ней, прекрасное, как восходящее солнце, и настолько же уродливое, как куча гнойных личинок, разъедающих его бессмертную душу.

Потом Шайлер заметила еще кого-то, кого они привели с собой в это темное место: третий мужчина лежал распростертым у ног Левиафана.

Кингсли Мартин застонал.

" Гемулус. Конечно же. я должен был догадаться." сказал Люцифер.

Его голос звучал нежно, гипнотически и властно. она говорил,как кинозвезда. Кингсли открыл свои глаза и закашлялся.

" Но ты не знал. По крайней мере не долго. Рад тебя видеть снова, брат. Ты не возражаешь попросить своего глупого братца слезть с меня? Здесь внизу не так уж и удобно."

В ответ Левиафан только злобно ударил его по ребрам. Кингсли задышал с трудом и начал задыхаться, Шайлер аж передернуло.

" Ответь мне, Гемулус. Неизвращенные до сих пор держат тебя на удушающем поводке? Все еще подчиняешься приказам Михаила, не так ли? Даже не смотря на то, что это я сделал тебя тем, кем ты сегодня являешься. Я показал насколько могущественне мы могли стать, выпивая бессмертную кровь."

Люцифер прислонился к вратам,выглядывая через решетку. Зверь в клетке. " Я не знал… Я понятия не имел, что ты предлагал," прошептал Кингсли. " Я был еще мальчишкой. Все, кем я завладел, все еще во мне. Я слышу их. Я живу с их страданиями. Это… невыносимо."

" Ты был самым слабым из нас! Позор для вампиров. Ты ничтожество!" прошипел Люцифер.

" А теперь я хуже ничтожества," ответил Кингсли.

" Жаль, что ты так думаешь. Ты никогда не мог понять масштаба моих амбиций," вздохнул Люцифер. " Хотя, я допускаю, что переместить врата из Лютетии, было мудрым решением. Оставив пересечение, как ловушку.

" Умно, правда? Это была моя идея." хмыкнул Кингсли.

" Я таки подумал." Люцифер кивнул будто бы соглашаясь. " Михаилу нужен был собственный лгун, что бы придумать правильный обман. Дьявол, что бы мыслил как дьявол.

Кинггсли довольно усмехнулся. " У тебя всегда был дар подбирать правильные слова."

Люцифер принял комплимент с поклоном. " Как ты знаешь, я уже очень долго этого жду. Наконец перед нами врата. откроем их?"

Шайлер поняла что происходит. Как Аллегра и говорила, врата были наполнены божественной силой. Сила Ангелов. Разделена Неизвращенными.

Они удерживали Люцифера и его злой умысел далеко от всех. Также, Утренняя звезда был в заключении под землей. Но однажды их открыли… Кингсли рассмеялся.

" Ты же знаешь, каждые врата требуют невинной жизни. А я далеко не невинный."

" О. Не спорю. Но мы привели одну," сказал Люцифер, и Шайлер увидела, что Кингсли поднял глаза и заметил ее, прикованной к вратам. Его лицо осунулось и весь задор бороться покинул его.

Шайлер осознала, зачем она здесь.

Она была жертвой.

Глава 62

Мими

Мими стояла, как вкопанная, посреди прохода, пока вокруг царили паника и хаос. Слышались чьи-то крики откуда-то. Что произошло? Где Кингсли?

Потом появился Джек и взял ее под руку. " Кроатан! В гломе! Сейчас! За мной!"

Хвала Богу, она гломе не в своем дурацком платье для церемонии. Так намного проще бежать. Ее близнец пробивался сквозь сумрак, как реактивный снаряд, Мими бежала вслед за ним. " Куда они подевались?" спросила она.

" Они забрали Шайлер к границе, к вратам," сказал он, пока они бежали все дальше и быстрее в глубь, вниз в темноту, к месту, где время и память не властно, где проходит огненная тропа.

Шайлер присутствовала на их соединении! Что она там забыла! Все это наверно ее вина! Постой!

" Ты знаешь о вратах?" спросила она. " Про порядок?". " Да," ответил Джек. " Чарльз рассказал мне. Он подозревал, что когда Левиафан выйдет свободу, Серебряная Кровь последует за ним в Лютетию."

" И вместо этого привел на пересечение," складывая все, что поведал ей Кингсли и рассказал Джек, вместе.

" Правильно."

" Но что-то пошло не так, да?" спросила Мими. Никто не получил желаемого в Париже.

" И для них и для нас," мрачно ответил Джек. Серебряная Кровь была не силах открыть врата, А Чарльз не в силе заманить в ловушку Серебряную Кровь, и сейчас,очевидно, он сам находился в ловушке на пересечении.

Они добрались до ворот. Все было так, как Кингсли и описывал: 6 футов в высоту, заваренные глубоко в земной коре. Мими знала, это

только их физическое проявление в гломе, только они могли его видеть. Дух Михаила был настоящим препятствием и защитой, удерживавшей Серебряную Кровь от перехода. Но где был Кингсли? Мими нигде его не видела,там находился только Люцифер, стоя за решеткой. И эта глупая девчонка Ван Аллен была прикована рядом с ним.

Заметив их присутствие, их бывший предводитель усмехнулся." Азраель, Абаддон. Как я рад, что вы к нам присоединились."

Мими боролась с побуждением стать на колени.

Утренняя Звезда предстал перед ней. Их единственный настоящий Принц. Каким могущественным он выглядел, каким прекрасным. Мими вспомнила как она следовала каждому его приказу, как они втроем свергали Небеса и Землю ради Всемогущего.

Какими великолепными били их триумфы! Какими прекрасными все они были, сверкая и возвышаясь к солнцу. Как посмел кто-то обвинить их в наслаждении их собственной красотой и славой? Как мог кто-то винить их в том, что они думали, их слава принадлежала только им?

Но нет, это его вина, что они здесь застряли; его вина, что их прокляли и они должны проживать свои жизни на Земле. Рай остался только туманным воспоминанием, почти мифом, даже для них, закрытым от тепла и любви Всемогущего навсегда. Если только…

Они старались… Они перешли на другую в последний момент, предпочтя Михаил их генералу. Но было уже поздно… Было поздно даже тогда, когда, возвращаясь к раннему рассвету мира, она была еще молода…

" Освободи ее!" прокричал Джек. " Сейчас же, дьявол."

Мими посмотрела на своего брата, своего близнеца. Она еще никогда не видела его таким злым, таким одержимым разрушением. Когда-то они бок-о-бок воевали в армии Люцифера, и так же против него.Джек перепрыгнул врата с пылающим мечом в руке, что бы уничтожить своего врага и спасти свою любовь.

Без колебания Мими последовала за братом.

Глава 63

Мими

В сумраке глома, Мими высвободила всю силу своего превращения. Она чувствовала, как расправляются ее крылья, как вырастают рога, закручиваясь над головой. Это было истинный облик темного и ужасного Азраеля, Ангела Смерти. У нее были крылья Апокалипсиса, предвестника Аида, разрушения и горечи. Все это она заключала в своей душе и своей сущности.

Со всей своей силой она бросилась на Утреннюю Звезду, прижимая его к черной скале, но ее когти не достигли своей цели, она просто удержала кучу пыли. Люцифер так просто не сдастся. Но Шайлер была на свободе. Когда-то я тебе задолжала. Но теперь мы квиты, подумала Мими.

" Не дурно, Форс!"

Она тут же обернулась.

За воротами Кингсли и Левиафан попали в затруднительное положение. Демон держал свое копье нацеленным в шею Кингсли, а Кингсли удерживал свой меч у сердца Демона. Никто не отступит, Мими это видела. Но может быть…

" Оставайся на месте, Форс, " медленно произнес Кингсли. Его красивое лицо повернулось в ее сторону. " Ближе не подходи."

" Почему? Что ты собираешься делать?" прокричала Мими, хотя уже знала ответ. Она видела белую ауру, начинающую его окружать. Он взывал к субвертио (subvertio), создавая белую дыру смерти.

" Я уничтожу путь," сказал Кингсли. " Это единственный выход."

" Нет!" Мими покачала головой, ее глаза сверкали.

Кингсли посмотрел на нее с со всей нежностью. " Не плач за мной, Азраель. Не трать свои слезы. Ты сделала свой выбор. А это – мой. Жертвовать – видимо – моя судьба. Забавно для эгоиста, не так ли? Они всегда меня называли слабым… но возможно слабость, в

некотором смысле, это и есть сила."

Мими прижалась лицом к решетке,настолько близко, насколько было возможно. Она не позволит ему уйти, не узнав, что она собиралась сделать, она планировала бросить Джека и остаться с ним. Она собиралась отказаться от соединения и выбросить свою судьбу на ветер. Я не могу, хотела она произнести. Я не могу это сделать. Я иду с тобой.

"Кингсли, я…"

Кингсли улыбнулся своей улыбкой чеширского кота. Без единого слова он воззвал к белой мгле, субвертио (subvertio),заклинание, открывающее то, что невозможно открыть, уничтожающее то, что невозможно уничтожить.

Начался сильный грохот, дрожание, как сильное землетрясение, и железные врата рухнули, и путь начал растворяться. Демон вопил, но Кигсли все время смотрел на Мими, не отрывая взгляд.

Азраил…

В один миг все исчезло. Путь, врата, демон и Серебряная кровь.

Кингсли не стало. Он попал в ловушку Ада навечно.

Мими рухнула на землю, как будто сердце взорвалось у нее в груди.

Глава 64

Шайлер

Она сделала это. Она вернула их с Джеком из глома (glom). Они находились в церкви, лежа в нескольких футах друг от друга. Кашлянув, она сплюнула ядовитую черную грязь. Она была покрыта сажей как трубочист. Ей стало интересно, было ли это последствием того, что случилось в гломе, или же это было следствием тумана Серебряной Крови, покрывшим храм во время нападения.

" Джек… Джек…" прошептала она, подползая ближе. Рана на его плече кровоточила… Копье демона было сломано. Из него исходил черный огонь. Джек умирал. Ужас, преследовавший ее месяцами, становился явью… то же отчаяние поглощало сейчас. Она его теряла.

Она перевернула его так, что бы обнять и убаюкать. Слезы капали на его щеки. Он не мог ее слышать.

" Он нуждается в Священном Целовании. Красная Кровь", послышался голос с другой стороны церкви. " Это яд для Кроатана и она уничтожит огонь. Нужно найти человека."

Платье для церемонии соединения все еще было на Мими, но, как и Шайлер, она была покрыта сажей, лицо в синяках, а глаза налиты красным. Она медленно подошла к Шайлер.

" Я знаю, это поможет. Кингсли сказал." произнесла Мими, покидая церковь, что бы отыскать человека для спасения брата.

Но времени не оставалось. Не было даже времени для наложения заклятия Зова(Призыва). И Шайлер все осознала.

" Я – человек." произнесла она. " Я полукровка."

Одна ее половина была от вампиров, а другая была смертной и слабой, но полной вибрирующей жизни, жизни, в которой вампиры так сильно нуждались. Это была та часть, та ее сторона, которая спасет ее любовь.

" Джек, послушай меня," шепча, наклонилась она. " Послушай,

тебе нужно попить… Ты должен выпить моей крови."

Джек медленно открыл свои глаза и пристально всмотрелся в ее. " Ты уверенна?" прошептал он.

" Да, ты должен. Это единственный выход…"

Шайлер знала, что Мими не обманула. В этом был смысл, какой-то, что-то настолько слабое могло также принести столько жизни. Именно это и сделает кровь. Она вернет его к жизни.

Джек открыл рот. " Но я же могу сделать тебе больно… Риск слишком велик. Извращение (превращение- Corruption)… Может появиться соблазн…"

Пить кровь другого вампира было запрещено Кодексом. Серебряная Кровь поступала так со своими жертвами. Если Джек потеряет контроль, то они оба будут обречены.

" Я тебе доверяю," сказала Шайлер, наклоняясь к нему, пока он не поднялся и не обернул руку вокруг ее шеи.

" Я не хочу делать тебе больно," прошептал он, его клыки белые и острые, края тонкие и опасные, как лезвие.

"Пожалуйста, Джек," сказала Шайлер. Она закрыла глаза. "Сделай это, сейчас же!"

В ответ, Джек погрузил клыки у основания ее шеи, и от внезапного вторжения Шайлер прикусила губу. Она и не ожидала, что это так больно, так происходило и с людьми? Неужели это вызывает головокружительные ни с чем не сравнимые ощущения, сладкое облегчение и изысканную боль, когда вампир высасывает жизненную силу? Никогда прежде она не чувствовала себя ближе к Джеку. Как будто он прикасался каждой ее частички, как будто их души соединились, как будто он открыл все ее секреты, как будто он узнал ее до конца… вкушая и наслаждаясь… Она упала в обморок…

Темная и прекрасная и драгоценная… такая сладкая… такая сладкая… такая сладкая…

Глава 65

Блисс

Посетитель вернулся. Он изрекал маниакальным, истерическим лаем приказы, которых она не понимала. Блисс ослабла.Демон вышвырнул ее, когда она попыталась помочь Шайлер, и теперь ее голова раскалывалась.

" ПРОСНИСЬ, ДИТЯ МОЕ! ИДИ! ЭТО ТВОЙ ШАНС!"

Что…Что ему нужно? Что происходит? Она осмотрелась вокруг. По середине прохода Шайлер держала Джека, как Пиету. Она споткнулась, двигаясь вперед, но все еще держала свой букет. Что Шайлер делала с Джеком Форсом? Предполагалось, Джек уже должен быть соединен. Но нет, Шайлер никогда не следовала правилам. Кодекс Вампиров на нее не распространялся. Как там Посетитель назвал ее? Эгоистка. Ничем не примечательная. Ложный друг.

Блисс почувствовала себя такой растерянной и одинокой.А может быть Посетитель прав.

Возможно он единственный, кому стоит доверять. Ее мать даже не удосужилась дождаться ее, увидеться, поговорить, когда она в ней так нуждалась. Что до Дилана, наверное он тоже был ложным, действительно ли он исчез? Удерживали ли его? Ему раньше удавалось вырваться, что же теперь останавливало?

Не было ничего, что могло ее остановить.

Возможно Посетитель был прав. Она уже была не в состоянии ясно мыслить; не могла четко видеть. Все, в чем она была уверена, так это то, что слышать голос в голове стало невыносимо. Она так устала бороться.

“Сделай это!”

“СДЕЛАЙ ЭТО!”

“УБЕЙ ЕЕ!”

слишком устала сопротивляться и быть хорошей… Может, когда

она сделает то, чего он желает, он перестанет ее мучить. Может, если она сделает им желаемое, она наконец найдет мир в душе.

Блисс подошла к Шайлер и вытянула осколок стекла из букета.

Глава 66

Шайлер

"С тобой все будет в порядке," пробормотала Шайлер. Джек уснул в ее объятьях. Она знала, он будет жить. Она это чувствовала. Ее кровь спасет его. Только это может его спасти. Вернет жизнь в его тело и победит черный огонь клинка Левиафана.

Она осмотрела пустую церковь. Мими еще не вернулась. Ее бывшая мстительница выглядела разбитой и потерянной. Там что-то произошло, в glom.

Шайлер прижала Джека сильнее и услышала чьи-то шаги. Кто-то стоял у нее над головой, неясно вырисовываясь.

" Блисс, что ты делаешь?" крикнула Шайлер.

Ее подруга выглядела, как ведьма, с распущенными рыжими волосами и в разорванном черном платье, держа в руке что-то светящееся и угрожающее.

" Мне так жаль, Шайлер. Прости меня," разрыдалась Блисс.

Шайлер передвинула Джека так, что бы он оказался в безопасности. Она встала и прикрыла его собой.

" Блисс, опусти нож."

" Я не могу…Я должна," прохныкала Блисс.

" Мне жаль, но я должна."

" Что ты имеешь в виду? Что происходит? Что с тобой случилось?"

" Мой отец… он в моей голове. Он говорит разные вещи. Он сказал я должна сделать это, иначе никогда больше не у вижу Дилана."

" Твой отец?" спросила Шайлер.

Но она уже знала ответ на свой вопрос. Что однажды сказала ей Корделия? Мы боимся, что одна из самых старых семей укрывает

Темного Принца. Мы не знаем как и кто, но подозреваем, что это предательство высшего уровня Конклава.

Серебряной Кровью все это время была Блисс Ллевеллин. Блисс вынашивала в себе Люцифера. Потом Шайлер припомнилось слова Лоуренса: Твоя сестра станет нашей гибелью. Блисс была ее спрятанной сестрой. Блисс родилась, что бы убить ее.

" Нет Блисс, ты ничего не должна… Я могу тебе помочь. Мы справимся с этим. Ты не должна выполнять его приказы."

Блисс не ответила. Вместо этого она бросилась в сторону Шайлер, но та сумела вовремя увернуться. Блисс ухватилась за подол юбки Шайлер и потянула ее вниз. Шайлер могла чувствовать лезвие, нацеленное в ее грудь. Это было оно… Джек рисковал своей жизнью ради ее, а она ради его… но все было зря. Как она могла не знать?

" Блисс! Пожалуйста!"вырвалось у Шайлер." Не надо?"

Блисс держала клинок, нацеленным в сердце Шайлер, в дюйме от груди, но в последний момент засомневалась.

" Прости меня. Прости!" Блисс расплакалась, отпуская подругу, слезы потекли ручьями по щеках

" Блисс, остановись, что ты делаешь?" крикнула Шайлер." Нет! "

Мощным ударом Блисс вонзила Меч архангела в свое сердце, разбивая стекло на миллионы кусочков, и тем самым, останавливая поток своей жизни.

Глава 67

Мими

Сборище (Coven) было готово к сопротивлению. Форсайт Ллевеллин исчез. Похитил ли его Кроатан? Или он сам был Кроатаном? Кому еще можно было доверять? Мими интересовало, почему он был таким резким во время их обряда соединения. Было ли это на самом деле ради Сборища, или же это было что-то другое? Знал ли он что спрятано под церковью?

А тем временем Конклав был разрушен. Это был конец всего, Серебряная Кровь в церкви! На соединении! Это было безумием, непростительным. Должны были происходить встречи для обсуждения последующих действий. Все больше и больше собраний, надлежащие расследования, и никаких принятых решений. Они были напуганы и без руководства. Мими поняла, что Ковен (Сборище) нуждался в ней и Джеке больше чем когда либо. Даже больше чем вчера.

Церковь не пострадала от нападения, разве что все было покрыто слоем тонкой черной пыли. Когда Мими вошла в храм следующим утром, то в некотором смысле обрадовалась, что в этот раз они с Джек будут одни во время церемонии. Их соединение было необходимо не только для них, а и для выживания их народа. Это было их обязанностью.

Она надела простую футболку и джинсы. Не будет никаких фотографов на этот раз, никаких уважаемых гостей. Все будет так, как во времена раннего Рима. Не будет никаких свидетелей их соединения, но они были и не нужны. Все, что требовалось это сказать заветные слова друг другу.

Это была их судьба и их путь.

Она встала перед алтарем и зажгла свечу. Джек скоро придет. Они вместе приехали на такси, но он попросил подождать его внутри, что бы позвонить.

Время шло, а Джек все не появлялся, Мими поняла. Джек

никогда не войдет в эту дверь. Он опять ее обманул, он ее не заслуживал. Он никогда не будет достоин.

Не то что бы…но она не могла произнести его имя вслух. Кингсли. Все, что могло прийти Мими в голову: Они вдвоем охотятся на Серебряную Кровь… Жизнь, полная опасностей и приключений… шанс снова стать самой собой…

Ее телефон завибрировал. Это было сообщение от ее брата. Там было всего 2 слова: " Прости меня."

Мими задула свечу. Сейчас это было уже без надобности.

Значит она была права. Джек бросил ее ради полукровки. Он не выполнит их священное соединение. Он не выполнит свой долг. Она пожертвовала своей любовью, но он своей не пожертвует. Он выбросил все на ветер, испытывая судьбу, смерть, восстал против законов небес и законов их кровной связи.

Она никогда его за это не простит. Она могла уехать с Кингсли, когда тот попросил. Она также могла выбрать счастье. Но она этого не сделала. Она приняла правильное решение слишком поздно.

И теперь она осталась одна.

Код Вампиров гласит- любой, кто нарушит Священный Закон, будет приговорен к смерти через сожжение крови. Чарльз отказался приговорить Аллегру. Но для Мими все по другому. Мими покинула церковь, зная, если она когда-нибудь встретит Джека, ей придется его убить.

Глава 68

Блисс

Следующим утром Блисс, после обряда соединения Мими, проснулась лежа на удобной кровати, укрытая лоскутным одеялом. Возле нее сидела обыкновенная женщина с румяными щеками и у лукавым выражением лица, одетая в поношенный кашемировый свитер и шерстяную вязаную юбку.

" Мисс Мюрей?" поинтересовалась Блисс. Что делала здесь ее учитель истории?

" У тебя было трудное время, деточка. Успокойся и постарайся расслабиться."

Комната оказалась хоть и маленькой, но довольно уютной, Блисс поняла, что это была вся квартира. Она еще никогда не была в столь маленьком пространстве. Практически она была размером с шкаф. Место хватало лишь на кровать и плиту. Если Блисс захотела бы расслабиться, она могла бы приготовить обед, лежа тем временем на диване. Хотя и квартира была не большая, она была достаточно теплая и удобная.

" Что я…" Что произошло? Где…?"

" Шшш," успокоила мисс Мюрей. поднося палец к ее губам. " Тебе нужно отдохнуть. Она скоро придет. Она хочет с тобой поговорить."

"Кто…?"

Женщина появилась из ниоткуда. Светловолосая с зелеными глазами, облаченная в белую одежду, мягко сияющую чистым белым светом. Как только Блисс ее увидела, она уже все знала.

" Аллегра," вымолвила она. " Это ты, не так ли?Я умерла?"

Аллегра ван Аллен безмятежно улыбнулась. Она выглядела намного старше, чем Блисс запомнила ее еще в больнице. Казалось, что женщина у кровати замерла во времени, но это Аллегра, стоящая напротив, хоть и с морщинами на лице и сморщенными руками.

Седина виднелась в ее белых волосах. Но она все еще была прекрасна. Увидев какой она стала, Блисс захотелось расплакаться.

" Подойди," сказала Аллегра, протягивая руки. " Иди ко мне, моя доченька."

" Так значит это все же правда," прошептала Блисс. " Я все таки твоя дочь."

" Мне очень жаль, что меня не было с тобой рядом, но твое существование скрывали от меня долгое время," сказала она с неподдельной грустью в голосе.

" Тогда как7 Почему?"

" Ты же приходили проведать меня не так давно."

" Да." кивнула Блисс. Она вспомнила свой тайный визит в больнице, пока Аллегра лежала неподвижной.

" Когда ты пришла ко мне, появилось чувство присутствия, которого не было уже очень давно. Мне стало страшно и одновременно я разозлилась. Я закричала. Кажется, вся больница меня тогда услышала. И потом я поняла, что Чарльз и Лоуренс сделали так,как чувствовали будет правильно. Они сделали это во имя любви, иногда любовь заставляет поступать иррационально… даже непростительно. И я не знаю смогу ли когда нибудь их простить за то,что они пытались с тобой сделать." тихо сказала Аллегра.

Блисс спрятала свои кулаки под одеяло. У нее была мама, которую украли. " Значит Люцифер говорил правду," выговорила она безжалостно. она почувствовала противоречие и мучительность.

" Нет, это не так. Ты одна из нас."

" Но как? Как так?, ты же была связана с Михаилом."

Аллегра утвердительно кивнула. " Да. Это очень длинная и болезненная история. Но ты должна знать, ты – плод нашей с ним любви."

" Где ты? Ты здесь? Ты на самом деле здесь?"

"Я внутри тебя. Мне не удавалось связаться с тобой до сейчас. Я уже говорила твоей сестре, я всегда буду рядом."

" Хорошо." Блисс моргнула со слезами на глазах.

" Ты не заметила, в тебе ничего не изменилось?", спросила Аллегра.

" Например?"

Она понятия не имела о чем спрашивала Аллегра, пока не перестала об этом думать. Наступила тишина. Она была одна в своем теле. Голоса исчезли. Тяжесть всех душ, живших в ней, ушла. Но, самое главное, ушел и Посетитель.

" Меч Михаила уничтожил твою кровную связь с Люцифером. Твой отец видел в тебе путь, который приведет к границе, удерживающей его в подземном мире."

" Значит я жива. А мой отец, во мне, умер."

Блисс переполняло чувство облегчения. Она вернула свою прежнюю жизнь назад. Ей это удалось!, она успешно себя убила, как только они с Диланом поняли, какое у нее задание. Она это сделала…

За тем, как будь-то она вызвала его из воздуха, появился Дилан, рядом с Аллегрой. " Я горжусь тобой, Блисс," сказал он. " Меч Михаила освободил души, которые были заперты в ловушке в твоей крови. Ты их выпустила их на свободу. Ты освободила меня."

" Но теперь я больше никогда тебя не увижу, или увижу? спросила она.

Дилан улыбнулся." Вряд ли. Но я никогда не говорю никогда."

" Я не хочу, что б ты уходил. Мне так будет тебя не хватать.," сказала Блисс.

" Я тоже буду скучать по тебе."

Дилан поднял руки, и Блисс сделала так же. Но в этот раз, вместо того что-бы потрогать воздух, она почувствовала, как его теплые руки прикасаются к ее холодным. Она посмотрела на Аллегру. Она знала, что это происходило благодаря маме. Дилан наклонился и она почувствовала как его губы, мягкие и такие манящие, целуют ее. Потом Дилан исчез. Но Блисс не испытывала чувства страдания. Она чувствовала себя в мире. Дилан больше не был разбитым или неполным. Он был одним целым.

" Ты исцелилась." Аллегра кивнула. " Ты больше не являешься Серебряной Кровью." Она остановилась. " Но ты уже и не вампир."

Блисс вздрогнула. Больше не вампир?, что это значит? Значит ли это,что она стала человеком?

" А сейчас слушай внимательно." Блисс слышала голос Аллегры в своей голове, в glom, так будь-то она обращалась непосредственно к ее разуму. " Давным давно, когда мир был молод, а тропинки между Раем и Адом были открыты, Люцифер привел из под земли чудовищ, гончих Ада. Но их альянс с Серебряной Кровью был не долгим. Волки это истребители демонов. Они были на стороне Голубой Крови в период кризиса(падения). Но спустя столетия мы отдалились. Ты должна их отыскать. Они нужны Голубой Крови в последней битве против Серебряной Крови. Найди волков. Собери их вместе. Верни их назад (к истоку или домой).

" Но с чего мне начать?"

" я не оставлю тебя одну. Тебе будут помогать с твоим заданием. Кто-то, кто тебя любит и позаботится о тебе, так как я не смогу.

Блисс все поняла. Мисс Мюрей стояла рядом с Аллегрой и больше не выглядела краснощекой учительницей истории. Напротив, ее глаза стали серыми и серьезными… и Блисс запнулась.

"Джордан?"

" Ты меня когда-то знала под этим именем." учительница кивнула. " Но мое настоящее имя…"

"София"

" Совершенно верно. Умная девочка." Мисс Мюрей просияла.

" Мне тебя теперь так называть?"

" Думаю подойдет мисс Мюрей. Хотя, если тебе хочется, можешь звать меня тетя Джейн."

" Меч Михаила. Это ты вложила его в мой букет. Я права, не так ли?" спросила Блисс.

Учительница не отрицала.

" Я знала, что используешь его правильно. Я в тебя верила."

" Но если я уже не вампир… что я могу сделать?"

Сама мысль о том, что она человек пугала. Жить, не обладая удивительными возможностями, которыми наделяла бессмертная

кровь… быть такой хрупкой и слабой… и абсолютно бессильной.

" Сделай все возможное. Это все, что я прошу." заверила ее мама.

" Куда ты уходишь?" спросила Блисс, пользуясь уже своим голосом.

" Туда, где никто не сможет за мной последовать. Но я не исчезну. Мы снова встретимся, Блисс Ллевеллин."

" Аллегра, пока ты не ушла… можешь назвать… мне мое имя? Я имею в виду, Мими – Азраель, Джек – Аббадон. А я не знаю своего настоящего имени. И никогда не знала. У меня оно хоть есть?" спросила Блисс.

" Имена даются на небесах. Твой отец назвал тебя Азазель, Находящаяся во Мраке (the Darkling). Но я буду звать тебя Люпус Телиель, Ангел Любви, и мое Проклятие Волков (Wolfsbane).

Глава 69

Шайлер

Во время поездки до аэропорта ДФК (Джонна Фицджеральда Кеннеди), Шайлер все держала в себе.

Она все еще была вымотанной после вчерашних событий, но времени для отдыха не было. Документы, которые обнаружил Оливер, от которых он был столь взволнован, блыи в небольшой папке на ноутбке, в файлах сохраненных Кристофером Андерсоном, Проводником Лоренса.

Пятьдесят пять файло с ноутбука, включали в себя все, что ее дедушка обнаружил отночительно Наследия Ван Аленов, и возможного влияния. Хранители третьих врат, Врат Обещания, вероятно все еще были во Флоренции, там куда они сейчас направились.

Прошлой ночь, когда она наконец-то пришла домой, Оливер ждал ее в ее апартаментах. Когда она вошла, у него заняло некоторое время, чтобы принять тот факт, что она действительно жива и стоит перед ним. Он был убежден, что потерял ее навсегда. Они сильно обняли друг друга, но Шайлер была все еще слишком обезумевшей и запутанной во всем, что произошло с Джеком, чтобы уделить Оливеру достаточно внимания.

Она слушала, поскольку он рассказывал ей о том, что случилось со всеми остальными во время нападения и о их последствиях; большинсвто из Глубой Крови убежали, чтобы спрятаться в Башне Форса, так как они были проинструктированы Конклавом. Они все были в безопасности.

Но, как надолго?

Такси подъехало к терминалу, и Оливер выгрузил их сумки. Он тоже молчал во время поездки. И он смотрел на Шайлер с таким напряжением, как будто он пытался запоминить ее лицо.

"Что? спросила Шайлер. "У меня что-то застряло в зубах или что? Почему ты на меня так смотришь?"

"Я не еду во Флоренцию," сказал Оливер, отпуская такси.

"Что ты имеешь в виду, говоря, что не едешь во Флоренцию…" сказала Шайлер, так как Джек Форс приближался к терминалу.

Вчера, Мими наконец-то вренулась в церковь, и забрала ее брата. Джек был слишко слаб, чтобы говорить, когда Шайлер провожала их двоих до такси. Мими по-собственечески держалась за Джека, Шайлер знала, что у них нет шанса сказать те вещи, о которых, в любом случае, они хотели сказать друг другу.

Не была и следа растерянности сломленной девушки, которой была Мими, когда вернулась. И Шайлер поняла, что борьба за сердце Джека была далека от окончания. Возможно, она и Джек просто не были предназначены друг для друга, и двое из них должный принять это. Было достаточно знать, что они рискнули всем ради друг друга. Возможно память об их любви была всем, что они могли позволить себе. Она не знала. Она знала только, что ей много чего надо сделать. И если ей прийдется оставить Джека, как часть этого, тогда не было ничего, что она могла бы сделать еще. Она должна обнаружить свое наследие.

Но, когда она увидела его, и они посмотерли друг на друа, она поняла, что она никогда не сможет отсавить его в стороне. Он выздоровел; он выгледел уставшим, но таким же, как и она. Они через многое прошли за посление 24 часа.

"Ты здесь," отослала она. "Моя любовь."

"Я не могу быть где-то еще."

"Я пришел, вскоре после того, как получил твое сообщение," сказал Джек Оливеру.

Оливер передал ему свой собственный рюкзак. "Скоро ваш вылет. Я предлагаю, вам ребята, пройти здесь, секьюрити в эти дни безвредны. Тем более в международном терминале.

"Ты позвонил ему? Оливер, что происходит?" спросила Шайлер.

"Я попросил Джека встретить нас здесь. Я сказал ему, что ты отправляешься во Флоренцию. Я попросил его поехать с тобой."

"Оливер?"

"Скай… прекрати," сказал Оливер. И не перебивай меня, потому что я должен это сказать. Я знаю, что ты бы никогда не бросила меня.

Я знаю, что ты бы никогда не приняла решение, поэтому я принял за тебя. Ты должна идти с ним."

Шайлер поняла, что ее глаза наливаются слезами. "Олли…"

"Ты не можешь определиться с выбором между нами. Так что, я сделал выбор за тебя. Джек может защитить тебя в пути, я нет. Вчера, когда Левиафан забрал тебя, я никогда не чувствовал себя таким беспощным…и я знал… я знал, что не могу быть там ради тебя, тем способом, которым он может." вздохнул Оливер. "Я бы хотел, чтобы ты была в безопасности, целой и невредимой… чем со мной."

"Оливер…"

"Теперь иди. До того, как я передумал. Но ты знаешь, что я прав. Я всегда прав, Шайлер."

Он никогда не называл ее Шайлер, только тогда, когда он был серьезен. Или зол. Или, может быть немного и того, и другого. Это не легко для него. Это было для нее не легко, чтобы слышать это.

"Но как же ты?" спросила она. "Я отметила тебя…"

Священный Поцелуй значил, что он всегда будет по ней тосковать. Она не могла позволить ему жить таким образом.

"Я буду в порядке. Увидишь. Я не верю в фатализм. И ты будешь звонить мне, не так ли? Время от времени? Я все еще могу помочь… прямо отсюда. Я думаю смогу, в любом случае. Но я знаю, что это то, что должно было произойти. Я чувствовал это… это справедливо… и, как я и сказал, я никогда не ошибаюсь." Оливер пихнул билеты в руки Джека.

Шайлер близко притянула к себе Оливера и сильно обняла. "Спасибо," прошептала она. Спасибо, что достаточно сильно любишь меня, чтобы опутстить.

"Не за что," сказал Оливер.

Он улыбнулся, и она знала, что он условил то, что она не произнесла вслух. Связь между ними, вампиром и проводником, наконец-то зажглась.

"Прощай, Олли," прошептала Шайлер.

"Позаботься о ней," сказал Оливер, пожимая ладонь Джека. "Ради меня."

Джек кивнул и энергично пожал руку Оливера. "Всегда."

Оливер отсалютировал им обоим, и быстро ушел, запрыгивая в близжайшее такси, которое он смог найти. Шайлер видела, как он уходит, обнаружив, что ее сердце заболело глубоко внутри… но оно не разбилось. Они будут друзьями. Они навсегда останутся друзьями. Она все еще его любила.

Рядом с ней, Джек вытянул руку.

Шайлер сильно ее сжала. Она никогда не отпустит. Не в этой жизни. Она знала, что это значит. Они идут на риск. Они собираются пойти наперекор обязательствам, Кодексу, всему, что будет стоять на пути того, чтобы они были вместе. Они будут рисковать всем ради их любви. Как и ее мама. Кака Аллегра.

Никто не выбирает своюжизнь, сказала она своей матери.

Она ошибалась.

Вместе, рука в руке, двое из них проходили по терминалу.

Эпилог

Сан-Тропе

Изабелла Орлеанская, дома, выглядела столь же пугающе, как и на вечеринке. Графиня пригласила их к себе на виллу в Сан-Тропе, на залитую солнцем террасу с видом на яркое синее Средиземноморье. Это была их первая остановка на пути к Флоренции, и это была идея Джека – попытаться добиться того, в чем Шайлер не преуспела за прошедшие месяцы.

«Так, вы – беженцы из племени Михаила,» сказала Изабелла, ее голос был тихим и резким. «Что заставляет вас думать, что я дам вам то, что вы просите? Почему Европейский Шабаш ведьм должен позаботиться о двух своенравных детях?»

«Ваша светлость, мы понимаем ваш скептицизм… но мы в отчаянии. Без защиты вампиров мы будем не в состоянии выполнить большую работу Лоренса Ван Алена,» сказал Джек.

Графиня подняла свои брови. «Так значит вы находитесь в Европе, чтобы попытаться выполнить его наследие?»

«Да, ваша светлость.» кивнула Шайлер.

«Тогда почему вы не упомянули об этом ранее?» потребовала графиня, заставив двух ее комнатных собачек завизжать.

Джек и Шайлер обменялись взглядами. «Наши извинения,» сказал Джек.

«Я предоставлю вам доступ к Европейскому Шабашу ведьм, и дам вам свое благословение. В то время, пока вы находитесь в пределах наших границ, Нью-Йоркский Шабаш ведьм будет не способен тронуть вас.»

«Спасибо, графия. Вы не знаете, сколько это значит для нас,» сказала Шайлер, облегчение и радость были в ее голосе.

Графиня размышляла. «Это война забрала жизнь у пользующегося наибольшим доверием друга.»

Шайлер кивнула. Она слышала, что настоящее тело барона де

Кубертина было найдено, всплывшим в Сене, спустя несколько недель после нападения.

«Нам так жаль это слышать,» сказала она. Она знала, что значит потерять Проводника.

Графиня печально пожала плечами. «Вы знаете, я всегда была другом для Лоренса и Корделии. Был только Чарльз, которого я на дух не переносила,» вздохнула графиня.

«Я знаю, что он должен был наказать моего брата, но я думаю, что наказание было слишком безжалостным. Конечно же, должен был быть способ жить в мире вместе, без обращения к таким строгим мерам. Что ж. Сейчас ничего нет, чтобы мы могли что-то с этим сделать, не так ли?»

"Ваш брат, ваше высочество?" спросил Джек.

«Почему, Валериус, ты так скоро забыл меня?» Графин улыбнулась, выглядя при этом, скромно и кокетливо.

«О, сколько мы, три сестры, боролись за тебя, когда ты достиг совершеннолетия! Прекрасный Валериус! Но конечно Агриппина выиграла тебя, как всегда. Что ж, видимо больше нет.» Она подмигнула и посмотрела на Шайлер. «Ты удачливая девушка, моя дорогая.»

"Извините?" спросил Джек.

"Раньше в Риме, вы знали меня, как Друссилу," сказала им графиня, поскольку она встала со своего стула. "Пойдемте, дети. Я полагаю, обед уже подан. А мой шеф-повар готовит великолепный томатный салат. Вы же присоеденитесь ко мне, не так ли?"